

1

2008

РОССИЯ XXI

1.2008 январь-февраль

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

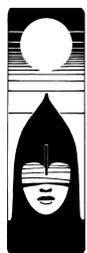
Пузырь _____ 4

Геоглобалистика

Олег Гриневский

Быть или не быть ПРО? _____ 18

Национальная доктрина

Марк Лапицкий

Основы деловой культуры США _____ 66

Европейские параллели

Марина Витухновская-Кауппала

Память о «финской войне»
в России и Финляндии _____ 92

Михаил Люстров

Гиперборейский миф в Швеции и России:
О.Рудбек и В.Капнист _____ 108

Ярлыки и мифы

Виктор Тополянский

Метафизика бойкота
в Московском университете ____ 118

Страницы истории

Бела Желицки

Москва—Будапешт:
рубежи взаимоотношений
(1948—2008) _____ 152

Редакционная почта

Исаак Розенталь

Музей и время _____ 178

Contents in English look at the page 192

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Люди хотят, чтобы всякий, принадлежащий к их партии, был слеп и глух к зловещим предсказаниям на ее счет и ко всем ее неудачам; они хотят, чтобы наши убеждения и наш разум служили не раскрытию истины, а поддержанию в нас наших надежд. Я склонен скорей к другой крайности, ибо боюсь, как бы эти мои надежды не увлекли меня за собой.

Мишель Монтень

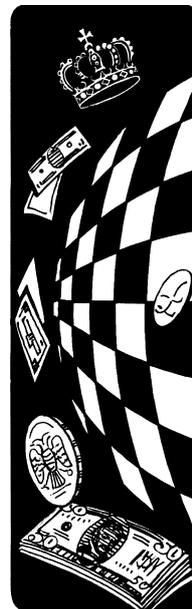
Стремиться видеть больше и лучше – это не каприз, не любопытство, не роскошь. Видеть или погибнуть. В такое положение поставлено таинственным даром существования

все, что является составным
элементом универсума.
И таково же, следовательно,
но на высшем уровне,
положение человека.

Пьер Тейяр де Шарден

Именно трезвость и отличает
деятельных утопистов
от «утопистов» грезящих.

Эрих Фромм

Сергей Кургинян

ПУЗЫРЬ

The article is devoted to the topic recurrently discussed by the author, in this magazine in particular. The topic is lack of ideology and strategy in the Russian structures of power. This lack may become a source of collapse even in a more safe country than Russia. It was precisely collapse of ideology and lack of strategy capable to orientate the society as a whole to creative activity brought about disintegration of the USSR. And precisely ideological and strategic impotence of authorities may to bring to naught all rather provisory achievements of the past 8 years. A society deprived of ideals cannot be sound and consistent and it is impossible to implement its development without strategy.

Уже восемь лет я бью тревогу и предупреждаю весьма неглупых и далеко не слабых людей о крайне неблагоприятном состоянии дел во вверенной им стране.

В своих оценках я исхожу даже не из аналитики – поверьте, весьма тревожной – тех или иных макросоциальных процессов. Коррупция ужасна, но бог с ней, с коррупцией. Социальная дифференциация такова, что единство нации под вопросом. Но бог с ней, с социальной дифференциацией.

Одномоментный коллапс всего и вся может вырасти из одного лишь «нематериального повреждения», игнорируемого теми, к кому я обращаюсь. Это повреждение при любом материальном благополучии нации (а оно нет и в помине) способно мгновенно обратить нынешний условный подъем в унижительную и сокрушительную катастрофу. При этом катастрофа, о которой я говорю, будет столь унижительна и столь сокрушительна, что все ужасы распада СССР покажутся детскими невинными шалостями.

Вольные или невольные организаторы этой катастрофы превратятся в крайне благополучных обитателей других «элитных миров» – лондонских или гонконгских. А далеко не безразличные мне люди – неважно, друзья или просто не до конца декларативные патриоты – окажутся один на один с озверевшим и отчаявшимся народом, застигнутым мгновенной и необъяснимой для него катастрофой.

Как бы ни деградировал народ к этому скорому и глубоко трагическому моменту, у него хватит ума на то, чтобы спросить у оставшихся: «Пошто морочили голову?»

Но даже если никто ни о чем уже не будет спрашивать, а просто будет метаться, как скот в запертом и подожженном «дворе», есть ведь и иные, так сказать, экзистенциальные риски.

Для кого-то они носят религиозный характер – встреча на Суде и необходимость давать соответствующие ответы.

Для кого-то речь будет идти об иных, более тонких, вещах, связанных с ответственностью перед мертвыми – теми, кто веками нес на своих плечах тяжелый крест российской истории.

А кто-то – поверьте, что я не преувеличиваю, – будет просто корчиться в муках не до конца истребленной совести.

К ним я и обращаюсь как во имя предотвращения прискорбного развития событий, так и во имя усугубления их ответственности за то, что произойдет. Пусть никто не говорит потом, что его не предупреждали.

Предупреждали! Предупреждали все восемь лет, поддерживая каждый (даже проблемный) шаг по так называемому «наведению порядка».

Предупреждали, ничего не ища взамен для себя и твердо зная, что констатация неприятных вещей не будет одобрена одними, путающими лояльность с лакейством, и что поддержка так называемого «порядка» вызовет бешенство у других, никуда не ушедших от прежних ельцинских шалостей и вполне влиятельных сил.

Источником коллапса станет отсутствие идеологии и стратегии. Оно одно может стремительно взорвать даже более благополучную страну, нежели нынешняя Россия.

Я неоднократно называл такое отсутствие «тупиком прагматизма». И нарывался на недоуменный вопрос, как может подобная эфемерная малость сокрушить массивные «скрепы» все еще увесистого государства и весьма инерционного общества?

Когда же я объяснял, что без действительной – глубоко воздействующей на реальность и обусловленной ею – идеологии и стратегии не может работать вся наиважнейшая в XXI веке сфера нематериального производства... Что к этой сфере относятся хотя бы пресловутые средства массовой информации... А на самом деле далеко не только они... Когда я напоминал, что все это, именно оно, а не постоянно муссируемые «пустые прилавки», привело к коллапсу СССР, мне говорили, что в эпоху распада СССР все это было заряжено огромной и директивно поощряемой деструктивной энергией. А сейчас ничего подобного нет и в помине.

И тут я вынужден был констатировать, что на самом деле то, что есть, намного хуже. А мне на эту констатацию отвечают: «Было бы все намного хуже – были бы прямые экспериментальные доказательства. Ну, мятежи, миллионные толпы на улицах. Если этого нет, то любые теории – только теории и не более. Ведь и в конце 80-х годов кто-то начал к чему-то прислушиваться – пусть и слишком поздно – только потому, что были наглядные доказательства».

Ну, что на это ответить? Что будут и наглядные доказательства? Что не всякие схемы «коллапсизации» предполагают наличие кризисов в преддверии коллапса? Что, когда возникнут экспериментальные подтверждения, будет уже совсем поздно?

А надо ли вообще в таких случаях спорить? Мне-то кажется, что настал момент, когда нужно не спорить, а просто заявлять свою позицию. И все. И надеяться, что ты ошибся. А также заранее делать какие-то шаги, способные предотвратить худшее, если ты не ошибся.

Короче, каждый, кто хочет мне возражать, – пусть возражает. Это его право. Если будут приведены какие-то аргументы, опровергающие мои оценки и выводы, я буду счастлив. А если место аргументов и оце-

нок займут пустые слова, хамский бред, дешевые риторические упражнения, то я никак на это не буду реагировать вообще. И просто буду продолжать говорить то, что считаю нужным. А именно – что ОТСУТСТВИЕ РАБОТАЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ СПОСОБНО ОДНО, ВНЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОСТАЛЬНЫМ, ОДНОМОМЕНТНО ОБНУЛИТЬ ВСЕ УСЛОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ВОСЬМИЛЕТИЯ. И ДАЖЕ ПРЕВРАТИТЬ ДОСТИГНУТЫЕ (ВНОВЬ ПОВТОРЮ, УСЛОВНЫЕ) ПЛЮСЫ В МИНУСЫ.

Нельзя говорить об этом вообще. Нужно обсуждать вопрос сугубо конкретно и одновременно стратегически. С чего начать? Что выделить?

Вряд ли кто-то больше меня и резче меня негативно оценивал ельцинский период. Впрочем, больше, меньше – не в этом дело. Я написал по этому поводу, наверное, сотню статей. И большинство написанного относится к тому периоду, когда нынешние хулители «отвратительных 90-х годов» (то есть этого самого ельцинизма) восхваляли Ельцина и входили в его «системное окружение».

И вот теперь я попытаюсь обсудить под вышеоговоренным ракурсом, что означает нынешняя политическая философия «отвратительных 90-х» в сопряжении с разного рода причудливыми обстоятельствами.

Перед тем, как сказать о «проклятых 90-х годах», говорилось о «проклятых семидесяти годах советской власти». Кто об этом говорил? Говорившие были членами и кандидатами в члены Политбюро, ключевыми пропагандистами советской эпохи, пресловутыми «мастерами культуры», вопившими перед этим как резаные о том, что они, как ходяки, идут к Ленину (Евтушенко), преклоняются перед парящим ленинским профилем (Вознесенский). Бог мой, надо ли продолжать?

Это карнавальное шествие вчерашних партийцев, парт- и околопартпропагандистов, ставших новой антисоветской элитой, не могло не вызвать внутренней социальной рвоты, соединенной с рвотой всего прогрессивного человечества.

Если кто-то думал (а может быть, и думает), что у всего, соотносимого с властью (мировой или какой бы то ни было еще), это не вызвало сокрушительного презрения – он не в себе. Возможно, презрение не является прагматическим параметром. Но есть культуры (китайская в том числе), в которых потеря лица хуже смерти.

Достоевский, конечно, не прагматик, но что-то он и понимал, и предугадал. Когда он говорил: «Некрасивость убьет» или предупреждал: «Обратитесь в хамство – гвоздя не выдумаете», – то... Словом, вряд ли стоит выводить подобный фактор презрения из числа системообразую-

щих. И в любом случае придется признать, что наглядный пример, который элита подала своему народу (показав ему, что проповедуемые ценности можно менять с фантастической легкостью и вплоть до наоборот), решающим образом сказался на моральном, культурном, психологическом здоровье этого самого народа. Или и это здоровье не прагматический фактор?

Но тогда что такое государство? Оно может быть здоровым, если больна нация?

Однако в прежнюю эпоху нации все-таки объяснили следующее. Мол, советская система была ужасна, и только потому люди, жившие в оной, ради выживания шли на сделки со своей совестью. Это была гнусная и очевидная ложь. Никто не требовал от готовых к издержкам творческих людей вступления в КПСС или даже в творческие союзы. Моя мать, как и многие другие, не вступила в КПСС и не стала членом Союза писателей. Но издала при советской власти несколько книг. Отец же, вступив в партию под Ельней в 1941 году (когда отказ от вступления был равносильным трусости), выстроил свои – сложные и отнюдь не конъюнктурные – отношения с идеологией, которую принял. Так же поступали миллионы и миллионы других.

Они-то и не переметнулись. Переметнулись именно те, кто сделал из причастности к правящей партии источник особого советского преуспеяния. А почувствовав иные возможности, превратил тот источник в новый, несравненно более шикарный. Для чего все и было сделано (а не для избавления от пустых прилавков, несвободы... равно как и не для вхождения в мировую цивилизацию). При таком имморализме наверху – чего можно ждать внизу?

Ну ладно. Ту историю худо-бедно... проехали.

Теперь начинается новая! Об ужасах 90-х говорят члены ельцинского Президентского совета, ключевые журналисты, воспевавшие ельцинизм и звавшие народ в ельцинский рай. Вырывая его, бедняжку, из капкана советской распределительности. Если такая деельцинизация – это дежавю на тему о хрущевской десталинизации, то приходится признать, что при Хрущеве была хоть какая-то – хотя и очень тухлая – идеологическая внятность. Здесь же нет никакой.

Да, Хрущев был членом сталинского руководства. Да, он сам участвовал в поносимых им же репрессиях. Но речь шла все же и впрямь об очень жесткой сталинской системе. Можно было спросить: «А что ему, Хрущеву, было делать? И как он мог бы переломить зловещий сталинизм, не являясь частью своей системы?» Кроме того, Хрущев реформировал систему все же по внятному и даже квазирелигиозному идео-

логическому принципу, согласно которому Ленин – это «бог», а Сталин – «падший ангел». Хрущевская десталинизация тоже кончилась весьма печально. И все же Сталина вынесли из мавзолея, Берию расстреляли. И не только Берию, а многих.

Кто ответил за ужасы 90-х годов, которые столь смачно живописуют?

Если освобождение от ужаса 90-х годов – условно «десталинизация» и Ельцин как бы Сталин, то почему, Путин создает президентскую библиотеку имени Ельцина? Как отделить проклинаемое от восхваляемого? И что происходит, когда нет такого разделения?

Скажут, что аналогия с десталинизацией хромает. Ну, хорошо. Могу и без аналогий. Найдите другой способ емко определить реальное идеологическое содержание нашего времени.

Докажите, что оно не является перманентной деэльтинизацией, переплетенной с диаметрально противоположным процессом. И ответьте на вопрос о последствиях подобной парадоксальной процедуры. Если процедура такова (а поток высказываний говорит именно об этом), то как можно наводить порядок в реальности, не наведя порядка в мозгах? Порядок – это ведь не обязательно когда все ходят в ногу. Может быть очень сложный порядок, но ведь порядок. К тому же, когда речь идет об обществе, то порядок не должен быть слишком сложным. Так в чем он? Это при том, что уже сказано об ужасе 90-х. И дезавуирование этих высказываний не может не иметь системных последствий.

Меньше всего мне хочется реваншей и кровожадности. Но понимаем ли мы цену тех гибридных конструкций, которые создаются каждый день и каждый день воздействуют на общественное сознание? Такие конструкции в науке называются оксюморонами. А в спецнауке – аннигиляторами. В психологии плюс в сочетании с минусом не равен нулю. Он равен шоку, сшибке. Это известно со времен пресловутых «МК-ультра».

Но этим все, увы, не исчерпывается. В сталинскую и даже брежневскую эпоху какие-то извинения по части двурушничества (говорят одно, а думают другое) могли содержать в себе проблематичную адресацию к ужасу системы, в которой так надо выживать (да еще и разрушать оную). В ельцинскую эпоху, по определению, такая объяснительность не работает. Зачем те, кто видел ужасы 90-х годов, воспевали оные и поддерживали их создателей? Они в противном случае могли оказаться в ГУЛАГе, их могли расстрелять, лишить возможности жить в стране полноценной жизнью?

Ведь все понимают, что было совсем не так. И что многие, осуждая Ельцина и политику всякого рода шоков, жили, работали, развивались. Да, не без издержек. Но тогда надо признать, что приельцинское упоенное восхваление ельцинизма, сочетаемое с глубокой интеграцией в ельцинскую систему, было ориентировано на получение определенных выгод. И только. Можно, конечно, сказать, что в очередной раз ряд политических деятелей глубоко законспирировался с тем, чтобы изменить суть системы. Но это может касаться только небольшого количества именно политических деятелей. Это не может касаться элиты – интеллектуальной, масс-медийной и прочей. Понятно же, что не может.

Кроме того, такая перманентная законспирированность тоже чревата. А ну, как и сейчас опять кто-то законспирировался?

Другое дело, что кто-то из ельцинистов (как и каждый живой человек) мог прозреть, бросить вызов ельцинской системе и выйти из нее. Но о скверне ельцинизма наиболее истошно вопят те, кто никуда не выходил, пока не почувствовал новые веяния.

В любом случае... Десталинизация при Хрущеве... Обратная полусталинизация при Брежневе... Вторичная десталинизация, переходящая в антисоветизм... А теперь еще деельцинизация в сочетании с дозированной проельцинизацией... Кто считает последствия? Каковы нагрузки на нынешнее общественное сознание? Что такое деельцинизация с лицом Чубайса? Чубайс покался? Осознал ошибки? Какие ошибки? В чем их источник? Что и как теперь исправляем? Если Ельцин – это «Сталин», то кто «Ленин»? Горбачев? Может быть, Брежнев?

На что расчет? На то, что слои, лишённые гражданственности, не будут задавать этих вопросов? Так эти слои никто и не берет в расчет до поры до времени. А потом с ними поговорят иначе. Найдется, кому и как. Или же гражданственно настроенную часть могут правильно ориентировать несколько странноватых ток-шоу и оскудевающий набор ничемных газет? А на что они должны ориентировать? НА ЧТО? НА ЧТО?!!

Для того, чтобы на что-то ориентировать, надо иметь стратегию и идеологию. Иначе другой формат обсуждения (глубоко враждебный власти и всем ее основным персонажам) очень скоро захватит умы миллионов и миллионов. И тогда власть рухнет. И не она одна.

Так найдите то главное, что позволит это предотвратить. Найдите ум, волю и организационную состоятельность и направьте это срочно только на идеологию и стратегию. Найдите это или ждите нового 1991 года. Не найдете? Он явится очень быстро.

Обратите также внимание на то, что если все может так быстро меняться в вопросах, где ничто не должно меняться столетиями, то любые конъюнктурщики (а только они и всплывают в ситуациях подобного типа) ждут новых изменений и «прокладываются».

Смотреть на то, как они это делают, омерзительно. Это даже хуже, чем смотреть на антиленинского Евтушенко. Или читать о том, как Окуджава согласился, что «комиссары в пыльных шлемах» склонились над ним, как над белым офицером.

Но можно и зажать нос. Только зачем? Конъюнктурщик, который лавирует в каждой ситуации, – это тяжелый невротик. Держать его в каком-то русле можно лишь за счет ежесекундных директивных заданий. Но как давать задания в условиях подобных оксюморонов? И кто их будет выполнять до конца в ситуации непредсказуемости, неопределенности и невнятности? В такой ситуации конъюнктурщик либо присягает той линии партии, которая не колеблется с таким размахом, либо просто сходит с ума.

Увы, все начинает слишком сильно смахивать на унижительный и легко опознаваемый дурдом.

«Мы, освободившись от унижительного безумия 90-х годов, должны...»

Что мы должны?

«Мы должны быть мужественными и не пугаться...»

Замечательно! Что значит не пугаться?

«Не пугаться – это значит не отвечать на гонку вооружений, не включаться в нее».

А почему мы не должны включаться, если все остальные уже включились? Не только Китай или США, но и арабские государства Залива, малые и средние государства Азиатско-тихоокеанского региона, Индия, Пакистан.

Ельцин говорил, что мы не должны включаться в гонку вооружений потому, что нам теперь никто не угрожает.

Но ведь это объяснение демонтировано! Нам угрожают, и еще как! Это следует из официальных деклараций. Но это же следует и из реального хода событий, который приходится признавать. Кроме того, если назревает мировая драка, как можно быть хорошим со всеми? Есть риск напороться на ситуацию, когда все и начнут тебя торпедировать с разных сторон.

Итак, мы должны испугаться настолько, чтобы мобилизоваться на поддержку политической системы («подрываемой внешними врагами») перед выборами в Думу. Но не настолько, чтобы начать вооружаться

против этих внешних врагов реально, создавая для этого все сразу – стратегию, идеологию, форматы социальной жизни, мобилизационное сознание, научно-технический процесс, реальную постиндустриализацию, ВПК, который не может без этой постиндустриализации (она же – высокоточное оружие и многое другое).

Что такое подобный комплекс взаимно противоречащих утверждений?

Это предмет для очень однозначных общественных реакций. Кто хочет, может проследить – реакции возникают почти немедленно.

Обсуждение происходит по тому самому принципу, который оговаривал Достоевский: «Некрасивость убьет». Обсуждающие начинают смеяться. И этот хохот бьет по всему: по системе, государству, остаткам оборонного сознания, мобилизационной готовности (в том числе, между прочим, и электоральной, но и не только).

А в основе-то что? В основе это самое повреждение – изъятие из системы идеологических и стратегических слагаемых, необходимых ей для развития и самозащиты. Примеры на эту тему можно приводить до утра.

Запад не берет нас на роль «младшего брата». Да мы и не хотим исполнять эту роль, потому что она унижительна, а западный «старший брат» аморален.

Но что значит «не быть младшим братом»? Это значит самим быть «старшим братом», то есть сверхдержавой. Но ею мы тоже не хотим быть, потому что... Ну, словом, потому что никогда никому и ничего мы не будем предлагать в объединительном смысле. Во-первых, такое предложение почему-то пагубно. А во-вторых... Пока нет идеологии и стратегии – нечего предложить.

Значит, мы не становимся «старшим братом» (империей, СССР). Но мы не становимся и «младшим братом Запада». Мы также не уходим в самоизоляцию, поскольку о ее губительности говорится еще чаще, чем о губительности возвращения к «старшебратству» (и это, в общем-то, справедливо). Ну, хорошо, и что же мы тогда делаем? Прагматически мы что делаем? Я лезу со своими стратегиями и идеологиями к прагматикам. Но прагматик должен знать, что он делает. Так что он делает? И как предьявляет действия обществу, которое ведь, между прочим, хочет что-то понять?

Очень сочно живописуется, чего мы не делаем. А что мы делаем? Мы встаем в моральную позу и ничего не делаем. Моральная поза без сверхдержавной мощи и мобилизационной идеологии... Хуже этого не может быть ничего на свете.

И опять-таки скажут, что это слишком общие рассуждения. А могут ли быть конкретные решения в отсутствие общей стратегии? Что мы собираемся делать по Косово? Предположим, что Косово получит независимость. Следующий шаг? Авторы обвинений в неконкретности, называйте следующий конкретный шаг! Мы принимаем в состав РФ Абхазию, Южную Осетию и, главное, Приднестровье? Я всячески за. Но этого не будет. А если будет, то предуготовьтесь. И перестаньте скулить о том, что не надо пугаться и вооружаться.

Но мы не сделаем этого шага. А что мы сделаем? Мы сдадимся. В определенных ситуациях можно поступить и так. Но в чем тогда политика? Тогда она в том и только в том, чтобы получить какие-то сатисфакции в обмен на эту сдачу. Чтобы превратить капитуляцию в торг. Да, это противно и унижительно. Но так ведут себя сейчас почти все. Противно, кто спорит, быть «девочкой по вызову» в мировом борделе. Но еще противнее делать все то же самое, но бесплатно.

Или делайте что-то другое, то есть становитесь де-факто сверхдержавой, или хотя бы уйдите от подобной бесплатности. Ведь речь идет не о плате в личный карман. Речь идет о возможностях для твоей страны. Кроме того, если вы что-то получите, вас еще будут уважать в большей или меньше степени (как внутри страны, так и за рубежом). Но если вы уступите и не получите ничего, то на всех языках мира будет сказано, что проститутка – это все же профессия, а б... – это черта характера.

И что это вообще за черта характера? Как она связана с дефицитом идеологии и стратегии? С порождаемым, в том числе и этим дефицитом, множественным конфликтом интересов?

Вдумайтесь: Ленин подписывал Брестский мир, называя его похабным. Оправданием стал только красный флаг над рейхстагом в 1945 году. Но Ленин выторговывал что-то, понимая, что нет сил для противостояния. И отчаянно торговался – и в Брест-Литовске, и в Рапало, и где угодно. Потому что была стратегическая цель.

Но Ленин не надувался, говоря, что торг неуместен. Так надувались только комические герои разного рода популярных произведений.

В отличие от Ленина, Троцкий заявил: «Ни войны, ни мира». И что дальше? А ничего. Описание прецедентов можно продолжить.

Кто-то рвал пупок, создавая армию и оборонную промышленность перед Великой Отечественной войной, а кто-то говорил: «Нечего бояться, шапками закидаем». Может ли быть что-то еще более отвратительное? Только одно: когда тот, кто говорил «шапками закидаем», потом

осуждал тех, кто все-таки вытянул войну на своем хребте, в том, что было слишком много жертв.

Увы, мы в преддверии чего-то сходного. Но что же это такое – не на уровне отдельных проявлений, а в целом?

Это и есть пузырь. Пузырь – очень сложное явление.

Я описываю все эти коллизии, отбрасываю другие похожие сюжеты, вчитываюсь в мониторинги событий и высказываний... А вижу только одно – пузырь.

Неуправляемый рост пузыря, заполненного взаимно несогласуемым содержанием, оглядливостью, нечеткостью конъюнктуры. Этот рост, порожденный всем сразу, – моральным кризисом, противоречивостью элитно-классовых интересов, – этот рост, питаемый отсутствием идеологии и стратегии, – чем он может закончиться?

Что такое вообще пузырь? Это система, в которой невозможен кризис. То есть задержка роста или даже спад, на которые можно успеть отреагировать. Пузырь всегда только растет. И его судьба определяется двумя параметрами. Скоростью роста и прочностью стенки пузыря. А также внешними воздействиями. Предположим, что воздействий нет вообще. Если пузырь растет, то стенки утончаются. Если стенки утончаются, то их прочность падает. Рано или поздно стенки не выдержат не только внешних воздействий, но и того напряжения, которое порождает сам рост пузыря, создающий все большее натяжение ткани стенок. Тогда пузырь лопается. Даже если в него никто ничем не тычет, он все равно лопается. А почему это, собственно, в него тыкать не будут? А даже если не будут...

Не переломив тенденцию, мы все равно получим быстрый и очевидный исход. И что тогда?

Когда перманентные Павлы, сейчас прозревшие по поводу 90-х годов, а перед этим прозревшие по поводу «ужасов коммунизма», прозреют еще раз? Когда обнаружится, что они свято хранили огонь прекрасного ельцинизма под пеплом?.. Пеплом чего? Путинизма? Чекизма? Или, может, патриотизма? И где они это обнаружат? На нашей территории «постпузыря» – или в более комфортных местах?

Жизнь богаче теории.

Политический прогноз – не фэнтези на тему 2008. Но слишком многое говорит о неблагоприятии. Я обсудил лишь малую толику.

Зачем? Затем, чтобы хоть кто-то почему-либо проснулся. От прочтения ли... Или от сочетания прочтения с прочими обстоятельствами... Какая разница? Главное – последовательно и непрестанно будить за-

снущую идеологическую и стратегическую волю. А что еще остается делать?

Спросят: «А если она не спит, а фундаментально отсутствует?» Отвечаю. Прежде всего, воля в принципе не может совсем отсутствовать. Совсем отсутствующая воля – это другая и нехорошая концепция рода человеческого.

Далее, некоторые признаки говорят о том, что воля есть. Если Путин, получая международную премию от «Time», говорит приехавшему журналисту буквально следующее: «Я не верю, что это недопонимание. Я думаю, что это целенаправленная попытка создать определенный образ России, опираясь на который можно было бы влиять на нашу внутреннюю и внешнюю политику»... то, простите, на фигу Путина такой негативный пиар? По крайней мере, его предшественники избегали негативностей и старались понравиться. Путин тоже умеет нравиться. Значит, он почему-то не хочет. А почему?

И, наконец, пусть все это не так, и я выдаю желаемое за действительное. Имеют право те, кто хочет бороться, смотреть открытыми глазами на свое будущее? Имеют они право не жалко болтать о мужестве, а проявлять оное в соответствующей ситуации? Так ведь все начинается с мужества знать. Если ты имеешь мужество узнать, то тебе открыта дорога к мужеству воли. А если есть и то, и другое, то начнется какое-то реальное действие.

Будет ли оно эффективным, не знаю. Но пусть не будет хотя бы всевластия пустой и унижительной болтовни. Всевластия этого пузыря.

Европейский империализм находится в состоянии упадка, но никто не осмелится сказать, что империализм принадлежит прошлому: универсалистские идеологии дают для этого повод или подтверждение. Разрыв в силе у государств делает неизбежным прямое или скрытое господство великих держав. Техника производства и современной войны нуждается в огромных пространствах; это несовместимо с законной независимостью государств...

Реймон Арон

Если состояние золотой середины должно быть достигнуто борьбой между сторонниками обеих крайностей, то это весьма опасное дело.

Георг Кристоф Лихтенберг

Олег Гриневский

**БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ
ПРО?**

The situation with the ABM is one of the most acute problems in the Russian-American relations to day. And we collide here with a historical paradox: Heading for a creation of an ABM system the USA to day are wiring for sound the former Soviet position, and Russia, which are against this US policy is taking in reality the former position of the USA. The author who was one of the participants who had made the ABM Treaty examines this situation and tells how compromise was found and the ABM Treaty was concluded in 1972 in spite of the fundamental differences in the positions of the sides. He undertakes also a systematic and holistic analysis of the present situation and comes to the conclusion that compromise is also possible now so far as the sides have the common interest in the counteraction to terrorism and Islamic extremism. And he writes what might be this compromise.

Новый XXI век начался с ломки геостратегической структуры мира, сложившейся за последние 40–50 лет. Ее основная несущая конструкция – Договор по ПРО 1972 года – отправлена в небытие. Американские политики в один голос поют ему отходную, называя с подачи министра обороны Рамсфелда «древней историей».

Поэтому ситуация вокруг ПРО сегодня одна из самых острых тем в российско-американских отношениях, да и, пожалуй, в мировой политике. Чтобы разобраться в этом, стоит обратиться к «древней истории» и посмотреть, зачем и как делался Договор по ПРО.

Древняя история

Мало кто помнит, а еще меньше кто знает, что пионером в развертывании ПРО был не кто иной, как Советский Союз: еще в середине 60-х годов

прошлого века он начал создавать такую систему вокруг Москвы.

И американцы тогда всполошились. Начиная с 1964 года, они на разных уровнях проводили зондаж: давайте приступим к переговорам о замораживании как стратегических наступательных, так и оборонительных систем ядерного оружия. Но в Москве такая постановка вопроса вызывала усмешку: предложение явно несерьезное, и американцы сами это хорошо понимают. По сути дела они предлагают заморозить многократное превосходство США в стратегических наступательных вооружениях. Идет какая-то политическая игра. Но что за ней стоит?

Вскоре ситуация стала проясняться. В январе 1967 г. посол США Томпсон передал советскому руководству конфиденциальное предложение начать двусторонние переговоры по стратегическим вооружениям, в центре которых было бы ограничение систем ПРО. Это позволит предотвратить надвигающуюся гонку вооружений в создании противоракетного оружия, которая, в свою очередь, подстегнет гонку в развертывании наступательных средств.

Отцами-прародителями этой инициативы выступали министр обороны Макнамара и госсекретарь Раск, которым удалось склонить на свою сторону президента Джонсона. Цель, как об этом догадывались в Москве и как это хорошо видно сегодня из опубликованных мемуаров, а также рассекреченных в США документов, – остановить работы по развертыванию систем ПРО в Советском Союзе. Аргументация строилась на том, что Советский Союз лидирует в создании ПРО. Вокруг Москвы уже существовала неплохая по тем временам система противоракетной обороны, и в Вашингтоне боялись, что защитой столицы дело не огра-

ничится. Там росли опасения, что в ближайшем будущем Советский Союз сможет развернуть до 5 000 противоракет. А это уже будет ПРО для защиты всей территории страны.

Представим себе, рассуждали тогда в коридорах Белого дома, что Советский Союз нанесет внезапный удар по местам расположения американских баллистических ракет и выведет из строя их значительное число. В этом случае советская система ПРО окажется весьма эффективной при отражении ответного удара США. И тогда победа в ядерной войне будет за Советским Союзом?

Позицию Макнамары – надо сказать, весьма реалистичную – характеризуют такие высказывания, которые он сделал в беседе с советским послом Добрыниным 11 июля: «Я твердо убежден на основании всех имеющихся данных, что нельзя создать достаточно надежную систему ПРО. В случае строительства ПРО другой стороной для США речь будет лишь идти о том, насколько увеличить – и это будет гораздо дешевле – наступательные средства, чтобы быть уверенными в эффективности все той же основной доктрины (сдерживания. – *О.Г.*). Поэтому США на развертывание ПРО в Советском Союзе ответили бы в первую очередь увеличением стратегических ракетно-ядерных сил, а уж потом развертыванием своей ПРО»¹.

Впрочем, у Макнамары и Раска оказались серьезные противники среди военных, в военно-промышленном комплексе и в Конгрессе. Там считали, что в создавшейся ситуации надо не переговоры вести, а создавать собственную систему ПРО и наращивать наступательные вооружения. Поэтому параллельно с инициативой о переговорах в администрации США разрабатывалась программа создания ограниченной ПРО для прикрытия МБР «Минитмен». Она могла сыграть двойную роль – успокоить оппозицию и стать разменной монетой на переговорах с Москвой.

В советском руководстве в отношении ПРО единства тоже не было. Намерения американцев, конечно же, вызывали подозрения, изначально они были сформулированы так, что свидетельствовали лишь о стремлении обеспечить стратегические преимущества для США. Поэтому Председатель Совета министров А.Н.Косыгин и некоторые члены Политбюро придерживались точки зрения, что и без переговоров ясно: системы ПРО – это гуманное, оборонительное оружие. Оно никому не угрожает и призвано защищать людей от агрессии. Требовать его запре-

¹ Добрынин Ан. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1997. С.144.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПРО?

та могут только те, кто готовится вести ядерную войну и надеется одержать в ней победу.

Военные, хотя и выступали за продолжение работ по развертыванию систем ПРО, занимали сдержанную позицию. Для них главным было начавшееся у нас в стране массивное производство межконтинентальных ракет для достижения стратегического паритета с США. Ради этой цели они были готовы пойти на некоторые ограничения в создании ПРО.

Л.И.Брежнев, который в те годы еще неплохо соображал и хорошо знал вопросы ВПК, который он сам курировал, говорил, что в соображениях Макнамары есть смысл, когда он утверждает, что системы ПРО можно просто «пробить» увеличением числа наступательных ракет. Но и отказываться от развертывания противоракетной обороны тоже вроде не годится. Поэтому надо искать какой-то баланс и дать убедительный ответ на «вызов американцев». Тут нужно еще учитывать, что советский лидер активно продвигал тогда идеи международной разрядки и переговоров.

Ну а министр иностранных дел А.А.Громыко, верный своей позиции «не высовываться», предлагал придерживаться пока в диалоге с американцами советской позиции о полном разоружении, а там видно будет.

Вот на такой основе была принята в целом здравая концепция о ведении переговоров с США об ограничении как оборонительных, так и наступательных стратегических вооружений. Но не спешить. Сперва надо прощупать намерения и позиции американцев и, главное, добиться паритета с ними в области наступательного оружия.

Ответ, который передал в Вашингтон посол Добрынин в марте 1967 г., звучал двусмысленно и интригующе – в лучших традициях дипломатии Холодной войны: *«Было бы неразумно вести речь об отказе от оборонительных мероприятий в условиях, когда происходит наращивание средств ракетно-ядерного нападения. Вопрос о ПРО можно было бы рассмотреть в тесной увязке с вопросом о всеобщем и полном разоружении».*

Так начался ритуальный дипломатический танец, который продолжался без малого пять лет. Внешне позиции выглядели непримиримо. На встрече с президентом Джонсоном в Гласборо в июне 1967 г. советский премьер Косыгин говорил горячо и убежденно: «Оборона – это морально, нападение – безнравственно! ПРО вокруг Москвы и Таллина строится для того, чтобы спасти жизнь советских граждан. Поэтому

вместо обсуждения вопроса о ликвидации ПРО стоит, в первую очередь, заняться проблемой сокращения наступательных вооружений»².

Тогда же в Гласборо Макнамара ответил, что создание ПРО усилит гонку наступательных вооружений и таким образом дестабилизирует установившееся деликатное равновесие между Советским Союзом и США, основанное на взаимном сдерживании.

Не правда ли, любопытный спор происходил 35 лет тому назад? Он практически дословно повторял сегодняшний диалог между Вашингтоном и Москвой. С той только разницей, что теперь американцы озвучивают прошлую позицию СССР, а россияне – бывшую позицию США.

Однако за фасадом той, прошлой непримиримости скрывались резервы, которые следовало прояснить и использовать для поиска компромисса. Поначалу они выглядели следующим образом.

Во-первых, обе стороны изъявляли готовность вести переговоры об ограничении как оборонительных, так и наступательных стратегических вооружений, хотя и с противоположных исходных позиций.

Во-вторых, обе стороны говорили, правда, в весьма туманных выражениях, о возможности лимитировать себя ограниченными системами ПРО. Советский Союз создавал ПРО вокруг столицы, а США объявили о намерении построить систему ПРО для защиты базы МБР, правда, в качестве первого шага. Госсекретарь Раск так объяснял послу Добрынину эту позицию США: «Речь идет об ограниченной системе ПРО, рассчитанной на нейтрализацию угрозы со стороны КНР, но не могущей играть значительную роль в плане взаимосдерживания ядерных сил СССР и США»³.

Немного, но вполне достаточно для начала диалога. И на этой основе обе стороны объявили осенью 1967 года о готовности начать переговоры об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Если говорить коротко, без деталей, то тут, пожалуй, впервые четко проявился общий интерес обеих сверхдержав. А именно: не допустить перерастания Холодной войны в войну горячую и, тем более, в ядерный конфликт между ними.

Прошло, однако, еще почти два года, прежде чем начались сами переговоры. Мешали взаимные недоверие и подозрительность. В Вашингтоне почему-то решили, что Москва в них больше заинтересована, а значит, можно заломить дополнительную цену. Да и международная обстановка не способствовала их началу: Соединенные Штаты прочно

² Добрынин Ан. Указ. соч. С.150.

³ Там же. С.153.

увязли во Вьетнаме, в 1967 году вспыхнула арабо-израильская война, в которой СССР и США поддерживали противоположные воюющие стороны, а потом случились чехословацкие события.

Поэтому советская и американская делегации смогли сесть за стол переговоров только 17 ноября 1969 г. Они велись попеременно в Хельсинки и Вене. Членами делегаций были дипломаты и военные высокого ранга, а также ученые, имевшие отношение к ракетам. С советской стороны это были: первый заместитель начальника Генерального Штаба генерал-полковник Н.В.Огарков, председатель научно-технического комитета Генштаба генерал-полковник Н.Н.Алексеев, заместитель министра радиоэлектронной промышленности П.С.Плешаков, академик А.Н.Щукин и ведущий отделом США МИД Г.М.Корниенко. А главой советской делегации назначили известного дипломата, заместителя министра иностранных дел В.С.Семенова⁴.

Это был цвет советского военно-промышленного комплекса. Никогда еще за рубежом не выезжала столь представительная и высокая делегация. Перед отъездом на первый раунд переговоров в Хельсинки членов делегации принял сам Генеральный секретарь Брежнев и, прощаясь, дал такое напутствие: «*Проболтайтесь – всех на Лубянку посажу!*»

И это предупреждение не было шуткой со стороны грозного Генсека. Стратегические вооружения и связанные с ними проблемы были святой святых безопасности страны.

**Стратегические
наступательные
вооружения**

Прежде всего, на переговорах нужно было определить, что считать стратегическими наступательными вооружениями (СНВ). И тут стороны

без задержки изложили свои позиции. Они оказались совершенно противоположными, что, впрочем, и нужно было ожидать.

Советский Союз предлагал считать СНВ все ядерные вооружения, которые способны достигать территории другой стороны, включая, разумеется, ядерные средства передового базирования на военных базах и авианосцах.

⁴ Делегацию США возглавлял Директор Агентства по контролю за вооружением и разоружению Джерри Смит. Членами делегации были генерал майор ВВС Ройал Аллисон, Поль Нитце (бывший заместитель министра обороны), президент Калифорнийского технологического института, Гарольд Браун (бывший министр ВВС) и посол Леллуин Томпсон.

Американский список выглядел куда скромнее: МБР (межконтинентальные баллистические ракеты), БРПЛ (баллистические ракеты подводных лодок) и РСД (ракеты средней дальности).

После долгой тяжбы договорились ограничивать только МБР и БРПЛ и никаких ограничений на разделяющиеся головные части (РГЧ). Причем как это ни странно выглядит сегодня, но главная трудность, которую никак не могли решить почти до дня подписания соглашения, состояла в том, что Советский Союз решительно отказывался вводить ограничения на число своих подводных лодок и ракет на них. Видимо, надеялись обогнать здесь США.

Но главной проблемой здесь был не состав, а уровни ограничений. Вокруг них и развернулись самые упорные дипломатические баталии. В те годы, начиная еще с Хрущева, в Советском Союзе публично бахвалились, что делаем ракеты на конвейере, как сосиски, и что муха в космосе не увернется от наших ракет. А на самом деле все было не так. В 1959 году, например, американцы имели стратегических ракет в 15 раз больше, чем Советский Союз. Но это тщательно скрывалось, и в 60-е годы Москва развернула сверхмощное строительство ракет, поставив целью догнать США. Но и через десять лет ей не удалось достичь этой цели. В 1969 году, когда начались переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), соотношение сил по стратегическим ракетам выглядело следующим образом: **США – 2 109 пусковых установок ракет и 4 796 ядерных боеголовок, СССР – 1 431 пусковых установок ракет и 1 815 ядерных боеголовок**⁵.

В общем, США опережали нас почти в 2 раза. К тому же американские ракеты были оснащены РГЧ, которых у нас тогда еще не было, и потому они могли доставить к целям практически в два раза больше боеголовок, чем советские ракеты. И тяжелых бомбардировщиков, несущих атомные бомбы, у них было гораздо больше. Все это создавало существенный дисбаланс в пользу США.

Но конкретных цифр, особенно в том, что касается другой стороны, не знали тогда ни в Москве, ни в Вашингтоне. Можно было только гадать, судя по тенденциям или по каким-то специфическим признакам. Поэтому в директивах советской делегации в качестве главной цели было четко прописано: добиваться паритета. И только в единственном

⁵ SIPRI. Yearbook 1990. Oxford University Press, 1990. P.23. – Близкие к этим данные были приведены в статье Евгения Волкова и Сергея Сокут «Тридцатилетнее противостояние» (Независимое военное обозрение. 1999. 17 декабря. №49 /172/).

экземпляре этих совершенно секретных директив, хранившихся в сейфе у главы делегации, в графе соотношение сил было карандашом проставлено «0,7 к 1» – дать согласие в самом крайнем случае. Иными словами, согласиться, чтобы ракет у США было на 30 % больше. Это наряду с реальным соотношением сил и был, очевидно, тот главный секрет, за разглашение которого Брежнев грозил посадить на Лубянку.

Американцы, судя по опубликованным теперь документам, не владели достоверными сведениями о производстве ракет в Советском Союзе, хотя о многом догадывались. Поэтому на переговорах, особенно в неофициальных контактах, они постоянно старались выпытать, может ли советская сторона отойти от своего требования жесткого паритета.

Но мы, помня наказ Брежнева, твердо стояли: паритет и никаких гвоздей. Владимир Семенович Семенов был отменным, но незаслуженно забытым сегодня переговорщиком, и он переиграл своего партнера Дж.Смита. Соглашение ОСВ-1 четко фиксировало паритет по межконтинентальным ракетам и не ограничивало число разделяющихся головных частей на них.

Что это означало на практике? За последующие 10 лет Советский Союз, пользуясь соглашением ОСВ-1, увеличил число своих ракет почти в 2 раза, а боеголовок на них – в 4 раза. Число американских ракет оставалось примерно тем же, а количество боеголовок на них увеличилось только в 2 раза. Так сложился стратегический паритет между СССР и США.

Как делался договор по ПРО

А с противоракетной обороной было еще сложнее. Тут во всю давили американцы, а советские представители «крутили динамо», используя дипломатические двусмысленности и неопределенность, как рычаг для выдавливания уступок по СНВ. Признанным мастером наводить такой «дипломатический туман» был глава советской делегации Семенов – тонкий, высоко эрудированный дипломат из школы Громыко, который известен в мире как весьма упорный переговорщик – «мистер Нет». Но в отличие от министра Семенов так учил дипломатов писать ему речи: *«Речь должна быть как кисель в кастрюле. Сунешь руку – и вроде бы там что-то есть. А вынешь руку – и в ней пусто».*

При этом он сдабривал свои пространные рассуждения ссылками на Канта, Гегеля и многих других философов, которых неплохо знал.

Его партнер на другой стороне стола переговоров, руководитель американской делегации посол Дж.Смит, тоже опытный и весьма твердый переговорщик, вскоре раскусил эту тактику. Нередко он так реагировал на пространные речи Семенова: *«Ну, началась философия. А я не философ. Поэтому давайте заканчивать заседание».*

Вот в такой обстановке глава делегации СССР высказал в порядке зондажа, но, упаси Бог, не в качестве предложения три возможных варианта развития переговоров по ПРО:

- полный запрет на развертывание систем ПРО;
- развертывание ограниченной системы ПРО для защиты по одному объекту как на территории Советского Союза, так и на территории США. Например, Москвы и Вашингтона;
- развертывание более плотной системы ПРО для защиты большего района на территории обеих стран.

А далее следовал вопрос к американской делегации: какой из этих вариантов является для нее предпочтительным? При этом предпочтение Советского Союза не обозначалось, а размещение 64 пусковых установок противоракет вокруг Москвы было названо «экспериментальным».

Американцы долго и, видимо, озадаченно молчали. А потом вместо ответа также выдвинули со своей стороны три возможных варианта развития событий:

- развертывание систем ПРО для защиты четырех объектов на территории США и одного объекта на территории СССР;
- развертывание ограниченной системы ПРО для защиты столиц в обеих странах;
- полный запрет на развертывание систем ПРО.

Как пишет в своих мемуарах «Двойные переговоры» Дж.Смит, «мы не раскрывали, какая из этих альтернатив является для нас предпочтительной. Причина была хорошей – мы сами не знали этого».

Это была переговорная тактика времен Холодной войны: кто первый моргнет. Но у членов обеих делегаций были крепкие нервы, и в таком противостоянии прошел целый год.

Тайный канал

Механизм переговоров тех лет также не способствовал поиску компромисса. После официальных заседаний делегаций в советском или американском посольстве члены делегации в окружении советников, экспертов и переводчиков рассаживались тут же в зале и около часа

мирно беседовали. Был только один канал для неофициальных контактов. С советской стороны его вели я и полковник ГРУ Николай Кишилов, а с американской – исполнительный секретарь Реймонд Гартхофф и временами к нему присоединялся советник Ларри Уайлер.

Глава американской делегации Дж.Смит так описывает работу этого конфиденциального канала в своей книге «Двойные переговоры»: «Некоторые американские официальные лица, которым я полностью доверял, встречались с русскими и в спокойной обстановке обменивались мнениями по поводу перспектив переговоров. Этот санкционированный, но абсолютно неофициальный зондаж давал нам возможность лучше понимать советскую позицию и тем самым поддерживать процесс переговоров. Мне думается, что у генерала Аллисона были сомнения в отношении такой практики, так как он понимал, что, выясняя советскую позицию, мы одновременно были вынуждены раскрывать позицию США. Это верно, но мне кажется, что, в конечном счете, мы оказались в выигрыше: советские предложения, выдвигаемые на пленарных заседаниях, были менее четкими, чем наши, и без наличия своего рода механизма зондажа мы зачастую блуждали бы в потемках, изыскивая правильные суждения в отношении возможностей дальнейших переговоров. Об этих контактах мы подробно докладывали в Вашингтон, и, я думаю, это помогло официальным лицам там выработать разумную политику, равным образом как и судить об обоснованности рекомендаций, выдвигаемых делегацией. Одна такая особенно полезная встреча состоялась во время поездки на уик-энд в Лапландию весной 1972 г. ...»⁶.

К этому можно только добавить, что такие же точно мотивы были и у советской стороны, когда она поручала нам с Кишиловым вести неофициальные контакты с американцами.

Сами же переговоры по этому конфиденциальному каналу происходили таким образом. В советском посольстве была особая комната. Там на нас с Кишиловым надевали, как мы ее называли, «сбрую»: две батареи клались в оба внутренних кармана пиджака, провод между ними перебрасывался через плечи, а к галстук прикреплялся микрофон в виде заколки. В таком снаряжении мы выходили на встречу с Гартхоффом.

Причем включать или выключать эту систему сами мы не могли. Она, уже включенной, надевалась в посольстве, как хомут, нам на шею и все писала, пока мы не сдавали ее обратно в эту особую комнату. Поначалу мы боялись, что она начнет вдруг пищать где-нибудь в рестора-

⁶ Smith G. *Doubletalk. The Story of SALT-1*. Doubleday, N.Y., 1980. P.58.

не, а мы и сделать ничего не сможем. Но потом сообразили, что эта система была призвана не столько записывать то, что говорят нам американцы, а то, что мы им говорим. Другими словами, мы были под постоянным контролем и после выхода из посольства.

Так шли переговоры до весны 1972 г. Правда, атмосфера в советско-американских отношениях немного потеплела. Во всяком случае, «сброу» на нас с Кишиловым больше не надевали. Но переговоры по ПРО находились в глухом тупике, и ожидаемые результаты от визита президента Никсона в Москву повисали в воздухе.

При этом в обеих столицах думали примерно об одном и том же: компромисс нужно искать путем договоренности о противоракетной защите ограниченного числа объектов на территории СССР и США. Но тут же возникала куча вопросов: какие это могут быть объекты, какое количество ракет потребуется для их защиты, каково расстояние между этими объектами, чтобы не создавалась основа для развертывания национальной ПРО, и т.д.

Переговоры в тундре

В середине апреля 1972 г. Политбюро решило обсудить ситуацию на переговорах ОСВ–ПРО и глава делегации вылетел в Москву.

Перед отлетом ему советовали встретиться со своим американским коллегой. У американцев наверняка есть что-нибудь в заглазнике, убеждали его, и, узнав, что Вы едете в Москву, где наверняка будет обсуждаться проблема с тупиком на переговорах, они могут приоткрыть карты, и Вы придете на Политбюро не с пустыми руками.

Но Владимир Семенов ехать к американскому послу наотрез отказался: *«Я свою зарплату не в американском посольстве получаю»*, – заявил он, как отрубил. Этим он нарочито хотел продемонстрировать твердость своей позиции перед поездкой в Москву.

Он улетел, а мне пришлось исполнять обязанности руководителя советской делегации⁷. Переговоры, естественно, продолжались, но наступающие субботу и воскресенье мы с американцами решили провести вместе в далекой Лапландии в порядке, так сказать, установления дружеских контактов между обеими делегациями. Финское правительство выделило самолет, и два дня – 15 и 16 апреля – мы провели за Поляр-

⁷ К тому времени Г.М.Корниенко был отозван в Москву, и вместо него я был назначен членом делегации.

ным кругом: гуляли, катались на лыжах и на оленях, а о делах практически не вспоминали.

Но на обратном пути, во время полета в Хельсинки, подошел Реймонд Гартхофф и пригласил меня и Николая Кишилова сесть вместе и поговорить. Что ж, раз американцы зовут, значит, им есть, что сказать.

Мы освободили полностью один из первых рядов в самолете, сели, взяли по бутылке пива и приступили к разговору, который получил потом название «переговоры в тундре». Начал его Гартхофф. Невысокого роста, ужасно вездливый, он хорошо разбирался в вопросах, которые обсуждались на переговорах, и был интересным собеседником. К тому же он хорошо говорил по-русски, и зачастую беседа шла на обоих языках. Теперь Гартхофф ставил вопрос ребром: как разблокировать тупик на переговорах по ПРО?

Подчеркнув, что говорит в сугубо неофициальном плане, Гартхофф сказал, что компромиссом могло бы стать решение, позволяющее США и СССР создавать ограниченную систему ПРО для защиты двух объектов на территории каждой из сторон. Такими объектами могли бы быть столица государства и одна из баз, где размещены МБР.

Это было уже почти то, что надо. Но была одна серьезная загвоздка. У американцев ракеты размещались концентрированно на базах, а у нас они были разбросаны на большей территории. Поэтому мы ставили вопрос о защите одинакового количества ракет. Но у американцев тут же возникало подозрение, а не хотим ли мы создать основу для развертывания противоракетной защиты всей территории страны.

Однако теперь Гартхофф вел речь о защите объекта радиусом не более 150 километров, а расстояние между двумя объектами (столицей и базой МБР) должно быть не менее 1300–1500 километров. Кроме того, он сказал, что для защиты каждого из объектов должно быть не больше 100 ракет-перехватчиков.

Все это было весьма близко к тому, что обсуждалось и у нас на экспертном уровне. Поэтому я сказал, что инструкций у меня по этим вопросам нет, но лично мне соображения Гартхоффа представляются весьма интересными. Я немедленно сообщу о них в Москву.

Как только самолет приземлился в Хельсинки, я тут же поехал в посольство и направил шифр-телеграмму в Москву. В ней я подробно описал неофициальные предложения Гартхоффа и сопроводил их выводами: они не противоречат нашей позиции, открывают путь к согласованию Договора по ПРО, и поэтому с ними можно согласиться.

Уже на следующий день рано утром раздался телефонный звонок из Москвы. Звонил Семенов: *«Олег, ты представляешь, как важно то,*

что ты написал? Сейчас Политбюро будет рассматривать твоё предложение. Ты можешь гарантировать, что американцы тебя не обманывают?»

Я ответил, что таких гарантий дать не могу, но весь мой опыт общения с ними показывает, что таким контактам можно доверять.

Политбюро утвердило тогда позицию, весьма близкую той, которую неофициально предлагал Гартхофф. 21 апреля Семенов вернулся в Хельсинки с новыми советскими предложениями и в тот же вечер встретился с главой американской делегации. Но тот вылил на него ушат холодной воды. *«Я не имею инструкций обсуждать "переговоры в тундре"»,* – сказал он.

Мы были в шоке. Семенов нервничал: *«Я убеждал Политбюро, – говорил он, – что для американцев этот подход приемлем и что они сами его аккуратно проталкивают по неофициальным каналам. И как я теперь буду смотреть в глаза членам Политбюро?»*

Прошли годы, прежде чем завеса этой тайны стала приподниматься. Ни мы, ни члены американской делегации тогда не знали, что буквально в те же дни, 20–24 апреля, в Москве находился помощник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер. Визит его был сверхтайным – даже американское посольство не ведало о нем, хотя он приехал готовить визит Никсона. И только совсем недавно стало известно в деталях, как проходили его переговоры в Москве.

22 апреля в гостевом доме на Ленинских (теперь Воробьевых) горах Киссинджера принимал Брежнев. Генсек сразу же зачитал, а потом передал *«ответ советской стороны на прежние (как он выразился. – О.Г.) предложения американцев по данному вопросу»: «Признать целесообразным ограничение систем ПРО в СССР и в США прикрытием столиц и по одному району размещения шахтных ПУ МБР наземного базирования». Все 4 объекта будут иметь форму круга, радиусом 150 км, и для защиты каждого из них должно быть не более 100 противоракет. «Как Вы видите, – подчеркнул он, – наша позиция в значительной мере воспроизводит те предложения, которые Вы сделали по этим вопросам».*

Что ж, тут Брежнев был прав. По сути дела он практически полностью изложил здесь то, что Гартхофф говорил нам на «переговорах в тундре». И, видимо, поэтому Киссинджер отреагировал на это весьма кисло: *«Один из членов нашей делегации является советником вашей делегации»,* – сказал он. А потом еще и пожаловался: *«С нашей делегацией столько сложностей, что мы уже перестали ее понимать».*

Но после недолгих колебаний Киссинджер все же назвал эту новую советскую позицию «конструктивной», хотя оговорил, что ему надо будет еще обсудить складывающуюся ситуацию в Вашингтоне. Туда вызовут посла Смита из Хельсинки, и все это займет, по крайней мере, еще одну неделю. Поэтому он попросил, чтобы главе советской делегации Семенову дали указание не поднимать пока эти проблемы в Хельсинки. Брежнев пообещал. Его помощник Евгений Самотейкин тут же вышел из зала, позвонил Семенову и передал указание Брежнева: по ПРО никаких движений.

А Киссинджер тем временем стал просить, чтобы советская сторона сообщила, где в СССР будет находиться этот район расположения МБР, радиусом в 150 км, и в сугубо конфиденциальном порядке назвала хотя бы приблизительное число ракет, которые средства ПРО будут там защищать. Это, по его словам, «поможет нам убедить наших военных». Брежнев обещал. Но своего обещания за все время пребывания Киссинджера в Москве так и не выполнил, хотя тот неоднократно возвращался к этой теме. И только после возвращения Киссинджера в Вашингтон ему через посла Добрынина было передано, что эта советская система ПРО будет размещена к востоку от Урала и США могут выступить с таким заявлением. А что касается числа защищаемых МБР, то оно будет меньше, чем на американской базе в Гранд-Форксе⁸.

Так был разрублен гордиев узел по ПРО, о чем делегации в Хельсинки почему-то не были информированы. Но, в конце концов, все обошлось. Из Вашингтона пришло согласие, и Договор был согласован на основе «компромисса в тундре».

* * *

Минуло почти тридцать лет. В Мюнхене на конференции по истории Холодной войны собрались еще оставшиеся в живых ее бойцы. Они вспоминали «минувшие дни и битвы, где вместе сражались они». А вечером встретились в баре за кружкой пива. Был там и Рей Гартхофф⁹. Я рассказывал, как был найден компромисс по ПРО на «пере-

⁸ *Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. Т.1. Кн.2. М.: Международные отношения, 2007. С.206, 210–211, 227, 231, 271.*

⁹ *К тому времени Р.Гартхофф, поработав послом США в Болгарии, стал старшим научным сотрудником Брукингского института и автором многих интересных книг по советско-американским отношениям: *Détente and Confrontation* (1985), *Reflections on the Cuban Missile Crisis* (1989), *Deterrence and the Revolution in the Soviet Military Doctrine**

говорах в тундре». Рей слушал, полузакрыв глаза, а потом произнес: «Да, все было так. Я тоже прямо из аэропорта в Хельсинки поехал в американское посольство и дал срочную телеграмму в Вашингтон, что Гриневский в самолете предложил...», и далее описал свое компромиссное предложение в тундре. Все смеялись, а у меня, видимо, отвисла челюсть.

Разумеется, всякое случается в дипломатической практике. Особенно в ходе таких неофициальных контактов – на то они и неофициальные. На официальных переговорах ведутся стенографические протоколы, и там для фантазии уже нет места. Другое дело – неофициальные контакты. Разговоры там могут идти часами, но никаких протокольных записей не делается. Потом, разумеется, каждый из собеседников пишет краткий отчет, где упор делается на том, что интересует его сторону. Здесь-то и могут быть вольности, когда собеседнику приписываются идеи, которых он не высказывал. Делается это обычно под такой аккуратной аранжировкой: собеседника можно было понять так, что... Нередко таким способом преподносятся собственные идеи, как можно выйти на компромисс.

Однако история продолжает раскрывать свои тайны. Осенью 2001 г. перед встречей президентов Путина и Буша на ранчо в Техасе Архив Национальной безопасности США рассекретил и опубликовал документы «Секретная история Договора по ПРО. 1969–1972». Причем не только протоколы заседаний, но и беседы по неофициальным каналам – в баре, ресторане, в самолете... Теперь я с любопытством листаю американские записи бесед со мной. И вот, наконец, передо мной та самая шифровка Гартхоффа о приключениях в тундре.

Сверху, как положено, гриф: «Секретно» и штамп: Рассекречено.

В правом верхнем углу «Дата: 16 апреля 1972 г. Время: 7–8.30 вечера. Место: Финэйр, Лапландия – Хельсинки».

Чуть справа – «Предмет: Проблемы и перспективы ОСВ. Участники: США – Реймонд Гартхофф, СССР – О.А.Гриневский и Н.С.Кишилов».

Пока все правильно. Но вот на второй странице читаю: «Кишилов и Гриневский сказали, что если мы согласимся на уровень 2:2 по ПРО...» и т.д.

Жаль только, что все эти документы опубликованы не нами, а американцами. Ведь в них по сути дела они с пеной у рта защищали и аргументировали правоту той позиции, против которой сейчас выступают.

Финал в Москве

Но как бы там ни было, а Договор по ПРО и Временное соглашение по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1) были теперь в основном готовы. Последние заусеницы снимались в Москве Киссинджером и Громыко, которые готовили визит президента Никсона. Пожалуй, это был единственный случай в истории США, когда американская делегация в Хельсинки получала инструкции из Москвы. Нередко они запаздывали, и американские переговорщики бегали к нам узнать, что там происходит.

Листая сегодня страницы записей тех последних встреч, диву даешься, как настойчиво тогда американцы добивались включения в договор по ПРО положений, против которых так рьяно возражают сегодня.

Но вернемся в Хельсинки. Там проходило окончательное согласование документов. Для сверки текстов была создана специальная рабочая группа «блохоловов», которая строго следила за тем, чтобы русская и английская альтернативы соглашений точно соответствовали друг другу. Их возглавляли самые упорные и дотошные переговорщики – Виктор Смолин с советской стороны и Ларри Уайлер с американской. Работали они день и ночь.

26 мая члены делегаций СССР и США на американском самолете вылетели в Москву, везя с собой результат трехлетних трудов – Договор по ПРО и Временное Соглашение по ОСВ. Этим вечером их должны были подписать в Кремле Брежнев и Никсон.

В самолете праздновали победу, а мы с Гартхоффом сидели в стюкажке и продолжали сверку текстов. И не зря: при подлете к Москве обнаружили ряд неточностей в английских текстах. Это были не принципиальные расхождения, но тем не менее в таком виде текст договора нельзя было подписывать.

Трагедии тут особой не было. Еще в Хельсинки мы не исключали такую возможность и потому в багажном отделении везли пишущую машинку с английским шрифтом. Прямо из Внуково мы с Гартхоффом и пишущей машинкой устремились в МИД, преодолели не без труда сопротивление охраны и в моем кабинете 1003 на десятом этаже смоленской высотки начали правку. Время брало нас за горло. Было уже после 6 вечера, а на 9 часов в Кремле назначена церемония подписания.

Тут-то и началось. Еще из Внукова Гартхофф позвонил в посольство США и попросил прислать машинистку. Но она почему-то в МИДе не появилась. (Позднее выяснилось, что произошла путаница и машинистка вместо МИДа поехала в резиденцию посла Спасохауз и ждала нас

там.) Решили ее не ждать, а печатать самим. И тут первое препятствие: вилка электрического шнура английской пишущей машинки к советской розетке не подходит. А переходника нет. Пытаюсь спасти положение, хватаю металлические скрепки и делаю из них нечто похожее на вилку. Вставляем в сеть. Пах! – раздается хлопок в машинке и она перегорает. Черт возьми! Впопыхах совсем забыли про разный вольтаж – в Европе 110, а у нас 220 вольт.

Что делать? Пытаемся раздобыть английскую пишущую машинку. Время идет. Рабочий день давно кончился, и никого нет ни в МИДе, ни в посольстве. Церемония подписания переносится на 11 часов. Но тексты все равно не готовы. *«Рей, – говорю я Гартхоффу, – церемонию подписания договоров срывать нельзя. Пусть они будут подписаны в нынешнем виде. Но поскольку правка касается английского текста, завтра утром ты объяснишь своему президенту, что в документ вкрались неточности, и пусть он переподпишет другой, уже исправленный текст. Принесешь этот текст мне, а я берусь подписать его у Брежнева. И все будет о'кей. Другого выхода у нас нет».*

Так и сделали. В 11 часов в Кремле Брежнев и Никсон торжественно подписали Договор по ПРО и Соглашение ОСВ-1. Стрекотали камеры, пили шампанское, но оба лидера не знали, да и вообще в этом зале практически никто не знал, что подписали они не те документы.

Но на следующий день Никсону объяснили. Говорят, что он поворчал, но переподписал. А с Брежневым проблем не было, он сразу же поставил свою подпись. Итогами переговоров Генсек был доволен. В закрытом Письме ЦК КПСС «О рассмотрении на майском (1972 г.) Пленуме ЦК КПСС вопроса о международном положении и об итогах советско-американских переговоров» указывалось: президент Никсон признал, что в 1959 году – во время его первого визита в Москву и дебатов с Хрущевым – соотношение стратегических наступательных вооружений было 10:1 в пользу США. Теперь оно 1:1¹⁰.

В общем, американская дипломатия добилась тогда хоть и ограниченного, но запрещения на полномасштабное развертывание систем ПРО в обеих странах. Но какую цену она за него заплатила? Ответ на этот вопрос всегда оставался в тени. Пора, однако, ответить и на него.

Этой ценой был паритет по стратегическим вооружениям СССР и США, который определялся Временным соглашением о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972

¹⁰ Центр хранения современных документов. Ф.4. Оп.22. Д.937.

года, а затем Договорами ОСВ И СНВ. По сути дела они стали одним из столпов, на которых зиждился стратегический баланс в отношениях двух сверхдержав. Другим таким столпом был Договор по ПРО. Такая комбинация ограничения стратегических наступательных и оборонительных вооружений делала ядерную войну невозможной, обеспечивая нанесение при любых обстоятельствах взаимного неприемлемого ущерба или – хуже того – взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ на языке специалистов). Даже в случае первого, внезапного ядерного удара у другой стороны оставалась возможность нанести ответный удар, обеспечивающий этот неприемлемый ущерб для напавшей стороны.

На этом кошмарном сценарии и строился мир на планете Земля на протяжении последующих 35 лет.

Рейган и его СОИ

Первая попытка разрушить этот стратегический баланс была сделана президентом США Рональдом Рейганом, который 23 марта 1983 г. объявил свою знаменитую СОИ – стратегическую оборонную инициативу. А попросту говоря, создание противоракетного щита над Америкой, чтобы оградить ее от «империи зла» – так он именовал Советский Союз.

Начиналась эта речь с постановки, казалось бы, простого вопроса: что лучше – спасти людям жизнь или отомстить за их гибель? Ответ, разумеется, напрашивался сам собой. И в соответствии с ним Рейган извещал, что США «приступают к реализации программы, призванной защитными средствами противостоять угрозе ракетного нападения». Он призывал американских ученых, создавших ядерное оружие, «вооружить США средствами, которые сделали бы теперь это оружие бесполезным и устаревшим». Для этого-де существует промышленная основа, созданная великими технологическими открытиями американской науки¹¹.

На первый взгляд все это выглядело обычной политической демагогией. А главное, было неясно, что конкретно намерено предпринять правительство США, чтобы защитить людей от ракетного нападения, и можно ли это сделать. Поэтому в МИДе только пожимали плечами, крутили пальцем у виска, показывая, что президент совсем спятил, и советовали «подождать и посмотреть».

Однако буквально через несколько часов в моем кабинете на восьмом этаже «высотки» на Смоленской раздался требовательный перезвон

¹¹ *Presidential Documents. Vol.19. March 28, 1983. P.442–448.*

«вертушки». На проводе был бессменный помощник четырех Генеральных секретарей А.М.Александров-Агентов: *«Юрий Владимирович велел срочно подготовить реакцию на вчерашнюю речь Рейгана. Вы вели с американцами согласование Договора по ПРО. Надо разобраться, как вся эта муть, которую нагородил Рейган, соотносится с этим Договором. Быстро подготовьтесь и поедem в Кунцево доложить Андропову».*

Ровно в 5 вечера 24 марта мы с Александровым были в Центральной Клинической Больнице (ЦКБ), где лежал Генсек с приступом болезни почек. За последние полгода он сильно изменился. Мне нередко приходилось встречаться с ним во время визитов в Москву иностранных лидеров или у него в кабинете, когда обсуждались какие-либо документы. И всегда он выглядел строго подтянутым, никогда не сутулившимся, может быть, даже с чересчур прямо расправленными плечами. Лицо волевое, холодное; губы тонкие, опущенные по краям. Но главное – это глаза, какого-то прозрачно-голубого, ледяного цвета, который придавал острую пронзительность его взгляду. Такие ледяные глаза я видел еще только у одного человека – президента Ирака Саддама Хусейна.

Теперь же Андропов как-то потускнел. Он сильно похудел, лицо стало совсем белым – под цвет волос. Из широкого ворота рубашки выглядывала непривычно тонкая шея, и от этого голова казалась еще более крупной. А вот взгляд стал еще острее и неулыбчивей. Сухо поздоровавшись, он сразу же приступил к делу: *«Что стоит за этим финтом Рейгана? Он, может быть, искренне верит во все эти сказки про безъядерный мир. Но Рейган не политик – он актер. А кто пишет ему сценарий? Кто драматург этой пьесы? Не сам же Рейган придумал эту СОВ! Только не говорите мне про империалистические круги США. У этих кругов разные интересы и разные взгляды...».*

Александров коротко доложил содержание шифровок, которые к этому времени стали обильно поступать из Вашингтона и Нью-Йорка из нашего посольства и от резидентур КГБ и ГРУ. Судя по информации, имеющейся на этот час, говорил он, США намерены создать и разместить в космосе систему противоракетной обороны всей страны, основанную на новых физических принципах, в том числе на преобразовании энергии ядерного взрыва в лазерный луч. Это позволило бы им поражать взлетающие ракеты на расстоянии в несколько тысяч километров. По данным ГРУ и КГБ эту программу усиленно проталкивают Пентагон и ВПК. Лично за ней стоят: министр обороны Уайнбергер, советник по вопросам национальной безопасности Кларк и его заместитель МакФарлейн. По мнению МИД, создание такой противоракетной системы полностью противоречит Договору по ПРО 1972 г.

«Это формальные оценки, – отреагировал Андропов с явным неудовольствием. – Нужно разобраться по существу дела. Прежде всего, что значит сделать ядерное оружие устаревшим и бесполезным?»

При создании американцами своей ПРО устаревшим окажется ядерное оружие Советского Союза. Но американская ядерная мощь будет по-прежнему современной и эффективной. А это значит, что США получат возможность безнаказанно нанести первый ядерный удар. Рухнет вся военно-геополитическая стабильность, которая создавалась за последние десятилетия. СССР просто перестанет быть великой державой.

Весь вопрос, однако, в том, можно ли при нынешних научно-технических возможностях создать надежную систему ПРО, которая, как щит, прикроет бы всю территорию страны? Я разговаривал с Дмитрием (Д.Ф.Устиновым. – О.Г.) и просил его поговорить со своими учеными-специалистами. Он говорит, что они колеблются. Сейчас вроде бы нельзя – она может быть преодолена разными средствами. Но через 10–15 лет ситуация может поменяться. А если не через 10–15, а через 5 лет? Уповать на время нельзя.

Подведем итог. Что получается? Американцы знают, не могут не знать, что надежной системы ПРО создать сейчас нельзя. Тем не менее объявляют о своем намерении построить такую систему, хотя на деле это будет неэффективная и ненадежная ПРО. Зачем тогда весь этот маскарад?

Запугать нас и использовать, как рычаг для давления?

Отвалить жирный куш своему ВПК и втянуть нас в гонку вооружений там, где технологические преимущества явно на стороне США?

Или, как говорит Дмитрий, дестабилизировать стратегическую ситуацию с целью значительного уменьшения последствий ответного удара со стороны Советского Союза? Представим такую ситуацию: США наносят первый удар по местам расположения советских МБР. Это ослабит наш ответный удар, который к тому же будет частично парирован системой ПРО.

Ситуация слишком серьезная, и я не хочу игнорировать ни одного из возможных сценариев – даже возможность создания эффективной ПРО. Независимо от того, осуществима или нет эта система на практике, она стала реальным фактором в нынешней политике США. И с этим мы не можем не считаться.

Все это подтверждает наши худшие опасения: американские правящие круги взяли курс на нанесение внезапного ядерного удара по Советскому Союзу и теперь пытаются оградить США от нашего от-

ветного удара или хотя бы свести его к минимуму. Нам нужно немедленно разоблачить эти планы – пусть народы увидят, кто ведет мир к катастрофе. Завтра к концу дня подготовьте мое заявление для публикации в "Правде"».

Как всегда, у Андропова все было ясно и коротко. Мы поднялись уходить, и Генсек бросил Александрову: *«Держите контакт с военными. Я поручил Устинову продумать наши ответные меры. Если на каждый чих американцев поджимать хвост, они заберутся на шею. Поэтому наш ответ будет адекватным. Создавая свою ПРО, американцы готовятся к удару отсюда, – Андропов сделал плавный жест рукой, показывая направление удара сверху. – А наш удар будет отсюда».* И снова жест, показывающий, что удар будет откуда-то снизу.

Тогда мне было не до выяснений, что означает сей жест. Но много лет спустя, в середине 90-х, я пригласил в Стокгольм Л.Н.Зайкова, бывшего при Горбачеве Секретарем ЦК по оборонной промышленности и председателем так называемой Пятерки – специальной Комиссии Политбюро по военно-политическим переговорам. Неделю он жил у нас в посольстве, и мы много беседовали, вспоминая былое. Жест Андропова, когда тот говорил об адекватном ответе, Лев Николаевич объяснил так: *«Американцы, создавая свою ПРО, готовились к отражению удара наших ракет из космоса. А наш ответный удар был бы из-под воды. Причем не только ракетами на подводных лодках, которые мы придвинули к американским берегам в Атлантике и на Тихом океане. Мы приступили тогда к разработке специальной подводной ракеты».*

Разумеется, разрабатывались и другие ответные меры. Любая система ПРО будет рассчитана на поражение определенного числа ракет и боеголовок. Поэтому для ее преодоления нужно просто увеличить число этих ракет и боеголовок, причем с ложными целями. Это будет и дешевле, и надежнее, чем создавать собственную ПРО. Не говоря уже о том, что нужно было принимать меры по укреплению шахтных пусковых установок ракет для повышения их выживаемости. Ведь именно по ним будет наноситься первый удар.

Но все это я узнал позже. А теперь мы сидели, не разгибая спины, в кабинете Александрова на Старой площади. Маленький, худенький, с острым, как у лисы, личиком, всеми своими повадками он напоминал именно это зверька – умного, хитрого и чертовски осторожного. Но лучше его никто не знал настроений и хода мыслей «заказчика» – так на жаргоне составителей речей именовались члены советского руководства, для которых приходилось писать.

В тот день помощник Генерального так распределил наши функции: сам он будет в контакте с военными и учеными, выясняя их оценки американских планов Звездных войн, а мне предстоит подготовить болванку заявления Андропова в виде ответов на вопросы корреспондента «Правды». И тут же сформулировал эти вопросы: *«Их должно быть не больше трех. Сверх этого числа нормальный человек все равно ничего не запомнит. А сами вопросы должны быть простыми: Как вы оцениваете речь Рейгана? Что означает его новая оборонительная инициатива на самом деле? И какой вывод из всего этого можно сделать? И еще. В разговоре с нами у Ю.В. звучали сомнения, что стоит за этим финтом Рейгана. Но в его ответах "Правде" не должно быть и тени сомнения. Речь президента США показывает, что Америка усиленно перевооружается и стремится стать доминирующей военной державой.*

То же и в отношении того, можно или нет создать ПРО. Пусть здесь сомневаются специалисты. А для нас все ясно: США стремятся приобрести потенциал первого ядерного удара и с помощью ПРО лишить нас возможности нанесения ответного удара. Другими словами, обезоружить нас перед лицом американской ядерной угрозы. И особо подчеркните, что Рейган лжет, когда говорит о советской угрозе. Все, что делает Советский Союз, никак не свидетельствует о его стремлении к военному превосходству. Все, пишите!»

Под эти аккорды прошла первая бессонная ночь. А рано утром нам стало известно, что по распоряжению Андропова срочно создана Комиссия, куда включены лучшие «мозги» науки и ВПК. Председателем назначен академик Е.П.Велихов, а его заместителем – генерал армии В.И.Варенников. Комиссию вывезут куда-то за город, и там, в бункере, она будет выработать конкретные меры по противодействию СОИ.

В кабинете у Александрова мы сидели рядом. Я диктовал заготовки строгим секретаршам, а Александров звонил по бесчисленным телефонам, читал проект, ругал и правил его. Самым изощренным его ругательством было: *«Надо сильно не любить социализм, чтобы написать такое!»*

Это была шутка. Но с подковыркой, которые обожал помощник Генерального секретаря.

Так были подготовлены «Ответы Ю.В.Андропова на вопросы корреспондента "Правды"», вызвавшие большой шум в мире. Днем 25 марта Александров поехал с ними к Андропову и вернулся довольный: правка была незначительной. В тот же вечер со спецкурьерами «Ответы» были разосланы всем членам Политбюро, а 27 марта опубликованы в газете «Правда».

Кто был драматургом этой пьесы?

С той поры прошло много лет. Но вопрос Андропова, кто был драматургом этой пьесы – не сам же Рейган выдумал эту СОИ, – крепко засел у меня в голове.

По своей природе президент Рейган – мечтатель-моралист. Он мыслит широкими категориями и не любил вдаваться в детали, особенно если это касалось науки и техники. Идеалисту Рейгану претила сама концепция ядерного сдерживания, основанная на гарантированном взаимном уничтожении. «Это сумасшедшая политика», – говорил он и мечтал создать щит, который оградит США от советских ядерных ракет. Каким он будет – располагаться на земле или в космосе, использовать лазеры или другие технологии, – Рейган не хотел думать. Это была мечта, и она стала политикой. Но кто зародил в нем эту мечту?

Далеко-далеко от Москвы на холмах солнечной Калифорнии раскинулся Стэнфордский университет. Посреди него огромная, фаллической формы башня. Это Гуверовский институт Войны, Мира и Революции. Но мало кто знает, что в его тихих стенах хранятся не только уникальные страницы истории. Там рождалась политика Республиканской партии США последних десятилетий, и там до сих пор работают люди, которые эту политику делали¹².

Это относится и к Звездным войнам. Первым, кто заронил семена этой мечты в душу Рейгана, был, пожалуй, Эдвард Теллер – знаменитый в прошлом отец-создатель американской водородной бомбы.

Судьба неожиданно свела нас в Гуверовском институте в конце 90-х. Выглядел Теллер экстравагантно. Маленького роста, согнутый в дугу годами – ему было уже за 90 – и с большой головой, покрытой клочковатой копной седых волос, из-под которой остро сверкали глаза, он медленно передвигался, опираясь на огромную, суковатую, выше его роста, дубину, – палкой ее никак не назовешь. При этом носил темный элегантный костюм с галстуком, а обут был в желтые ковбойские сапоги с загнутыми носами. Но мыслил он здраво, ярко и образно. О зарождении СОИ Теллер рассказывал мне так: *«Еще в 1967 году удалось пригласить Рейгана в Ливерморскую лабораторию. Он был тогда губерна-*

¹² Достаточно взглянуть на список сотрудников хотя бы за 1999 год. Возглавляет его бывший госсекретарь Джордж Шульц. Затем следуют тоже бывшие – министр обороны Уильям Перри, заведующая советским отделом Совета национальной безопасности Кондолиза Райс, посол на переговорах по сокращению вооруженных сил в Центральной Европе Ричард Стаар и многие другие.

тором Калифорнии, и мы рассказывали ему о новых военных технологиях, над которыми работали американские ученые. Особенно старались объяснить преимущества создания противоракетной обороны. Он с интересом выслушал, но никак не прореагировал, хотя, видимо, хорошо запомнил».

Помогли, очевидно, кино и воображение. Вообще, как свидетельствуют историки, многие представления Рейгана формировались под влиянием кинематографа. И свое отношение к политике ядерного сдерживания он тоже выражал в духе ковбойских «вестернов»: «*Это выглядит так, будто мы сидим и разговариваем с вами, наставив друг на друга заряженные пистолеты. И, если вы или я скажем что-то не так, мы оба готовы спустить курок. Я думаю, это ужасно – взаимное гарантированное уничтожение! Это действительно сумасшедшая политика*»¹³.

Такие сумбурные взгляды Рейгана помог отлить в форму политической концепции малоизвестный экономист Мартин Андерсон. Сейчас он тоже в Гуверовском институте. Рассказывал он об этом так: «*В июле 1979 года губернатор Рейган посетил штаб северо-американского командования воздушно-космической обороны в горах Колорадо. Я сопровождал его, и мы вместе ходили вокруг огромных радаров, которые должны предупредить Америку о внезапном нападении, а генерал Джеймс Хилл рассказывал, как они работают. Неожиданно Рейган прервал его и спросил, что произойдет, если Советский Союз запустит вдруг одну из своих тяжелых ракет СС-18 на какой-либо американский город?*» «*Мы сможем обнаружить ее сразу же после пуска, – ответил генерал, – и предупредить городские власти, что через 10 минут город будет уничтожен ядерным взрывом. Это все, что мы можем сделать. Мы не в состоянии предотвратить ракетный удар*».

Рейган, по словам Андерсона, был в шоке.

«*Зачем мы тратим такие бешеные деньги на предупреждение о ракетном нападении, если не можем предотвратить его и спасти людей?* – говорил он Андерсону в самолете, возвращаясь в Лос-Анджелос. *Быть президентом США в этих условиях – незавидная роль. В случае нападения у него будет только один выбор – нажать ядерную кнопку или ничего не делать. Америка беззащитна*».

Несколько недель спустя, находясь еще под влиянием разговора в самолете, Андерсон подготовил секретный меморандум, в котором

¹³ Cannon L. *President Reagan. The Role of a Lifetime*. Simon and Schuster, N.Y., 1991. P.320.

обосновывалась необходимость создания «Защитной системы от ракет». Рейган отнесся к этой идее с большим интересом, и сразу же после его избрания президентом США в Белом Доме была образована неформальная группа поддержки противоракетной обороны во главе с Мартином Андерсоном. Научно-техническую сторону проекта консультировал Эдвард Теллер, который вдохновенно верил в возможности американской науки создать такую оборону.

И тут впервые к идее ПРО стали проявлять интерес некоторые представители большого бизнеса. Они несколько раз встречались с президентом и убеждали его принять грандиозный проект защиты Америки от ракет, который по своему размаху не уступал бы Манхэттэнскому проекту по созданию американской атомной бомбы. Рейган внимательно слушал, задавал вопросы, но ничем себя не связывал¹⁴.

В общем, время шло, и, несмотря на благосклонное отношение президента, создание ПРО оставалось весьма проблематичным. В Америке шла острая борьба вокруг развертывания мобильных ракет МХ. Военные делали на них ставку и не хотели отвлекать силы на борьбу за создание какой-то полуфантастической обороны из космоса. Поэтому Андерсон покинул Белый Дом, а его группа распалась.

Смена драматургов

Все поменялось в декабре 1982, когда американский Конгресс отказался дать деньги на производство ракет МХ, зарубив тем самым планы их развертывания. Двигателем идеи ПРО в Вашингтоне стал теперь заместитель советника по вопросам национальной безопасности при президенте США Роберт МакФарлейн. Администрации президента нужна была яркая идея, которая вызвала бы поддержку общественности и оправдала новые огромные расходы на оборону. И МакФарлейн остановился на ПРО.

Это была весьма любопытная фигура в американской политике. Морской пехотинец, двадцать лет продвигавшийся по лестнице военной службы от лейтенанта до полковника, он никак не походил на бравого вояку, хотя и воевал во Вьетнаме. Но он был умен, упорен и быстро

¹⁴ См.: Hendric S. *The Power Game*. Random House, N.Y., 1988. P.610. – А из известных мне бизнесменов, лоббировавших ПРО, были пивной король Джозеф Коорс и председатель правления «Чемпион Интернэшнл Корпорейшн» Карл Бендестен. В 1982 году они дважды посещали Рейгана.

схватывал новые идеи. Его способности подметил еще Генри Киссинджер и взял своим помощником в Совет Национальной Безопасности. У Киссинджера, который стал его учителем, МакФарлейн перенял склонность к широким обобщениям и многовариантности подходов, излагавшихся скучным и монотонным голосом.

МакФарлейн не был сторонником запрета ядерного оружия, как Рейган. Он был адвокатом ядерного сдерживания и считал, что геополитическая стабильность находится под угрозой. Но с Рейганом не спорил.

Они сошлись на другом: нынешняя гонка вооружений идет на пользу СССР. Хотя в целом ракетно-ядерное оружие США более современно, Советский Союз делает более мощные ракеты с тяжелым забрасываемым весом и оснащает их РГЧ. Поэтому создание ПРО переведет гонку вооружений в область передовых технологий, где у США явные преимущества¹⁵. Такой поворот Холодной войны по расчетам новой звезды американской политической мысли должен припугнуть СССР. Страх оказаться «обезоруженными» сделает советских переговорщиков более покладистыми на переговорах по стратегическим вооружениям.

«Это была моя идея, – подчеркивал МакФарлейн в разговоре со мной 9 мая 1998 г. – Нужно было раскрутить на полную катушку создание ПРО под аккомпанемент пропагандистских фанфар. А потом, когда запрещение ПРО станет главной целью советской политики, США согласятся сделать это, но в обмен на существенное сокращение или запрещение тяжелых МБР»¹⁶.

Иными словами, продать сомнительную, с точки зрения ее осуществления, идею создания ПРО – «пустышку» – за ликвидацию или хотя бы значительное сокращение советских тяжелых ракет. Эту комбинацию МакФарлейн в своем узком кругу называл «великим компромиссом». Но он никогда не делился этим замыслом с Рейганом. Каждый оставался при своем видении роли ПРО.

Итак, подход администрации США был выработан, хотя за ним стояли разные замыслы. Теперь нужно было продать концепцию ПРО военным. И тут главным фактором, склонившим их к поддержке идей ПРО, стал отказ Конгресса дать деньги на развертывание ракет МХ.

¹⁵ По оценкам Министерства обороны США Советский Союз на 10 лет отставал от Америки в области электроники, компьютеров и другой передовой технологии (*The FY 1986. Department of Defense Program for Research, Development and Acquisition. US Government Printing Office, 1986. P.11–15.*)

¹⁶ Беседа автора с Робертом МакФарлейном 9 мая 1998 г.

11 февраля 1983 года на встрече президента с начальниками штабов вооруженных сил США они в основном поддержали идею создания ПРО как среднего пути между упреждающим ударом и бездействием. И тогда Рейган принял, наконец, решение. Причем немалую роль в этом сыграл полученный им накануне строго секретный доклад министерства обороны, что в ядерной войне с Советским Союзом погибнет 150 миллионов американцев¹⁷. А всего населения США в начале 80-х было 226 миллионов человек.

Так был дан зеленый свет провозглашению новой политики. Фрагмент по СОИ в речи президента был тщательно выписан МакФарлейном. Опасаясь утечки информации, он не доверял даже машинисткам Белого Дома и потому сам печатал эту речь на машинке. Консультировал его только советник президента по науке Джордж Кейуорт. Но он был «свой человек» из Лос-Аламоса, которого рекомендовал Теллер. А термин «Стратегическая оборонная инициатива» придумал адмирал Поиндекстер.

Хитрые дипломатические игры

Но обо всем этом мне довелось узнать лишь 15 лет спустя. А 23 марта Рейган взошел на трибуну, как на сцену, и программа СОИ была обнародована. Через несколько дней прозвучал грозный ответ Андропова в газете «Правда». На авансцене началась долгая политическая и дипломатическая тяжба, а переговоры по стратегическим вооружениям застыли в тупике. Политики всего мира только гадали, что же такое это ужасное СОИ и что в действительности кроется за планами ее создания?

Постепенно картина стала проясняться. СОИ – это программа создания в космосе системы ПРО, оснащенной лазерными пушками и так называемыми спутниками-убийцами. Она должна быть многослойной, а на ее создание предполагалось затратить от 100 до 200 миллиардов долларов. И за первые 10 лет на нее уже было выброшено 30 миллиардов. Но, приступив к реализации программ СОИ, США из Договора ПРО не выходили и публично заявляли, что их исследования и работы ему не противоречат.

Однако уже с первых дней у этой СОИ появилось немало противников даже в самих США, как со стороны ученых-специалистов, так и военных, которые открыто говорили, что система эта не может быть эф-

¹⁷ Reagan R. *An American Life*. Simon and Shuster, 1990. P.550.

фективной, а деньги будут выброшены на ветер. Да и в самой администрации президента, как потом выяснилось, было немало скептиков, которые просто не решались открыто выступать против Рейгана. В их числе вице-президент Джордж Буш-старший и Brent Скоукрофт. И уже первые испытания в рамках СОИ стали подтверждать этот скептицизм. Хотя в официальных сообщениях говорилось об успехе, на деле их результаты были во многом сфальсифицированы. Это подтвердила и война в Заливе. В ходе военных операций некоторые элементы СОИ были задействованы для наведения американских ракет «Пэтриот» на иракские ракеты «Скуд», но результаты были далеки от успеха.

В Советском Союзе с самого начала, как уже говорилось выше, было резко негативное отношение к СОИ, как к попытке слома существующей стратегической стабильности, основанной на гарантии взаимного уничтожения. Позиция эта не менялась и в первые годы после прихода к власти Горбачева. Поэтому его предложение о 50-типроцентном сокращении стратегических наступательных вооружений строго увязывалось с соблюдением Договора по ПРО.

Но в Вашингтоне уже придумали хитрую тактику. Да, Договор по ПРО должен оставаться в силе, ведь он ограничивает права не только США, но и СССР. Поэтому отказываться от него не надо, а надо перетолковать некоторые его положения так, чтобы они не связывали Америке руки, хотя бы на первых порах, в реализации программ СОИ. Разумеется, это развяжет руки и Советскому Союзу. Но если он встанет на этот путь, то тем хуже для него. Его усилия по созданию ПРО не дотянут до американских, но окончательно подорвут его экономику

И в результате таких умозаключений появилось на свет так называемое «широкое толкование» Договора по ПРО. Его впервые озвучил 6 октября 1985 года все тот же МакФарлейн. А суть этого широкого толкования сводилась к следующему.

Предусмотренное Договором (статья 5) запрещение создавать и разворачивать системы и компоненты ПРО космического базирования распространяется только на те виды компонентов ПРО, которые существовали на момент заключения Договора и перечислены в его статье 2. А это противоракеты, их пусковые установки и радиолокационные станции ПРО. Что же касается систем и компонентов ПРО, «основанных на иных физических принципах», то они в соответствии с согласованным заявлением Д, являющимся приложением к Договору, могут разрабатываться и испытываться без всяких ограничений, в том числе и в космосе. И только в будущем пределы их развертывания будут подлежать согласованию.

Разумеется, в некоторых формулировках Договора можно найти некую двусмысленность. Но многие специалисты, причем не только советские, справедливо указывали на юридическую несостоятельность этого «широкого толкования». Так, например, бывший глава американской делегации на переговорах ОСВ Джеффри Смит публично заявил, что «широкое толкование договора превращает его в мертвую букву»¹⁸.

В общем, цели двух держав здесь полностью расходились. Советский Союз выступал за сокращение СНВ обоих государств на паритетной основе, что обеспечит стратегическую стабильность, построенную на взаимном гарантированном уничтожении. Поэтому Договор СНВ не может быть заключен в условиях, когда США ведут работы по развертыванию широкомасштабной ПРО с элементами космического базирования. И выдвигали свое, «узкое толкование» этого Договора.

А американцы преследовали прямо противоположную цель: добиться такого сокращения СНВ, которое предусматривало бы, в первую очередь, сокращение советских тяжелых ракет с разделяющимися головными частями и продолжение работ по развертыванию ПРО, которая обеспечит США стратегические преимущества по сравнению с Советским Союзом.

Так продолжалось почти 3 года. Согласование столь несовместимых позиций, естественно, давалось с трудом. Не помогали и понукания сверху. Поэтому переговоры, начавшиеся в Женеве, оказались в тупике. И только в декабре 1987 года на саммите в Вашингтоне двумя опытными переговорщиками – маршалом Ахромеевым с советской стороны и послом Нитце с американской – был подготовлен весьма хитроумный компромисс. В Совместном советско-американском заявлении, опубликованном 10 декабря, содержалась загадочная фраза: каждая из сторон обязуется соблюдать Договор по ПРО «в том виде, как он был подписан в 1972 году, в процессе осуществления исследований, разработок и при необходимости испытаний, которые разрешаются по Договору по ПРО, и не выходить из Договора по ПРО в течение согласованного срока».

Внешне, при первом чтении все вроде бы прекрасно. С позиций советской стороны это успех, с программой СОИ должно быть покончено. Но и с американских позиций все в порядке, программу СОИ можно продолжать в соответствии с нашим толкованием, что разрешается Договором по ПРО.

Естественно возникает вопрос, зачем тогда весь этот спектакль?

¹⁸ *International Herald Tribune*. October 10, 1985.

В современной дипломатии есть термин «конструктивная двусмысленность», пришедший из далекого французского опыта ведения дел с неуступчивыми партнерами. Когда переговоры заходят в тупик по какому-то одному вопросу и нельзя договориться по другим вопросам, где есть возможность продвижения вперед, по этому тупиковому вопросу вырабатывается видимость компромисса путем словесной эквилибристики, которая позволяет каждой стороне утверждать, что именно его позиция одержала верх. Ну и что это дает?

Прежде всего, возможность отложить на какое-то время в сторону тупиковые разногласия и заняться теми вопросами, по которым есть возможность двигаться вперед. Разумеется, эти отставленные разногласия рано или поздно вновь всплывут на поверхность, но уже в другой обстановке и в другое время. Могут прийти другие люди, может обозначиться явный прогресс по другим вопросам, и это поможет уже серьезно взяться за выход из отложенного тупика.

Так оно и случилось. В 1989 году в Белый дом пришел новый президент – Буш-старший со своей командой, которая стала публично выражать сомнения в эффективности и целесообразности продолжения программ СОИ. Уже в январе, выступая в Конгрессе, Буш заявил, что считает «нереалистичной» идею Рейгана о создании непроницаемой обороны в космосе. Ему вторил Brent Scowcroft, ставший советником по вопросам национальной безопасности. В программе Эй-Би-Си на телевидении он сообщил, что выступает против необходимости «приступить к осуществлению этой большой программы, пока мы не поймем, насколько она соответствует тому, что мы пытаемся делать»¹⁹.

Короче говоря, вопрос о реализации программы СОИ как бы повис в воздухе, хотя формально США от нее не отказывались.

Однако не только в Вашингтоне, но и в Москве, за кулисами, шло брожение – надо что-то делать. Ну не должна эта фикция из сериала «звездных войн» блокировать реальные процессы сокращения вооружений и обеспечения реальной, а не мнимой безопасности. И в МИДе стали искать дипломатические пути выхода из положения, как без ущерба для безопасности страны развязать фантастику и действительность. Однако в Министерстве обороны были категорически против: сегодня это может быть и фантастика, но завтра она может стать страшной действительностью. Поэтому увязка между сокращением стратегических воо-

¹⁹ Michael R. Beschloss and Strobe Talbott. *At the Highest Levels*. Little Brown and Company, UK, 1983. P.117.

ружений и соблюдением Договора по ПРО во всех его нюансах должна строго соблюдаться.

Тогда хитрый лис Шеварднадзе решил призвать на помощь ученых. По его инициативе было проведено несколько семинаров с участием видных представителей науки: физиков-ядерщиков и специалистов по космосу, таких, в частности, как академики Евгений Велихов и Роальд Сагдеев. Их мнение было однозначным: реальная угроза со стороны СОИ в обозримом будущем маловероятна. Поэтому стратегия разрядки нам беды не принесет. И эти заключения тут же легли на стол Горбачева.

Результат не заставил себя долго ждать. 21 сентября 1989 г. Шеварднадзе прибыл в Вашингтон для переговоров с госсекретарем Бейкером. С собой он привез послание Горбачева новому президенту США Бушу-старшему, в котором говорилось: *«Давайте отложим на какое-то время наши концептуальные споры относительно того, укрепит ли размещение оружия в космосе... стратегическую стабильность или это будет иметь противоположный эффект».*

А Шеварднадзе в беседе с Бейкером пошел еще дальше, дав понять, хотя и в туманных выражениях, что Советский Союз готов заключить Договор СНВ без увязки с отдельным соглашением, ограничивающим оборону в космосе.

В общем, разногласия по ПРО были как бы отложены в сторону и все усилия были сосредоточены теперь на разработке Договора СНВ-1, который должен был обеспечить 50% сокращение стратегических наступательных вооружений СССР и США. Но только в сказках дела быстро делаются. Прошло еще 2 года, и лишь 31 июля 1991 г. этот договор был, наконец, заключен. Он стал последним Договором, подписанным от имени Советского Союза.

Его параметры внешне выглядят вполне благопристойно, они одинаковые и для СССР, и для США:

– Предельное количество МБР, БРПЛ и тяжелых бомбардировщиков (ТБ) для каждой из сторон – 1600 единиц. Но особый подуровень для тяжелых МБР – 154.

– Предельное количество ядерных боезарядов для МБР, БРПЛ и ТБ – 6000. И опять подуровни: для МБР и БРПЛ – 4900, для тяжелых МБР – 1540 и для мобильных МБР – 1100.

Но специалистам было ясно, что основные сокращения придется делать Советскому Союзу и затронут они главную составляющую советской стратегической триады – МБР. Причем основные потери придется на советские тяжелые ракеты с разделяющимися головными частями (РГЧ). У американцев таких ракет тогда вообще не было, а нам нужно

будет сокращать их наполовину, что было специально прописано в Договоре. Тяжелых ракет было у нас 308, и сокращать пришлось до 154 единиц. И, соответственно, боеголовки – с 3 080 до 1 540 штук. Ограничивались также и наши мобильные ракеты, но не прямо, а через боеголовки, которых можно было иметь на них не более 1 100 единиц.

Как так могло получиться? Разве этого не понимали наши переговорщики в Женеве? Понимали. Но сверху, из Москвы, шли строгие указания – не мелочиться. Договор нужно подписать как можно скорее: для Горбачева это важнейший успех нового мышления и перестройки.

Разумеется, тут же возникает вопрос: а как в таких условиях был решен вопрос об увязке этих сокращений стратегических наступательных вооружений с соблюдением Договора по ПРО? Да никак. США вроде бы отказывались от осуществления рейгановских программ «звездных войн», но никаких обязательств на себя брать не хотели. Дело ограничилось поэтому односторонним советским заявлением. В нем говорилось: если одна из сторон нарушит Договор по ПРО или выйдет из него, то другая сторона будет считать, что это ставит под угрозу ее высшие интересы и может использовать свое право для выхода из Договора по ПРО. Но такое право она имела и без этого заявления, так как оно было четко прописано в статье 17 Договора по ПРО.

В общем, заявление это было пустым сотрясением воздуха. Тут можно лишь с горечью отметить, что американцам удалось тогда протащить хитрый замысел МакФарлейна, который он окрестил «великим компромиссом»: продать пустышку – СОИ за нечто весьма серьезное – ликвидацию или хотя бы за значительное сокращение советских тяжелых ракет.

Вместо СОИ – ограниченное ПРО

И все же с приходом в Белый дом Буша-старшего отношение к СОИ стало кардинально меняться. Можно сказать, что она была отправлена в

Лету. Но это вовсе не означало, что США теперь будут строго придерживаться Договора по ПРО.

В своем обращении к нации в 1991 году Буш заявил, что миссия СОИ будет изменена – от защиты против полномасштабного нападения со стороны Советского Союза к защите от ограниченного числа ударов баллистическими ракетами независимо от источника нападения. Эта новая концепция, названная «Глобальная защита от ограниченного числа ударов», предусматривала использование ракет-перехватчиков, раз-

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПРО?

мещенных в космосе, и создание нескольких систем с ракетами-перехватчиками, размещенными на суше, а также мобильных противоракетных систем для уничтожения тактических ракет.

При этом объявлялось, что цель такой новой политики – создать ограниченную систему ПРО для защиты США от угрозы пусков ракет со стороны третьих стран. Однако противники этой новой политики как в США, так и в России доказывали, что таких угроз не существует: ракет, способных достичь США, у других стран нет.

И тут снова вставал вопрос о соблюдении Договора по ПРО. Поскольку такая «ограниченная система» прикрывала бы всю территорию США, а не один район, как это было записано в соглашении 1974 года, и предусматривала бы использование более 100 ракет-перехватчиков, а также испытания и размещение в космосе элементов системы ПРО, то она по-прежнему противоречила бы Договору по ПРО.

Тем не менее в Совместном заявлении 17 июня 1992 г. президенты Буш и Ельцин выразили согласие изучить возможность создания глобальной системы против баллистических ракет. Они договорились создать для этого группу высокого уровня для изучения возможности модификации существующих соглашений.

Это был сигнал о возможности изменения российской позиции в отношении увязки Договоров по СНВ с Договором по ПРО²⁰. Но на структуру сокращений стратегических сил это никак не повлияло. В том же заявлении от 17 июня было объявлено, что стратегические ядерные арсеналы обеих стран должны быть сокращены на 65–70 %. И главное: должны быть ликвидированы все тяжелые МБР и МБР с РГЧ. Эти положения и были строго прописаны в Договоре СНВ-2, подписанном Бушем и Ельциным 3 января 1993 года. Отсюда его ироничное название – «Договор о де-РГЧ-ировании». Его суть:

К 1 января 2003 г. суммарное число боезарядов на развернутых МБР, БРПЛ и ТБ не должно превышать 3 000–3 500 единиц. В том числе:

- На БРПЛ – не более 1 700–1 750 единиц.
- МБР с РГЧ и РГЧ ИН ликвидируются полностью.
- Тяжелые МБР ликвидируются полностью.

Но это еще не все. США добились согласия на изменение структуры российских стратегических сил. На момент подписания Договора

²⁰ *Несколько месяцев спустя Ельцин нажал на тормоза. МИД России выступил с заявлением о необходимости соблюдать Договор по ПРО и о недопустимости размещения в космосе каких-либо видов оружия.*

СНВ-1 на МБР приходилось почти 60 % ядерных зарядов, БРПЛ – 25 % и тяжелых бомбардировщиков – 15%. То есть МБР для России являлись основным компонентом стратегических сил и главным оружием сдерживания. Теперь, по оценкам специалистов, «в случае реализации всех условий Договора СНВ-2 и с учетом возможных новых поставок вооружений к 2003 году структура российских СЯС выглядела бы следующим образом: МБР – 17 %, БРПЛ – 55 % и ТБ – 28 %»²¹.

Причем Договор этот не содержал никаких увязок с Договором по ПРО. Неудивительно поэтому, что Договор СНВ-2 дважды вносился на ратификацию в Думу и оба раза парламентарии голосовали против, поскольку он не отвечает интересам безопасности России.

* * *

Администрация Клинтона предприняла шаги, которые поначалу были расценены многими специалистами как намерение покончить с СОИ и Звездными войнами. Так, в мае 1993 г. было объявлено, что будущая система ПРО США не будет содержать компонентов, размещаемых в космосе. А министр обороны США пояснил, что эта программа ПРО будет сфокусирована на создании противоракетных систем защиты вооруженных сил на театре военных действий от ракет поля боя, а также континента США от ограниченных ракетных ударов, особенно со стороны «террористических государств», имеющих ядерное оружие²².

Короче говоря, создание полномасштабной ПРО было как бы отложено, а все внимание сосредоточивалось теперь на разработке систем ограниченной, нестратегической противоракетной обороны страны, а также на войсковой ПРО, что обуславливалось распространением в мире ракетных технологий с дострагегической дальностью пуска.

В Договоре по ПРО о создании обороны от таких ракет ничего не говорилось и не было критериев, которые позволяли бы разграничить стратегическую и нестратегическую ПРО или ПРО театра военных действий.

Переговоры о таком разграничении начались в 1994 году в российско-американской Постоянной консультативной комиссии. Там было разработано несколько соглашений и их должны были утвердить пар-

²¹ Стародубов В. *От разоружения к капитуляции*. М.: Вече, 2007. С.358.

²² Goldblat J. *Arms Control. A Guide to Negotiations and Agreements*. PRIO, Oslo, 1994. P.58.

ламенты обеих стран. Но против выступил Пентагон, и администрация США не стала представлять их в Конгресс. Термин «нестратегическая ПРО» не стал употребляться, разговор пошел об ограниченной ПРО всей территории США от угроз со стороны стран-изгоев, таких как КНДР, Иран, Ирак. Но если принять во внимание расстояние от этих стран до континента США, то становится ясным, что на деле строится защита от ракет межконтинентальной дальности, а это уже прямое нарушение Договора по ПРО.

И такие работы в США по созданию ПРО шли полным ходом. В январе 1999 г. министр обороны США Коэн объявил о финансировании развертывания ограниченной национальной системы ПРО для защиты всех 50 штатов страны. На это выделялось 6,6 млрд. долларов до 2005 года в дополнение к уже выделенным 4 миллиардам на НИОКР в этой области. А в июне 1999 года в США был принят закон о развертывании «национальной ПРО территории страны».

Но только в декабре 2001 г. президент Буш объявил о выходе США из Договора по ПРО, а в июне 2002 они формально вышли из него. Реакция России была сдержанной. Президент Путин назвал это решение ошибочным. Но при этом отметил, что непосредственной угрозы для безопасности России оно не создает, Россия располагает эффективными средствами преодоления этой ПРО. И в 2002 году Россия и США подписали Договор о СНП (стратегических наступательных потенциалах), устанавливавший суммарный предел на число стратегических ядерных боезарядов в 1 700–2 200 единиц.

При этом работы по созданию ограниченной ПРО, прикрывающей США, продолжались. Но шум по этому поводу не поднимался, Россия после событий 11 сентября 2001 г. взяла курс на сближение с Западом. Выражение недовольства ограничивалось заявлениями МИД – вроде того, что Россия будет тщательно анализировать складывающуюся обстановку и «при необходимости принимать адекватные меры для обеспечения своей безопасности»²³. А первый заместитель начальника Генштаба РФ Ю.Балуевский утверждал тогда, что эти шаги США по развертыванию глобальной ПРО «не представляют угрозы для безопасности России» до 2010–2015 годов, а может быть, и до 2020 года²⁴.

²³ <http://www.mid.ru/nsdvbr.nsf/58954e9b2d194fed432569ea00360f06/432569d800226387c3256f32005bd66d?Open Document>

²⁴ РИА Новости. 2007. 27 февраля.

Крутой поворот 2007 года

Все поменялось в начале 2007 г., когда США приступили к переговорам с Чехией и Польшей о размещении на их территории элементов

ПРО: РЛС в Чехии и 10 ракет-перехватчиков в Польше. Россия сразу же выступила резко против. Уже в феврале на Мюнхенской конференции президент Путин назвал эти планы создания американской ПРО в Европе в числе главных российских озабоченностей.

Поэтому в центре мировой политики сейчас спор о том, зачем это делает Вашингтон и против кого? А планы размещения американского радара в Чехии и 10 противоракет в Польше в этом споре просто деталь, хотя и немаловажная. Однако именно она вышла сейчас на первые страницы печати, где горячо обсуждается, могут ли угрожать России эти 10 противоракет.

Нынешнее российское военное руководство, да и некоторые американские специалисты, настаивает: да, может. Появление этих элементов ПРО в Европе дают США потенциальную возможность поражения российских стратегических ракет на самом уязвимом восходящем участке траектории полета ракет. А американское военное руководство и некоторые наши специалисты возражают: нет, не может. Непосредственной угрозы безопасности России и ее стратегическим ядерным силам они не представляют²⁵.

Но главное в этом споре остается за кадром.

Ведь одна ситуация и ответ на нее, если дело идет к созданию глобальной стратегической ПРО, которая должна прикрывать США и по возможности их союзников от любого ракетно-ядерного удара. А размещение элементов ПРО в Чехии и Польше – всего лишь первый шаг к этому. И совсем другая ситуация, если речь идет о создании ограниченной территориальной ПРО, которая оградит Европу от одиночных пусков ракет таких стран, как Иран, или террористов, которым попадут в руки эти ракеты.

Официально объявленная цель – защитить Европу именно от них. Но тут сразу же возникает вопрос: если цель действительно такова, то почему администрация США ведет переговоры только с Польшей и Чехией, а не с Евросоюзом? Об этом совершенно справедливо напомнила Вашингтону еще в марте 2007 года канцлер ФРГ Ангела Меркель. И

²⁵ См., например: Арбатов А. *Пятый противоракетный кризис // Независимое военное обозрение. 2007. 2–8 ноября. №38*; Финогенов М., Заикин С., Копылов А. *Что противопоставить ПРО? // Военно-промышленный курьер. 2007. 25–31 июля. №28.*

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПРО?

главное здесь то, что, по мнению многих специалистов, американские базы в Чехии и Польше едва ли смогут сколько-нибудь эффективно справиться с такой задачей. Да и прикрыть они смогут далеко не всю Европу, а только ее часть.

Тогда что это? Первый шаг к созданию глобальной стратегической ПРО, которая будет прикрывать в основном США, а также по возможности их ближайших союзников от любого ракетно-ядерного удара? Или, иными словами, отказ от той стратегической стабильности, которая уже многие десятилетия худо-бедно, но предохраняла мир от ядерной войны? А попросту говоря, возврат к пресловутой рейгановской СОИ, которая спровоцировала тогда очередной виток гонки вооружений?

Но в этом случае России придется прежде всего позаботиться о возможности подвергнуть удару эти элементы ПРО в Польше и Чехии. И для этого у нее есть МБР «Тополь», которые будут оснащены разделяющимися головными частями, о чем уже было заявлено командованием РВСН. В дальнейшем, если наращивание американской ПРО будет продолжаться, дело может дойти до широкого диапазона асимметричных ответных мер, начиная с наращивания потенциала российских СНВ для преодоления американских систем ПРО и прямого поражения их воздушных, морских и космических эшелонов. А если вспомнить уроки прошлой истории, тут есть много чего и другого.

И здесь мы сталкиваемся, пожалуй, с одним из величайших парадоксов в истории человечества. Ведь в отношениях Россия – США сейчас нет каких-либо рациональных причин для ядерной войны. Тем не менее обе державы продолжают обладать огромными ракетно-ядерными потенциалами, которые имеют только одно предназначение – уничтожить друг друга. На конец 2006 года у России было 762 ракеты с 3 373 боеголовками, а у США – 986 ракет и 4 116 боеголовок. И для этого нет иных причин, кроме как память о прошлой Холодной войне.

Поэтому и в этих условиях паритет по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) и отказ от создания ПРО – это два столпа, на которых продолжает держаться стратегическая стабильность в современном мире. Они исключают возможность применения ядерных сил друг против друга, то есть делают ядерную войну невозможной из-за угрозы взаимного гарантированного уничтожения. А одностороннее разрушение одного из этих столпов может иметь катастрофические последствия – как минимум, возврат к гонке ракетно-ядерных вооружений и возобновление Холодной войны с новыми союзами и противостоянием.

Рассмотрим с этих позиций новую стратегическую политику США. В 2002 году они вышли из Договора по ПРО, то есть развязали себе ру-

ки в отношении разрушения одного из столпов нынешней стратегической стабильности. Но этим дело не ограничилось. На сегодняшний день их система ПРО располагает, помимо того, что есть в самих США, объектами еще в трех странах Западной Европы и Дальнего Востока:

– 16 противоракет наземного базирования GBI дальностью перехвата 1 000–5 000 км. Из них 14 на Аляске в Форт-Гриле и 2 на авиабазе Ванденберг в Калифорнии.

– 4 радара раннего предупреждения в Кобра Деин на острове Шемия, (Алеутские острова) в 300 км от границ с Россией; в Беале (Калифорния); в Файлигдейлс (Великобритания) и в Туле (Гренландия, Дания).

– Радар морского базирования SBX, дислоцированный сейчас в Тихом океане, и радар передового базирования FBX-T на острове Хонсю в Японии.

– 16 крейсеров и эсминцев в Тихом океане и Средиземном море, оснащенных 18 противоракетами SM-3 для уничтожения ракет на среднем участке траектории.

Через 5 лет, то есть к 2013 году, согласно планам Пентагона, произойдет наращивание этой группировки, которое обойдется в 3,5 млрд. долларов. Количество ракет-перехватчиков GBI увеличится до 54, причем 10 из них будут в Польше, и появится еще один радар раннего предупреждения в Чехии. Число противоракет SM-3 на кораблях увеличится до 132 и появится 4 комплекса THAAD с 96 противоракетами для уничтожения баллистических ракет на стадии снижения, то есть в течение последних минут их подлета к цели. В конце октября 2007 г. появилось сообщение об успешном испытании этой противоракеты вблизи Гавайских островов.

Если теперь посмотреть на глобус, где обозначены места размещения этих радаров и противоракет, то ясно видно, что их кольцо четко охватывает Россию и всю Юго-Восточную Азию, включая, конечно, Китай. Причем Китаю в этих планах явно отводится одно из первых мест. В свое время американцы предлагали нам даже построить радар на юге Сибири в Мешелевке, который охватывал бы Китай с севера. Им, разумеется, отказали.

Как нам оценивать эти планы? Сегодня, да и на ближайшую перспективу, непосредственной угрозы для России они не представляют. По расчетам специалистов для перехвата одной баллистической ракеты потребуется 4 противоракеты класса GBI, а в случае использования ложных целей – до 20 таких противоракет. А у нас сегодня 762 МБР с 3 373 боеголовками, причем широко применяется использование также ложных боеголовок. Кроме того, у нас много ракет с разделяющимися

головными частями, и есть ракеты, которые меняют траекторию полета. Да и много чего другого.

В общем, стратегическая стабильность, основанная на системе взаимного гарантированного уничтожения, сохраняется и по сей день. По мнению специалистов, если США будут продолжать эту политику и пытаться создать полноценную ПРО, способную прикрыть всю страну, им потребуется 20–25 лет, прежде чем такая система сможет осуществлять перехват несколько сотен боеголовок. И то только в том случае, если российские ракеты будут оставаться такими же, как и сегодня. Но их совершенствование, как известно, постоянно происходит. А значит, при наличии у России надежного потенциала ракетно-ядерного сдерживания эта стабильность продержится еще, по крайней мере, 10–15 лет, хотя угрозы ей могут нарастать.

Но, как справедливо отмечает заведующий отделом европейской безопасности Института Европы РАН Д.А.Данилов, «нужно различать такие понятия, как угроза стратегическим силам сдерживания и стратегическим интересам». Даже если в планах США нет непосредственной угрозы российскому стратегическому потенциалу, это вовсе не означает, что они не наносят ущерб военно-стратегическим интересам России и, тем более, интересам ее национальной безопасности²⁶.

Ведь нельзя исключать, что США могут воспользоваться этим прецедентом для наращивания своего военного присутствия в Европе. В Грузии, Украине и Молдове все громче звучат голоса в поддержку примера Польши и Чехии, т.е. приглашения американцев использовать их территорию. Сюда можно добавить и то, что в США обсуждаются также возможности создания глобальной ПРО путем размещения ее элементов на морских судах и в космосе. Поэтому стратегические и военно-политические угрозы нельзя рассматривать лишь в пределах официально объявленных нынешних проектов США по созданию ограниченной ПРО.

Все эти совершенно справедливые опасения основываются на структурах стратегического баланса сил и памяти, доставшихся нам от прошлой Холодной войны. А ведь у России и США есть сейчас и общие стратегические интересы, причем весьма важные. Это устранение опасности ядерной войны, предотвращение многосторонней гонки вооружений и распространения оружия массового поражения. И, наконец, главное – борьба с угрозой международного терроризма.

²⁶ Данилов Д.А. Противоракетная оборона США и безопасность Европы // Современная Европа. 2007. № 4. Октябрь–декабрь. С.88.

Все это при разумном подходе и должно определять разумную политику. Тогда проблемы с ПРО будут решаемы. Но для этого нужны не взаимные обвинения, а добрая воля и диалог. И он начался, хотя еще нельзя наверняка сказать, что стоит за ним – добрая воля к поиску взаимоприемлемого компромисса или дипломатическая игра с прицелом на то, чтобы потянуть время до того момента, когда новая система ПРО может быть развернута.

В конце марта 2007 г. президент Буш позвонил Владимиру Путину и, стараясь устранить озабоченности российской стороны, заговорил о создании «общей ПРО» с участием России. И, как говорится в официальном сообщении об этой беседе двух президентов, такая позиция Вашингтона «была с удовлетворением воспринята российской стороной».

Поэтому 12–13 октября 2007 года в Москве были проведены переговоры в формате 2+2 – главы МИДов и Минобороны России и США по четырем главным вопросам, вызывающим комплекс разногласий: ПРО, ДОВСЕ, СНВ-1 и модернизация боеголовок американских ракет «Трайидент». В их преддверии в Москве побывала госсекретарь США К.Райс, и на переговорах с ней тема ПРО была также одной из главных. Кроме того, что особенно важно, тема ПРО обсуждалась президентами Путиным и Бушем во время их частной встречи 26 октября на саммите ЕС в Португалии.

Официальные сообщения обо всех этих переговорах не раскрывают, какие позиции были там изложены и можно ли на их основе прийти к договоренности. Так, например, К.Райс просто заявила: *«Договориться можно. Мы надеемся убедить, что нет угроз для России»*.

В общем, как всегда, просто и жестко. Однако ясно: на таких позициях далеко не уедешь. Тут договориться едва ли удастся. Но потом поползли слухи и стали появляться сообщения, которые проливают некоторый свет на происходившее на этих переговорах. Так, например, министр обороны США Роберт Гейтс публично заявил 24 октября, что в Москве они сделали два предложения, которые помогут снять недоверие:

Первое. США готовы отложить ввод в строй объектов ПРО в Польше и Чехии до получения четких доказательств наличия ракетной угрозы со стороны Ирана, например, испытания им соответствующих ракет. А К.Райс как бы обмолвилась, что отказ Ирана от создания ядерного оружия позволит не размещать ПРО в Европе.

Второе. Они готовы «обеспечить для большей открытости российское присутствие на базе ПРО в Чехии»²⁷.

Раскрывается позиция и российской стороны. Перед началом переговоров в формате 2+2 министры были приняты президентом России Путиным, который предложил заморозить на какое-то время практические шаги американской стороны по созданию элементов ПРО в Польше и Чехии и продолжить консультации. В том числе и в отношении совместного использования Габалинской РЛС и РЛС нового поколения «Воронеж», сооружаемой возле Армавира²⁸.

А в ходе приватной встречи с президентом Бушем на саммите ЕС в Португалии 26 октября Путин четко изложил российское видение повестки дня переговоров с США по проблемам ПРО. Это:

- определение угроз и возможности ракетного нападения;
- определение параметров общей системы ПРО;
- определение характера управления этой системой, причем была особо подчеркнута необходимость равного доступа всех участников к управлению²⁹.

Было предложено также уже сейчас создать в Брюсселе Центр взаимной информации о пусках ракет.

Эти предложения Путина, как справедливо отмечает руководитель Центра международной безопасности ИМЭИО РАН Алексей Арбатов, показывают, что в российской политике появились новые, серьезные моменты: «Впервые было высказано пожелание сотрудничать с США и НАТО по важнейшему вопросу военной безопасности на постсоветском пространстве, где любое западное военное присутствие до сих пор воспринималось Москвой крайне болезненно»³⁰.

Но, как нередко случается в переговорной дипломатической практике, вскоре начался откат. 22 ноября 2007 года США передали российскому МИДу свои предложения по созданию ПРО в Европе в письменном виде. Их суть – создать единую систему ПРО для защиты США, России и стран НАТО от ракетных угроз. Для этого интегрировать в единую систему планируемые объекты ПРО в Польше и Чехии, разрабатываемую в НАТО ПРО театра военных действий и российские объекты – РЛС в Габале (Азербайджан) и строящуюся РЛС под Армавиrom на Северном Кавказе.

²⁷ *Коммерсант*. 2007. 24 октября.

²⁸ *Аргументы недели*. 2007. 18 октября; *Коммерсант*. 2007. 13 октября.

²⁹ *Коммерсант*. 2007. 21 ноября.

³⁰ *Арбатов А. Указ. соч.*

При этом США готовы отсрочить ввод в строй объектов ПРО в Восточной Европе до появления четких и однозначных свидетельств наличия ракетной угрозы со стороны Ирана. Однако, по словам министра обороны Роберта Гейтса, США приступят к строительству этих объектов ПРО сразу же после подписания соответствующих соглашений с Польшей и Чехией и только отложат их введение в эксплуатацию. При этом США готовы предоставить российским военным регулярный доступ на эти объекты, но не постоянное присутствие, и то только с согласия польских и чешских властей. Правда, те вроде бы не возражают. В Москве этими предложениями остались недовольны, объявив их шагами назад от того, что говорилось на встречах в Москве.

В общем, при детальном изучении советских и американских позиций бросаются в глаза расхождения по многим вопросам, причем по принципиально важным. Но таковы законы дипломатии. Все переговоры стороны начинают с изложения максимально жестких позиций и смотрят, кто первый моргнет. Потом начинается торг. Так что мы в самом начале этой дипломатической игры, и выводы делать пока рано. В этой обстановке важно другое – понять главное: есть ли у нас общие интересы, которые могут проложить дорогу к соглашению.

* * *

Итак, главное – есть ли у нас общие интересы в этом деле?

Думаю, да, есть, и определяется это складывающейся ситуацией в мире. Ведь она такова, что безопасность России, США, Европы, да и многих других стран, не может быть обеспечена вне глобального и регионального контекста. Еще в конце 2003 г. Збигнев Бжезинский пророчески предрек: «В течение следующих нескольких десятилетий самым нестабильным и опасным регионом планеты, готовым в любой момент взорваться и ввергнуть мир в пучину хаоса, будет часть Евразии между Европой и Дальним Востоком». Ее можно назвать «новыми Глобальными Балканами»³¹.

Действительно, регион Большого Ближнего Востока вступает сейчас в длительный период серьезной нестабильности. Его взрывные центры сегодня Иран, Ирак, Афганистан. Обостряется ситуация в связи с возможностью создания Ираном ядерного оружия. Усугубляет положение непрекращающийся конфликт между Израилем и Палестиной. Стано-

³¹ Бжезинский Зб. *Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. 2004. Т.2. № 2. Март–апрель. С.187.*

вятся все более уязвимыми опорные прозападные режимы, в том числе в Саудовской Аравии, Египте, Турции и даже в Пакистане, уже владеющем ядерным оружием, если там произойдет переворот и к власти придут исламские экстремисты. Это делает Ближний Восток и район Персидского залива все менее надежным поставщиком нефти для США, Западной Европы, Китая и Японии.

Но в первую очередь дестабилизация района Большого Ближнего Востока грозит конфликтами и распространением исламского экстремизма и терроризма, что серьезно угрожает стабильности и безопасности как Европы, так и России. По всему их южному периметру – подбрюшью – проходит цепь слабеющих или даже «падающих» государств, в том числе ряда республик бывшего СССР.

Поэтому здесь проявляются новые перспективы в отношениях Россия–США, которые не отменяют пока стратегию взаимного сдерживания, но позволяют вести дело к реальному стратегическому партнерству. Причем обозначились исходные позиции сторон, хотя и в самых общих чертах:

1. Прежде всего, намечается понимание наличия и опасности общих угроз, хотя акценты здесь порой делаются разные.

2. Готовность к сотрудничеству для устранения этой угрозы и ведения с этой целью переговоров по созданию «общей ПРО».

3. Намерения, излагаемые в разной форме, отложить или заморозить на какое-то время создание элементов ПРО в Польше и Чехии.

Но здесь-то и кроется подвох, который ставит под вопрос истинные цели США и саму возможность переговоров о создании «общей ПРО».

Позиция России изложена прямо и без обиняков: «заморозить» практические шаги по созданию элементов ПРО в Польше и Чехии. Иными словами, прекратить все работы по их созданию и вести переговоры. А вот позиция США сформулирована дипломатически хитро: отложить ввод в строй этих элементов ПРО, то есть продолжать работы по созданию РЛС в Чехии и шахт базирования противоракет в Польше и только повременить с вводом их в строй. Но согласно опубликованным в США планам создания такой ПРО это может быть сделано не раньше 2013 года. Так что же получается? Ушлые переговорщики из Вашингтона просто предлагают превратить эти переговоры в простую ширму для продолжения этих работ? Мол, дело будет сделано, а там видно будет? Короче говоря, с этих позиций дело выглядит так, что США намерены продолжать свою программу строительства ПРО в Европе и не хотят ставить ее в зависимость от переговоров с Россией.

Впрочем, с американской стороны идут контрдоводы, в которых есть свой резон. Развертывание ПРО, даже ограниченной, – это процесс, требующий многих лет. Поэтому, в случае появления у Ирана ракет средней или межконтинентальной дальности, начинать строить ПРО будет просто поздно.

Вот в такой непростой обстановке начинаются эти новые переговоры по ПРО. Однако ничего страшного в этом нет, в переговорной практике существует правило: начинать надо с максимально жестких, выгодных для себя позиций. А компромисс, при желании договориться, всегда можно найти.

И тут можно добавить, что нынешние споры вокруг ПРО во многом напоминают ситуацию, которая сложилась к 1972 году, когда СССР и США смогли заключить Договор по ПРО. Только позиции сторон тогда были диаметрально противоположными. Советский Союз занимал нынешнюю американскую позицию и утверждал, что запрещать ПРО нельзя. А США озвучивали тогда нынешнюю российскую позицию и требовали запрещения ее создания. В общем, ирония судьбы.

Но кончился этот спор компромиссом. Его суть состояла в том, что стороны взяли на себя обязательство не создавать глобальной стратегической ПРО. Это главное. Но в то же время они могли создать у себя ограниченную систему ПРО для прикрытия двух объектов: столицы и одной из ракетных баз. При этом были четко обозначены размеры этих районов и число противоракет для их прикрытия. На этой основе и был заключен Договор по ПРО 26 мая 1972 г.

Каким мог бы быть компромисс сегодня, когда спор идет о создании «общей ПРО» с участием в ней России и США?

Прежде всего, эта «общая ПРО» не должна быть стратегической, а прикрывать Европу от одиночных, случайных или несанкционированных пусков ракет. Их число следует определить, скажем, 5–10. Больше из кипящего Большого Ближнего Востока ожидать нельзя, да и такое число на обозримое будущее нереально. Соответственно нужно определить и число противоракет.

А в отношении проблем, где развертывать ПРО в Европе, компромисс мог бы выглядеть в виде размена: США могут развернуть РЛС в Чехии и пользоваться радаром в Габале и Армавире, но отказываются от создания базы противоракет в Польше.

При этом, если надо, Габалинская РЛС модернизируется так, чтобы она могла обеспечивать не только сопровождение запущенных ракет на начальной траектории, но и вести их дальнейшее сопровождение. А все эти радары должны быть подключены к Центру обмена данными о ра-

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПРО?

кетных пусках, который создавался в соответствии с российско-американским соглашением 1998 года, а потом и к такому же Центру, создаваемому в Брюсселе.

Естественно возникает вопрос, а где тогда будут размещаться ракеты-перехватчики? Наиболее подходящими местами для них могли бы стать Турция, Греция или Италия. Но они вряд ли дадут на это согласие, опасаясь реакции исламских экстремистов-террористов. Поэтому перехват мог бы осуществляться ракетами с американских кораблей, размещенных в Персидском заливе или Средиземном море.

Может быть и другой вариант. США построят радар в Чехии, а Россия разместит 10 противоракет в Белоруссии. Спорить против этого американцам будет нелегко, так как они утверждают, что их 10 противоракет в Польше России угрожать никак не могут. А значит, 10 российских противоракет в Белоруссии не могут угрожать Западу.

И переговоры о такой ПРО должны идти, в первую очередь, с Европой: заинтересована ли она в ней и если да, то в какой именно? А там по отношению к американским планам царит разногласие, и размежевание проходит, в основном, по линии старой и новой Европы и во многом напоминает отношение европейцев к войне в Ираке. Почти у двух третей стран Евросоюза размещение американских систем ПРО в Польше и Чехии вызывает негативную реакцию. Из старой Европы «за» высказались только Англия и Дания. А наиболее твердую и последовательную линию «против» проводит Германия. Позиция Франции была близка к ней, но после недавних президентских выборов ее политика не вполне ясна.

Короче говоря, единства в Европе пока нет. Но постепенно складывается консенсус: без России нельзя решить проблем создания европейской ПРО.

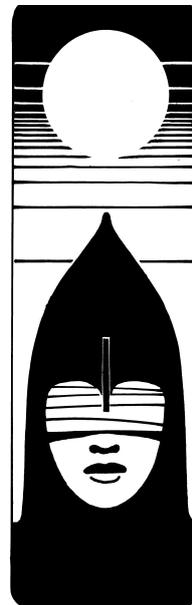
Ясно и другое. Есть реальная перспектива создания общей ограниченной ПРО, которая отвечала бы интересам безопасности Европы, России и США. И рассматриваемый здесь вариант развязки возникшего узла противоречий может оказаться далеко не единственным. Но главное – создание такой ПРО должно перевести отношения России с США и Западом в русло не декларативного, а реального стратегического партнерства. Это будет первый шаг к построению новой системы международных отношений, построенной на взаимной безопасности для всех. Россия, да и весь мир от этого только выиграют.

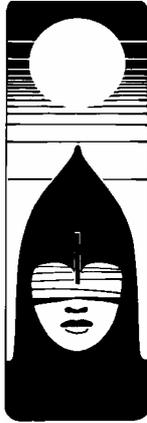
Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя.

Питер Бергер и Томас Лукман

Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность.

Питирим Сорокин

Марк Лапицкий

**ОСНОВЫ ДЕЛОВОЙ
КУЛЬТУРЫ США –
ВОЗВРАЩАЯСЬ
К ИСТОКАМ**

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕМЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

The American civilization is the product of Enlightenment epoch. It radically differs from other civilizations. Historical and geographical circumstances had a tremendous impact on business culture of a young nation. Unlike countries of the Old World country which was to become US was not suffering from remnants of feudalism. Protestantism as the stimulant to social and economic activities and spiritual influence of Britain facilitated formation of market mentality in almost every sphere of American society life. A businessman, an entrepreneur enjoying a relatively high level of success and public recognition became the social type specific to the USA.

Томас Джефферсон написал Декларацию независимости США на переносном складном столике, сделанном по его собственному проекту. «Особой красотой он не отличается, – говорил он о своем столике, – но он симпатичен, вместителен, удобен и занимает место не больше томика ин-кварти. Писать же на нем можно все, что угодно»¹.

Джефферсоновский столик нередко в американской литературе служит прообразом американской вещи, вобравшей в себя квинтэссенцию американской деловитости, – легкий, портативный, надежный, удобный и созданный самим его владельцем. Принцип «сделай сам» требовал изготовления подобных вещей, а самостоятельность требовала изобретательности. Воплотить свой мир в рукотворных символах, придать этому миру нужную форму и размеры значило овладеть им. Недаром Джордж Сантаяна собирательный образ американца обозначил как «удачливый мастерской»². Деловым духом здесь проникнуто буквально все, и в данном смысле (очевидно, и во многих иных) вполне оправдана характеристика французского философа и социолога Ж.Бодрийара: «Америка представляет собой гигантскую голограмму в том смысле, что информация о целом содержится в каждом из ее элементов»³, как в том самом джефферсоновском столике.

Несколько весьма впечатляющих, впрочем, достаточно хорошо известных сведений, связанных с достижениями современных Соединенных Штатов, могут, как нам представляется, послужить еще одной прелюдией к данной теме. Вряд ли кто-нибудь, даже самые яростные антиамериканисты, станут оспаривать тот факт, что Америка самая богатая, самая могущественная и самая креативная держава на нашей планете. Она может гордиться тем, что здесь запатентовано больше открытий, изобретений и ноу-хау, чем во всех странах Евросоюза вместе взятых; в США в три раза больше нобелевских лауреатов, чем в Великобритании – ближайшего конкурента американцев в этой области; в Америке открывается больше частных фирм на душу населения, чем во всех других странах. Известно, что один из каждых двенадцати американцев организует собственное дело, проявляя другую очень характерную для американцев черту – готовность идти на риск. Американский экспорт кинофильмов, телевизионных шоу, предприятий быстрого питания делает

¹ Patton Ph. *Made in USA. The Secret Histories of the Things that Made America*. N.Y., 1994. P.5.

² Сантаяна Дж. *Характер и мировоззрение американцев*. М., 2003. С.135.

³ Бодрийар Ж. *Америка*. М., 2000. С.96.

Соединенные Штаты (к добру или к худу – вопрос другой) доминирующей культурной составляющей на планете.

Если обозначить лучшие (абстрагируясь от худших, которых также немало) показатели сегодняшних США, основываясь на множестве различных источников, включая статистику ООН, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ряда других учреждений, при неизменности базисных критериев, то выявляется следующая картина. Соединенные Штаты – лучшие по валовому продукту национальной экономики, производительности труда, созданию нового бизнеса, затрат на научные исследования и образование, экспорту высоких технологий, количеству владельцев акций, сумм, отчисляемых на благотворительность и т.д.⁴ Америка лидирует по объему торговли, по промышленному производству, по производству продуктов питания. Кроме того, она является крупнейшим потребителем энергии, нефти, пшеницы, масличных зерен, резины, меди, свинца, цинка, алюминия, олова, кофе, какао и др. В США самые длинные в мире сети автомобильных и железных дорог; больше, чем в любой другой стране, владельцев автомобилей, телефонов, холодильников, телевизоров, видеомэгафонов, посудомоечных машин и микроволновых печей⁵. Все это и многое другое – в значительной мере результат высокого уровня деловой культуры США.

Категоризация культуры в самом общем виде

Деловая культура неотделима от культуры в целом, находится под ее влиянием и сама оказывает влияние на нее. Люди вырастают и воспитываются в обществе, руководствуясь

его здравым смыслом (как показывают исследования, понятие «здравый смысл» может оказаться далеко не однозначным в разных странах), и культурно запрограммированный мозг индивида обычно не принимает то, что противоречит принятому в данном обществе. Культура, в том числе и деловая (при всем том, что в мире происходит несомненное сближение деловых культур), облегчает жизнь, предоставляя готовые решения проблем, устанавливая модели взаимоотношений и пути сохранения единства нации, группы, организации и т.д.

Деловая культура дает отдельному человеку руководящие принципы экономического поведения, а коллективу – определенную структуру

⁴ См.: Халсте Т. *Американский парадокс* // *Русский журнал*. М., 2003. С.128–129.

⁵ Lewis R. *When Cultures Collide. Managing Successfully Across Cultures*. L., 1999. P.165.

ценностей, обеспечивающих единство и взаимосвязанность функционирования институтов и организаций. Понять ее можно лишь в широком контексте общенациональной культуры. Деловая культура тесным образом связана с социокультурными, национально-историческими, политическими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами, мифами и т.д. Все эти компоненты, обусловленные долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством.

Хотя деловая культура теснейшим образом связана с другими аспектами культурной системы, тем не менее можно выделить некоторые ценности, установки и убеждения, относящиеся к специфически деловой сфере жизни того или иного общества. А потому одним из важнейших аспектов ее изучения является вычленение ее из общенациональной культурной системы общества.

Деловую культуру можно характеризовать как ценностную систему, которая разделяется большинством общества. Выявление национальных особенностей сходно хождению по минному полю неточных предположений и неожиданных исключений. Исследование национальных черт таких «многослойных», «многоцветных» иммигрантских народов, какие составляют население Соединенных Штатов, – яркое тому подтверждение. Касаясь столь «скользкой» темы, автор сознательно должен идти на некоторые обобщения, которые неминуемо влекут за собой опасность однобокого, стереотипного подхода к такому сложному, неоднозначному явлению, каким являются национальные особенности народа.

Вместе с тем деловая культура как выражение специфического мировоззрения не есть сугубо национальное явление. В некоторых странах региональные особенности настолько ярко выражены, что отодвигают национальные черты на второй план. Так, в США, стране множества субкультур, расовые и языковые различия привели к образованию трех основных категорий населения: англоговорящих белых, черных и латиноамериканцев. Каждой из этих категорий подчас легче общаться с представителями деловых культур других стран, чем со своими собственными. Иной раз города отличаются столь сильной культурной индивидуальностью, что она выходит за рамки региональных особенностей. Исходный элемент культуры – индивид с присущей ему личной культурой, а в такой стране, как США, к личным взглядам относятся с большим уважением, чем во многих других государствах. Обобщения здесь неизбежно несут на себе печать случайности, субъективизма, однобокого, стереотипного подхода в той мере, в какой речь идет о типичном представителе народа. Любое утверждение по

поводу национальных черт американцев неизменно требует пояснения, начинающегося со слов «но», «однако», «вместе с тем», «в то же время», «тем не менее» и т.д.

Однако (никак не обойтись без этого «однако») обобщения, какими бы вынужденными они ни были, дают возможность «ухватить» нечто существенное, выявить некую «национальную норму», помогающую понять особенности (в данном случае) американской деловой культуры. В глубинах человеческой природы гораздо больше общего, нежели различного, и непредубежденное, искреннее отношение к партнеру, принадлежащему к другой культуре, помогает преодолеть многие ранее усвоенные стереотипы. Это общее, имеющее отношение к самим основам человеческой психики, во многом связано с важнейшей для нашей темы областью этики – деловой этикой.

В последнее время появилось множество исследований, в которых предлагаются свои подходы к критерию сопоставления культур, имеющих самое непосредственное отношение к выявлению деловых культур. Сегодня исследователи сходятся во мнении, что культуры подразделяются на «индивидуальные» и «коллективистские». Иными словами, большинство специалистов признают, что буквально все существующие культуры можно расположить на некоторой шкале между этими двумя полюсами.

Так, например, располагает страны голландский социолог Г.Хофстеде⁶. «Индивидуализм–коллективизм» – один из четырех параметров, которыми, с его точки зрения, можно определить особенности национальных культур. Другим параметром ему служит критерий *дистанции власти* – отношение общества к тем, кто наделен властными полномочиями. В культурах с низкой дистанцией власти (США относятся к такой категории) подчиненные не готовы к неравномерному распределению полномочий; они считают, что неравенство в обществе должно быть сведено к минимуму, иерархия же – это некое условное закрепление неравенства. Руководители в таких обществах стараются выглядеть демократичными, во всяком случае, быть доступными для подчиненных.

Еще одним критерием в классификации культур Хофстеде служит *степень боязни неопределенности*. Важность этой категории определяется непредсказуемостью будущего и в связи с этим большей или

⁶ Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences Work-Related Values*. L., 1980. См. также: Лебедева Н. *Введение в этническую и кросс-культурную психологию*. М., 1999.

меньшей степенью страха того или иного общества перед непредвиденным. При низком уровне боязни неопределенности люди (американцы относятся к такой категории) испытывают недовольство чрезмерной регламентацией и организованностью, избытком правил, инструкций и проч. Они более раскованны, менее напряжены, чаще готовы идти на риск.

Наконец, Хофстеде подразделяет культуры на мужские и женские. Биологические различия между мужчинами и женщинами одинаковы во всем мире, но их социальные роли в обществе лишь в небольшой степени объясняются биологическими признаками. Понятия *маскулинность* и *феминность*, по мнению Хофстеде, определяют социальные и культурные роли. В качестве критерия разделения мужских и женских культур исследователь предлагает вполне традиционное разделение общества, то есть мужчинам приписывается твердость, жесткость, ориентация на конкуренцию, соперничество, стремление быть лидером и т.д. Ориентация женщины – дом, семья, социальные ценности, ее основные характеристики – мягкость, эмоциональность, чувственность, чувствительность и т.д. Естественно, Хофстеде отдает себе отчет в том, что черты, которыми он наделяет мужчину и женщину, весьма относительно и далеко не всегда соответствуют реальной действительности. Хорошо известно, что нередко поведение мужчин и женщин не соответствует традиционным о них представлениям, однако концепция Хофстеде абстрагируется от подобной «аномалии».

Таким образом, мужские культуры характеризует сила, независимость, тщеславие, ярко выраженное стремление к материальному успеху, а женские культуры – эмоциональные связи между людьми, забота о членах общества, стремление к пониманию. Соответственно в маскулинных культурах у подрастающего поколения поощряется честолюбие, дух соревнования. Здесь особенно ценится результат работы, вознаграждение прежде всего зависит от реального вклада в работу. В феминных культурах большое значение придается воспитанию чувства солидарности и скромности. Оценка труда здесь нередко происходит по принципу равенства. По классификации Хофстеде Соединенные Штаты с полным правом можно отнести к категории «мужская культура».

Важнейшим показателем темпа жизни и ритма деятельности, принятых в той или иной культуре, является *время*. Поэтому для многих исследователей именно время, его восприятие и отношение к нему, служит одним из наиболее распространенных критериев сопоставления культур. Так, к примеру, американский антрополог Э.Холл подразделяет культуры на *монохронные* и *полихронные*. В монохронных культурах

(сюда он относит и Соединенные Штаты) в каждый определенный отрезок времени люди заняты одним делом, планируют свою жизнь, строго соблюдают план жизни, привязаны к расписаниям, следуют договоренностям и т.д. Они пунктуальны, скрупулезны, берегут время исключительно для выполнения поставленной перед ними задачи, не отвлекаясь ни на что другое, представляющееся им второстепенным. В монохронных культурах время можно экономить, терять, наверстывать, ускорять или замедлять. В таких культурах, отмечают авторы монографии «Основы межкультурной коммуникации», «время понимается как линейная система, наподобие длинной прямой улицы, по которой люди движутся вперед или остаются в прошлом»⁷.

В отличие от монохронных, полихронные культуры соответственно отдают приоритет межличностным, человеческим отношениям перед графиками и планами, расписаниями и договоренностями. Люди полихронных культур пытаются делать несколько дел одновременно⁸.

Отношение различных культур ко времени ставит во главу угла своей знаменитой классификации английский исследователь Ричард Льюис, возглавляющий центр по изучению кросс-культурного взаимодействия «Richard Lewis Communications», имеющий филиалы в 30 странах. Достаточно сказать, что среди клиентов центра Льюиса – такие компании, как «ИБМ», «БМВ», «Дойче бэнк», «Жиллетт» и многие другие. Поставив в качестве критерия классификации культур время, Льюис подразделяет культуры на три типа: *моноактивные, полиактивные и реактивные*⁹. Для *моноактивных* культур, подобно монохронным (по упоминавшейся классификации Холла), характерна высокая организация труда, методичность, последовательность действий и т.д. Типичными представителями такой культуры являются американцы, немцы, англичане, скандинавы. Те народы, которые представляют, по классификации Льюиса, *полиактивные* культуры (южные европейцы, латиноамериканцы, арабы), не очень склонны заботиться о расписании и установленном порядке. Сюда он относит и Россию. Для этого типа культуры межличностные отношения – наилучшая форма инвестирования времени. Наконец, для *реактивной* культуры, ее называют еще *слушающей* (Япония, Китай, Тайвань, Сингапур и некоторые другие азиат-

⁷ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. *Основы межкультурной коммуникации*. М., 2003. С.237.

⁸ См.: Hall E. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans*. N.Y., 1990.

⁹ Lewis R. *Op. cit.* P.36–40.

ские страны), характерна организация деятельности в зависимости от меняющихся обстоятельств и как реакция ответ на эти изменения.

В данном контексте для нас особое значение приобретают характерные черты моноактивной культуры; здесь по шкале линейной активности американцы (Льюис имеет в виду прежде всего WASP – белых англосаксов-протестантов) занимают третье место, пропустив вперед немцев и швейцарцев, которых, как показывают исследования Льюиса, отличает наибольшая последовательность, концентрация действий на каждом отдельном участке труда и достижение наивысших его результатов. Каковы же характерные черты таких народов? Они интроверты, любят уединение, систематически планируют свое будущее, ориентированы на работу, всецело поглощены своими делами, но в данное время делают лишь одно-единственное из них; они терпеливы, ровны, бесстрастны, стараются работать в фиксированное время, пунктуальны, подчиняются графикам и расписаниям, проекты разбивают на этапы, любят четко установленную повестку дня, строго придерживаются плана, фактов, четко следуют установленной процедуре, черпают информацию из статистики, справочников, разнообразных баз данных, уважают официальность, в споре опираются на логику, редко перебивают, делают записи на память, стараются коротко говорить по телефону, неохотно принимают покровительство, у них сдержанная жестикация и мимика и т.д.

Многие исследователи считают, что американское время наиболее дорогое. В Америке время – деньги в самом прямом смысле слова. Распространенное представление об американцах таково, что они люди действия, что безделье для них невыносимо, потому что они оценивают время в деньгах. Прошлого для них уже нет, но настоящее пока еще можно ухватить, разделить на отдельные части и заставить работать на вас в ближайшее будущее. Понятие времени, измеряемого в деньгах, – лишь одна сторона дела. Оно дополняется идеей потерянного времени. Американец вполне может сказать, а если не сказать, то подумать, что потеря времени в два часа обошлась ему, положим, в 200 долларов. Другими словами, американцы сделали учет времени культом, озабочены деловой его насыщенностью; в отличие от них для представителей полиактивных культур важность тесных межличностных отношений делает безразличным время встреч. Сама встреча – вот что приобретает важнейшее значение. Чем больше дел они выполняют или устраивают в одно и то же время, тем более наполненной представляется им жизнь.

Своеобразную типологию деловых культур предлагает известный американский социолог Фрэнсис Фукуяма. По его мнению, ключевой

характеристикой человеческого общества, проявляющейся как на индивидуальном, так и на социальном уровне, является *доверие*. Именно доверие определяет прогресс того или иного общества. Как полагает Фукуяма, успех самореализации зависит не столько от рыночных принципов и не от приверженности традициям, сколько от уровня доверия, существующего в данном обществе. Фукуяма классифицирует страны по уровню доверия. Так, в группу с высоким уровнем доверия он относит США, Японию, Германию, а к группе с низким уровнем доверия причисляет как традиционалистские страны, вроде Китая и Мексики, так и европейские – Францию и Италию; сюда же он относит страны Восточной Европы и страны бывшего Советского Союза¹⁰.

Национальный характер и базовые ценности

Деловая культура неразрывно связана с национальным характером того или иного народа, его базовыми ценностями. История анализа особенностей национального характера

ведет свое начало из глубокой древности, его можно обнаружить еще в трудах Теофраста и Тацита. Эмпирические характеристики того или иного народа содержатся в работах Канта и Гегеля. Этот подход, обозначаемый термином «национальный характер», состоит в том, что исследователь выделяет одну или несколько черт, выражающих специфику «духа» данного народа. Такой анализ может быть более или менее достоверным.

Характерные черты каждого народа, или шире – цивилизации в период наивысшего ее расцвета, – проявляются в личностных особенностях определенного социального типа, который члены данного общества берут за образец. Скажем, в китайской цивилизации таким социальным типом был мандарин-ученый; в индийской – аскет; в афинской цивилизации – гражданин – представитель праздного класса, проявлявший склонность к искусствам и философии; в Римской империи – солдат-администратор; в европейские средние века – духовное лицо, мечтавшее стать святым; во Франции периода расцвета абсолютизма – придворный; в Великобритании на вершине ее могущества – торговец и строитель империи; в истории Германии и Японии – отборный солдат из юнкеров и самураев и т.д.

В американской цивилизации таким социальным типом стал бизнесмен. Если представители других цивилизаций стремились к мудрости,

¹⁰ Фукуяма Ф. *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. М., 2004.

святости, аскетизму, военной славе, то бизнесмен с такими же страстью и рвением добивается своих целей, связанных с Делом, которому посвящает свою жизнь.

Алексис де Токвиль одним из первых положил начало изучению ценностей американской культуры (не вдаваясь в детали понятий, мы ставим в данном случае знак равенства между понятиями «культура» и «цивилизация») и своеобразия национального характера населения этой страны в своей знаменитой книге «Демократия в Америке» (1830)¹¹. Немалый вклад в изучение базовых ценностей американцев внес антрополог Дж.Горер¹². По его мнению, американское общество базируется на отрицании европейского наследия, традиций, прежде всего английских (мы еще вернемся к сравнительной характеристике англичан и американцев), поскольку американцы боролись за независимость от метрополии. Базовыми ценностями американцев он считает стремление к свободе и независимости, которое усматривает также в отсутствии в семейной жизни американцев такой модели поведения, которая бы требовала от сына продолжения дела отца. Более глубоким исследованием психологии американца стала работа Д.Рисмана, Н.Глезера и Р.Денни «Одинокая толпа. Изучение изменяющегося американского характера»¹³. Основное содержание этой книги – своеобразная апология «автономности личности», некий гимн индивидуализму – одной из важнейших ценностей американцев.

Индивидуалистическая модель жизненной ориентации, ставшая для американцев традиционной, пропагандирует идею активной личности в процессе «делания» самой себя. Она стимулирует практические усилия человека на активное формирование тех качеств, которые ассоциируются с успехом, превратившись в своего рода императив, оказавший огромное практическое влияние на жизненную ориентацию и повседневное поведение американцев.

При всей условности такой модели (конкретная реальность многомерна, сложна и часто противоречива) тип личности, подобный очерченному выше, достаточно четко фиксируется эмпирическими и теоретическими исследованиями, художественной литературой и т.д. Описывая жизненную позицию такого человека, автор широко известной в свое время в Соединенных Штатах книги «Американское общество» Р.Уильямс отмечал, что подобный индивид убежден в своем

¹¹ Де Токвиль А. *Демократия в Америке*. М., 1992.

¹² Gorier G. *Exploring English Character*. N.Y., 1955.

¹³ Riesman D., Glazer N., Denney. *The Lonely Crowd*. New Haven, 1950.

праве «свободно конкурировать с другими и использовать все то, чем он владеет, и так, как он считает нужным», при этом выступая против сил и институтов, угрожающих осуществлению его личных прав¹⁴. Уильямс дает название такому типу личности: «упрямый индивидуалист»¹⁵.

Для характеристики личности, воплотившей индивидуалистическую ориентацию в наиболее последовательной форме, в американской социологической и социально-психологической литературе можно встретить и другие термины. Так, известный социолог и специалист в области менеджмента Майкл Маккоби применительно к такой личности использует термин «воин в джунглях». Под таким «воином» он понимает человека, «воспринимающего жизнь и работу как джунгли, где либо ты ешь, либо тебя едят, где сильные пожирают слабых». Маккоби выделяет, правда, еще один тип индивидуалиста, который он называет «ремесленником». Если для «воина в джунглях» главным объектом являются другие люди, а основной целью – достижение власти над ними, то для «ремесленника» значительную ценность представляет упорство в борьбе с силами природы и качество самого труда¹⁶. И все же оба типа таких людей Маккоби объединяет единым термином «люди игры» (собственно, так и называется книга, в которой речь идет о подобных характерных для Америки человеческих типах), ибо игра, с его точки зрения, лежит в основе практики конкурентной борьбы.

Впоследствии Маккоби несколько расширил и усовершенствовал свою типологию американцев, занятых в области предпринимательства, выделив среди них четыре наиболее характерных типа: «мастер», «хищник», «человек компании» и «игрок». К такому выводу он пришел на основании интервью 250 менеджеров различных уровней таких компаний, как ИБМ, Хьюлетт Паккард и некоторых других. Используя анкету, в которой задавались вопросы об их отношении к работе, семейной жизни, личных стремлениях и социально-политических проблемах, Маккоби пришел к выводу, что большую группу американских бизнесменов крупных компаний составляют «мастера». Они как бы являются частью мира мастеровых и весьма ценят производство высококачественных продуктов. Они, как правило, не любят выполнять узко определенные обязанности и стремятся работать над крупными проблемами, над «настоящим» делом.

¹⁴ Williams R. (Jr.) *American Society*. N.Y., 1970. P.482–483.

¹⁵ *Ibid.* P.482.

¹⁶ Maccoby M. *The Games-Man*. N.Y., 1976. P.52–53, 87.

«Хищник» же является выразителем предпринимательской этики XIX века. Он тот же «человек джунглей», его цель – господствовать, получать власть над людьми. Маккоби различает два типа таких «хищников»: «лисицы» и «львы». «Львы» – создатели империй, требующие беспрекословного подчинения, лояльности к себе, впрочем, они и сами стараются быть лояльными к окружающим. В отличие от «львов», «лисы» – интриганы и притворщики, они завоевывают «место под солнцем» хитростью и изворотливостью, пользуются недозволенными приемами, «подставляя» других людей, нанося удары в спину, выкрадывая чужие идеи и т.д.

К иному типу предпринимателей относятся те, кого называют «человеком компании» или «человеком организации». Более всего они ценят хорошие взаимоотношения, корпоративное сообщество и гармонию в коллективе. Лучшие из них становятся посредниками, интегрирующими труд мастеров. Худшие – переходят в разряд бюрократов, одержимых неистребимым поиском надежности во всем.

«Очень американским» типом предпринимателя Маккоби считает «игрока», его корни уходят в далекое прошлое Соединенных Штатов. «Игровой азарт» здешнего предпринимательства отмечал еще в 30-х годах XIX века де Токвиль, глубоко изучавший различные стороны американской жизни. «Дух игры», писал он в книге «Демократия в Америке», рождает в народе изобретательность, гибкость, любовь к новшествам¹⁷.

Реальное массовое сознание в США (отчасти об этом свидетельствует и классификация типов американских бизнесменов) всегда давало и дает весьма широкий спектр типологических вариантов личностных ориентаций, возникших на базе индивидуалистической традиции¹⁸.

«Свобода индивида» находится в списке «американских черт», который составил американский психолог Ли Колман в 1941 году. Среди них он выделяет также практичность, пуританство, единообразие и конформизм, демократизм, веру в равенство всех людей и некоторые другие¹⁹.

Дж.Кубер и Р.Харпер в книге «Проблемы американского общества» приводят свой список ценностей, в которых присутствуют от-

¹⁷ См.: *Бизнес. Международный журнал менеджеров*. 1994. № 7–8. С.35.

¹⁸ См. подробно: *Замошкин Ю.А. Личность в современной Америке. Опыт анализа ценностных и политических ориентаций*. М., 1980. С.12–32.

¹⁹ *Coleman L. What is American? A Study of Alleged American Traits // Social Forces*. 1941. Vol. XIX. № 4. P.498.

дельные характеристики, отмеченные Колманом. Вместе с тем авторы обращают внимание на противоречия в американском характере, на кажущуюся несовместимость друг с другом некоторых указанных ими ценностей²⁰. Об этом же пишет и Робин Уильямс в работе «Американское общество: социологическая интерпретация»²¹. Каталог американских ценностей в его интерпретации выглядит так: стремление к достижению, успеху, эффективности и целесообразности, прогрессу, житейской и научной рациональности, материальному комфорту; нацеленность на работу, всевозможную активность; демократизм, патриотизм и т.д.

Осознавая, очевидно, что указанные ценности неравнозначны и их следует как-то связать друг с другом, Уильямс предлагает некую классификацию ценностных ориентаций американцев, акцентируя одни и затушевывая другие. Эта классификация выглядит так:

а) *Ценности, связанные с удовлетворением материального достатка*: например, комфорт.

б) *Инструментальные (основные) ценности*: власть, богатство, работа.

б) *Формальные универсальные ценности*, во многом совпадающие с ценностями западной цивилизации: рационализм, универсальная этика, равенство, свобода.

в) *Частные, фрагментарные или локальные ценности*: в США они представлены «в доктринах расово-этнического превосходства и в некоторых аспектах национализма»²².

На противоречивость такой классификации указывает современный американский психолог и культуролог Ф.Хсю. С ним трудно не согласиться. «Дело не в том, – пишет он, – что указанные Уильямсом ценности расходятся с реальными (такие различия, вероятно, можно найти в любом обществе). Дело в неразрешенности и необъяснимости различий между одними ценностями и другими»²³. Самым ярким из указанных противоречий, по мнению Хсю, является противоречие между «равенством», «свободой» и доктринами «расово-этнического превосходства и некоторыми аспектами национализма».

²⁰ Cuber J., Harper R. *Problems of American Society: Values in Conflict*. N.Y., 1948. P.362–369.

²¹ Williams R. *American Society: A Sociological Interpretation*. N.Y., 1951.

²² *Ibid.* P.441.

²³ Хсю Ф. *Базовые американские ценности и национальный характер // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология*. М., 2001. С.206–207.

Многие американские исследователи сходятся во мнении, что одной из базовых ценностей американцев является *уверенность в себе*. В американском обществе, возможно, более, чем в иных, люди подвержены подлинному страху зависимости. Не уверенный в себе человек часто именуется здесь неудачником. «Зависимый характер» – настолько унижительная характеристика, что обладающий этим качеством, по общему мнению, нуждается в помощи психиатра.

**Исторические
обстоятельства**

На особенности деловой культуры США существенное влияние оказали географические и исторические обстоятельства, обернувшиеся для страны многими преимуществами.

Если иметь в виду обстоятельства географические, то одно из них – «континентальное» – указывает на исключительную щедрость природных ресурсов, а другое – «океаническое» – на обилие водных просторов, всегда защищавших Америку от войн, династических раздоров и прочих катаклизмов, происходивших по другую сторону океана.

Нередко утверждается, что в отличие от европейских и азиатских народов, где буквально каждый камень дышит историей, американцы – народ без прошлого. В известной степени это так. Еще Гете подмечал и восторгался тем, что Америка свободна от бремени прошлого, которое в Старом Свете связано с комплексами юнкерства, аристократизма и всего того, что Освальд Шпенглер называл потом «кровью и почвой». В том же духе высказывался и Гегель, писавший в «Философии истории», что «Америка – страна будущего, где в грядущие эпохи еще проявит себя груз всемирной истории»²⁴.

В значительно более поздние времена мексиканский писатель-философ Октавио Пас в Нобелевской речи утверждал, что Соединенные Штаты создавались с намерением ускользнуть от истории. США, писал он, «современными родились» и в первой четверти XIX века уже содержали в себе прообраз будущего²⁵. И, возможно, по этой самой причине именно из США Фрэнсису Фукуяме удалось рассмотреть зримые черты «конца истории», о котором он оповестил мир в конце 80-х годов

²⁴ См.: Lerner M. *America as a Civilization. Life and Thought in the United States Today*. N.Y., 1987. С.13–14.

²⁵ Пас О. *В поисках настоящего времени. Нобелевская лекция // Освящение мига*. СПб., 2000. С.27.

XX века. Неудивительно, что и размышления Бодрийара об Америке наших дней пронизывает та же мысль: конец истории²⁶.

Действительно, американское чувство истории – это не раболепие перед славными предками и не ностальгия по древним развалинам. Соединенные Штаты родились в ту эпоху, когда в Европе стали ощущаться первые признаки распада, и уже фактом своего появления они содействовали этому распаду.

«Американская традиция» – явление сложное, ибо ее неотъемлемой частью стало смешение самых разнородных традиций и влияний, хотя и вполне правомерно выделение одной из них, наиболее значимой, британской. И хотя в статистическом плане (если сравнить поток эмигрантов из Британии с общим потоком иммигрантов в Соединенные Штаты) британское влияние не было решающим, но в плане духовном это влияние трудно переоценить. Важнейшей здесь оказалась решающая роль англичан в эпоху, когда только закладывались основы американских государственных институтов и национального мировосприятия.

Нельзя не согласиться с гипотезой некоторых исследователей Соединенных Штатов, полагающих, что, если бы в эпоху Великих географических открытий Испания, Португалия и Франция крепче держались за свои колонии в Новом Свете и смогли бы воспрепятствовать распространению британской колонизации Америки, вместо Соединенных Штатов мир получил бы некое подобие Латинской Америки или Французской Канады, ибо после себя они оставляли народ, «лишенный гражданских свобод» и «обремененный церковной опекой». «Будущая судьба Америки, – пишет американский историк Макс Лернер, – решалась вместе с ответом на вопрос: станут ли Соединенные Штаты феодальным, католическим авторитарным государством со строгой социальной иерархией или же на этом месте родится индустриальная протестантская капиталистическая держава, выше всего ценящая свободу личности?» И далее: «В этом великом историческом споре Британия одержала триумфальную победу, и ее влияние на дальнейшую судьбу Америки не поддается никаким статистическим оценкам»²⁷.

Указанное выше обстоятельство в высшей степени повлияло на характер деловой культуры американцев. Такой немаловажный фактор истории США, как отсутствие феодализма и, стало быть, пережитков и предрассудков, с ним связанных: крепостничество, раболепство и т.д.,

²⁶ Бодрийар Ж. Указ. соч. С.80, 111–112 и др.

²⁷ Lerner M. Op. cit. P.27.

– убрало с пути развития бизнеса в США многие препятствия, помешавшие нормальному развитию предпринимательства в большинстве европейских стран. Во многом по той же причине в Америке всегда отсутствовали аристократические традиции (можно даже сказать, сформировалось отвращение к ним), а потому утонченность и интеллектуализм, как качества лидера, в США ценятся гораздо меньше, чем в Европе. Статус здесь всегда определялся на основании личных достижений, а мерилom прогресса считались всемогущие деньги. Отсюда, видимо, особое отношение, даже, лучше сказать, уважение, к их количеству, причем любовь эта является не только уделом людей бизнеса. Почитание денег американцами можно, впрочем, вслед за философом Джорджем Сантаяной рассматривать не только как поразительное выражение практицизма, но и как «зримое воплощение и меру успеха, разума и власти»²⁸.

Подлинная страсть американцев к движению – во времени, в пространстве, даже по отношению к собственной личности – имеет глубокие корни. Немаловажную роль в становлении идеи американской нации, и в частности деловой культуры народа, сыграла так называемая концепция «границы» как одного из важнейших факторов в общественно-историческом развитии США. Пожалуй, наибольший вклад в разработку этой концепции внес американский историк конца XIX – начала XX века Дж.Ф.Тернер, который в своем очерке «Роль границы в американской истории» писал, что каждый шаг «границы» на запад все больше отделял Америку от Европы и в этом процессе формировался американский характер с такими его специфическими чертами, как «твердый индивидуализм», «практичность», «материалистический взгляд на жизнь» и т.д. Подвижность «границы» носила не только географический, но и социальный характер, ибо здесь аморфны и неопределенны были преграды, отделявшие классы, социальные слои и группировки. И поныне в американском сознании значительное место занимают символы и стереотипы, сложившиеся в течение XVII–XIX веков, в период продвижения многих поколений на Запад.

Темп американской жизни с давних времен отличался от темпа жизни в других странах. В XVIII–XIX веках огромные пространства незаселенных земель на Западе настойчиво манили к себе людей, не нашедших своего места под солнцем либо хотевших улучшить свое положение. Десятилетиями действовал принцип «Кто смел, тот и съел»: за столби раньше других участков земли, расчисти его, вспаши, засади и

²⁸ Сантаяна Дж. Указ. соч. С.142.

защитой. То были времена захвата земель и золотой лихорадки. Время было на вес золота, иммигранты валом валили на Запад, где не было аристократии, королевских указов, феодальных пережитков, где будущее определялось собственной силой, здоровьем, умением, что называется, работать локтями, сноровкой, умом. Пустующие земли были предпринимательской мечтой. Бескрайние просторы дикой природы означали неограниченное богатство, которое можно было приобрести, насильственно не отбирая его у других, если действовать достаточно быстро и решительно. Подобные возможности предоставляла в Новое время, пожалуй, только Сибирь.

Характер такого соревнования порождал многие из американских ценностей, остающихся таковыми вплоть до наших дней: динамичность, умение действовать самостоятельно на свой страх и риск, упорство в достижении своих целей, инициативность, готовность к переменам, разрыву связей со своим прошлым и т.д.

«...Нигде, пожалуй, так мало не говорят. Энергия в Америке самым очевидным образом получает свое наиболее действенное выражение. Потому может показаться, что американцы наделены даже большими запасами энергии, чем на самом деле... Американская энергия всегда выражает себя непосредственно. Она выплескивается под звуки барабанов и саксофонов, под трезвон телефонных аппаратов и трамваев. Она облекается в формы мчащихся автомобилей, огромных ревущих толп, речей, банкетов, "кампаний", лозунгов, фейерверков. Она вся – движение и шум, с каким вода выливается из ванны – до полного опустошения»²⁹, – такой видел Америку в 1926 году английский писатель О.Хаксли, такой во многом она остается и в наши дни.

Религиозный фактор

На характер деловой культуры важное (иной раз и важнейшее) влияние оказывает религия. Не будет большим преувеличением сказать, что в основе специфической деловой культуры США лежит протестантский вариант христианства, также позаимствованный главным образом из Британии. Наряду с крупными протестантскими церквями – баптистской, лютеранской, методистской, пресвитерианской, мормонской – здесь появилось множество мелких протестантских церквей и сект.

²⁹ Хаксли О. *Смеющийся Пилат // Свобода угнетать... Писатели Англии о США. М., 1986. С.209–210.*

Известно, что христианство покончило с установками классической античности (в древних Греции и Риме с аристократическим презрением относились к производительному труду³⁰), провозгласив принцип, выраженный словами апостола Павла: «Не трудящийся да не ест». Отныне праздность стала считаться тягчайшим грехом, за который человек должен расплачиваться в загробном мире.

Реформация стала одним из основных факторов, обусловивших развитие американской культуры в целом и деловой культуры в частности. Американские колонии были во многом порождением североевропейского протестантизма, который внес глубокие изменения в систему ценностей их жителей. Некоторые исследователи считают, что «эти изменения и породили Америку»³¹. Ее поселенцы вырабатывали свои традиции, свой стиль, свою риторику. Простота до аскетизма, безыскусственность, рационализм во многом определяли «новое мышление» американцев. Для них вера становилась их внутренним опытом, жизнь – осознанным долгом, а добродетелями – трудолюбие, деловитость, бережливость, аккуратность.

Несомненно, что протестантизм оказывал существенное влияние всей совокупностью своей идеологии. Сыграла свою роль протестантская идея профессионального призвания, следствием которого богатство морально оправдывалось. Поэтому-то Макс Вебер и полагал, что эта идея была направлена на прославление пути капиталистического предпринимательства³². Протестантские догмы осуждали желание быть бедным, приравнивая его желанию быть больным. Протестантизм способствовал распространению духа предпринимательства, рационализма, прагматизма. Рассуждая о распространении в Соединенных Штатах этой ветви христианства, Жан Бодрийар в книге «Америка» пишет: «Контрреформистские методы католической церкви, с ее сакраментальными наивными практиками, ее культом, более архаичной и народной

³⁰ «Образ Сизифа, беспрерывно вкатывающего на вершину горы камень только для того, чтобы он тут же скатился вниз, мог возникнуть лишь в обществе, мыслившем труд как наказание, – писал отечественный историк А.Я.Гуревич. – Безделье, свобода от необходимости трудиться были идеалом не одних имущих, но и бедняков: девизом люмпенов было "хлеба и зрелищ", и жизнь за чужой счет представлялась наилучшим выходом в их жалком состоянии» (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1978. С.193–194).

³¹ Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т.1. М., 1977. С.45.

³² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1980. С.61–106.

верой, никогда не могли соперничать с этой современностью»³³. Неудивительно, что протестантских иммигрантов называли «пионерами квалифицированного труда».

Не согласимся с Максом Вебером, что единственным критерием «нравственной квалификации труда»³⁴ служит церковь, но признаем, что одним из важнейших таких критериев она может являться. Это и имел в виду Джордж Сантаяна, когда писал: «Быть американцем – это уже само по себе есть некий моральный статус, некое воспитание, некое жизненное достижение»³⁵.

Каким образом протестантская этика проявляется в повседневном быту? Ответ на этот вопрос в начале XX века дал Макс Вебер, используя для примера несколько правдивых рассказов, услышанных им в Соединенных Штатах, которые он приводит в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма».

Однажды автор путешествовал по Соединенным Штатам в одном купе с коммивояжером и разговорился с ним. Слово за слово, речь зашла о роли церкви в Америке. «По мне, сударь, – рассуждал коммивояжер, – каждый может верить или не верить в бога, как ему заблагорассудится, однако если я имею дело с фермером, который, например, вообще не принадлежит ни к какой церкви, то я не доверю ему и 50 центов. Что побудит его заплатить мне, если он ни во что не верит?»

Не правда ли, эти слова чуть-чуть приоткрывают суть вопроса, однако другая история, поведанная Вебером, еще больше делает понятным, каково отношение в Америке к религии и в связи с этим к нашей теме. На сей раз это рассказ немецкого иммигранта врача-ларинголога. Поселился он в одном из городов штата Огайо. Когда он осматривал своего первого пациента, тот вдруг вскочил с дивана и с достоинством заявил: «Сударь, я принадлежу к такой-то баптистской церкви, находящейся по такому-то адресу». Врач был немало удивлен, какое отношение имеет этот факт к заболеванию носоглотки и ее лечению. Этот вопрос он задал своему американскому коллеге, который без тени удивления ответил: «Эти слова означают: о гонораре не беспокойтесь».

Значение этих слов становится яснее из третьего эпизода. В одно прекрасное утро в начале октября Вебер с несколькими своими родственниками, фермерами одного из городков Северной Каролины (автор

³³ Бодрийар Ж. Указ. соч. С.110.

³⁴ Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. С.277.

³⁵ Сантаяна Дж. Указ. соч. С.129.

называет его М.), присутствовал в послеобеденные часы при обряде крещения. Обряд совершался в пруду. Время было холодное, по ночам подмораживало. На склонах живописных холмов расположились фермерские семьи, наблюдавшие за стоявшими в воде проповедником в черном одеянии и несколькими празднично одетыми людьми. Один из родственников Вебера обратил его внимание на одного хорошо одетого молодого человека, стоявшего по пояс в воде. «Видишь этого юношу? – спросил родственник. – Он хочет основать банк в М.». – «Разве в этой местности так много баптистов, что они составят достаточную клиентуру для его банка?» – «Нет, конечно, но, крестившись, он заполучит клиентуру всей округи, у него будет большое преимущество перед конкурентами».

Все эти эпизоды отражают то значение, которое придается в повседневной жизни американцев этическим добродетелям, провозглашенным протестантской церковью. Религия в США подобна образу жизни³⁶. Она выступает здесь неким гарантом порядочности и надежности. Как верные последователи иудо-христианской традиции, протестанты считали человеческую природу низменной, отдавая предпочтение горнему миру, однако при всем при этом ухитрялись ревностно присматривать за теми делами, которые вершили на грешной земле. Именно это течение христианства может ответить (хотя бы отчасти) на вопрос, почему душа американцев легко приемлет, казалось бы, противоположные черты: честность и корыстолюбие, романтизм и прагматизм и т.д.

Конечно, с начала XX века этика протестантизма в Соединенных Штатах во многом утратила свой былой абсолютный авторитет. В наши дни американцы уже не нуждаются в неких «потусторонних» поощрениях для честного выполнения своего долга прежде всего потому, что этические принципы протестантизма вошли «в плоть и кровь» многих американцев. Пусть и в нечетком, размытом, не столь ярко выраженном, как то было во времена Вебера, виде, но доносит традиция старое протестантское отношение к Делу. И хотя трудно подчас определить, откуда тянутся корни тех или иных свойств человека, тем более группы людей, народа, ибо свойства эти идут из далекого далека, да и корни так переплелись, что и распутать их иной раз нелегко, все же отголоски протестантской этики дают о себе знать в современных США, что отра-

³⁶ То же, пожалуй, можно сказать и о политике: она проникла в область нравственности в качестве прагматического механизма, а потому она (политика) не может рассматриваться только с собственно политической точки зрения.

жают работы историков и социологов, произведения писателей и поэтов, американский кинематограф и т.д.³⁷

В поэтической форме отголоски протестантских принципов заметны, например, в таких бесхитростных стихах Дугласа Мэллоха:

*Если ты не можешь быть сосной на вершине холма,
Будь маленьким деревцем, но только самым лучшим деревцем.
Будь кустиком, если не можешь быть деревом.
Будь травой у дороги и дай отдых усталому путнику,
Если не можешь быть кустиком.
Если ты не можешь быть китом, будь самым красивым окунем в озере.
Все мы не можем быть капитанами, кто-то должен быть и матросом.
Для всех найдется работа на корабле жизни, только найди свое дело.
Если ты не можешь быть широкой дорогой, будь узенькой тропинкой.
Если ты не можешь быть солнцем, будь звездой в небе.
Только найди свое дело и старайся стать самым лучшим*³⁸.

Конечно, стихи эти могли быть написаны и в другой стране, но все же они появились в США. То, что традиции протестантизма продолжают жить в наши дни, подтвердил, например, известный американский писатель Джон Апдайк, который на вопрос: «Работаете ли вы каждый день?» – лаконично ответил: «Я протестант». И этим, собственно, все было сказано³⁹.

**Англичане – американцы:
общее – различное**

Продолжая мысль о британском влиянии на формирование американской традиции и деловой культуры как одной из ее существенных составляющих, отметим, что Британия сыграла роль посредника, передав Новому Свету как свои, так и европейские в целом духовные ценности. Повторим общеизвестное: основой будущей нации стал английский язык, письменная культура пришла в США из метрополии, несмотря на то что «американский» язык на основе английского превратился в своеобразное смешение языков со всех

³⁷ См., например: Кузьмина Т.А. *Протестантизм // Буржуазная философия XX века*. М., 1974; Цыркун Н.А. *Протестантский морализм и американский кинематограф // Американский характер. Очерки культуры США*. М., 1991; Kelly G. *Politics and Religious Consciousness in America*. N.Y., 1984; Kurtines W., Gewirtz J. *Handbook of Moral Behavior and Development*. Lawrence, 1991; *The Moral Life of Children*. N.Y., 1990; и др.

³⁸ См.: *Социологические исследования*. 1988. Май–июнь. С.117.

³⁹ См.: *Рабочий класс и современный мир*. 1989. № 1. Январь–февраль. С.152.

концов света и многие из них (в той или иной степени) внесли свою лепту в общий язык американцев.

Даже над самой американской революцией веял «дух Британии», поскольку ее вожди выступали за «подлинно британский» порядок, преданный забвению, по их мнению, в самой метрополии. Неудивительно, что и в своем техническом развитии Соединенные Штаты заимствовали принципы и методы у британской промышленной революции до тех пор, пока ученики не превзошли своих учителей. Американцы прежде всего приняли всем сердцем английский пиетет перед силой общественного договора и перед частной собственностью.

Во многом повлиял на американцев и английский характер. Некоторые исследователи не без основания полагают, что американская уверенность в себе по сути то же самое, что английский индивидуализм: «он (индивидуализм) породил ее (уверенность), а она пошла дальше»⁴⁰. Уверенность в себе, пожалуй, не содержит каких бы то ни было важных характеристик, которые нельзя было бы включить в понятие «индивидуализм». В Европе индивидуализм развивался прежде всего как требование *политического* равноправия: никто не может быть кем бы то ни было лишен политических прав, данных человеку Богом, и каждый человек имеет право управлять собой или выбирать тех, кто будет им управлять. Американская же уверенность в себе неотделима от выражения индивидом требования *экономического, социального и политического* равенства. «Результат таков: тогда как в Англии и остальной Европе преобладают *определенный* индивидуализм и *определенное* равенство, в Америке неотъемлемым правом каждого считается *безграничная* уверенность в себе и *безграничное* равенство»⁴¹.

Конечно, далеко не все американцы проявляют столь безграничную уверенность в своих силах и возможностях, так же как ни один идеал ни в одном обществе не проявляется одинаково у всех людей. Но конкретное сравнение может кое-что прояснить в этом отношении. В традиционном Китае человек может вовсе и не иметь идеала уверенности в себе и не достичь успеха в жизни. Но, предположим, он в старости будет полностью обеспечен своими детьми. Такой человек не только будет счастлив и удовлетворен своим положением, но будет каждому встречному-поперечному расхваливать своих детей, способных содержать его так хорошо. В отличие от китайского, не преуспевший в жизни американский родитель, находящийся на иждивении своих детей, определен-

⁴⁰ Там же. С.213.

⁴¹ Там же.

но будет чувствовать себя не в своей тарелке и постарается скрывать свою зависимость от них. Нечего и говорить о том, что при малейшей возможности американец постарается использовать любой представившийся ему случай и обрести независимость.

Выявляя общие черты, роднящие американцев и англичан, некоторые исследователи характеров обоих народов тем не менее подчеркивают и их бросающуюся в глаза несхожесть. Так, немецкий философ середины XX века Герман фон Кайзерлинг полагает, например, что тип европейца, от которого американец (будь он хоть самый что ни на есть чистокровный англосакс) отличается в наибольшей степени, – англичанин. Кайзерлинг доказывает прямую противоположность англичанина и американца. Этот ряд противоположностей выглядит примерно так: самообладание англичан – несдержанность американцев, святость частной жизни англичан – публичность американцев, высокоразвитое политическое сознание англичан – почти полное его отсутствие у американцев, крайний индивидуализм англичан – социальный образ мысли американцев, определяющее чувство избранности у жителей островного государства – демократичность у жителей Нового Света (автор поясняет, что именно он понимает под американской демократичностью: почитание в высшей степени равенства, единомыслия и стандартизации), расположенность к уюту и скромность англичан – неспособность американцев осознать, что ценность не зависит от количества и размера чего бы то ни было, и т.д.⁴² Нетрудно заметить, что в этом длинном ряду противопоставлений нет характерных черт, отличающих американцев и англичан с точки зрения их отношения к Делу. Это вполне объяснимо, ибо многое из тех слагаемых, которые можно отнести к категории «деловая культура», американцы заимствовали у англичан, естественно, переработав на свой американский манер.

Впрочем, американцев отличает более утилитарно-прагматический подход к жизни, причем в оценке не только таких преимущественно «практических» ее сфер, как материальное производство, политика, право и т.д., но и таких, как религия, культура, искусство. Американцы имеют склонность к максимальному увеличению доходности любого предпринимательства, незамедлительному ощущению полезности того или иного начинания. Это, по мнению наблюдателей, нередко приводит к тому, что можно назвать «эффективным» обращением с природой в ущерб природе. Например, произвольное изменение ландшафта для того, чтобы он лучше подходил для обработки земли с помощью машин

⁴² Кайзерлинг Г. *Америка. Заря Нового мира*. СПб., 2002. С.95.

или для строительства промышленных объектов; использование большого количества ядовитых химических удобрений для повышения производительности труда фермеров и т.д. Современный английский писатель-философ Джон Фаулз находит очень точное слово для определения преобладающего в США отношения к природе: «непоэтическое», при этом слово «поэтический» дает наилучшую характеристику тем, кто составляет «великие исключения из этого общего правила» (Торо, Эмерсон и другие). «Поэзия, увы, эфемерна, ее нельзя продать, – пишет Фаулз. – Вы можете только предположить, что она существует, если для нее найти время и соответствующее настроение, а также осознать, что для радости ее восприятия совсем *не* обязательны научные знания»⁴³.

**Несколько слов
в заключение**

Американская цивилизация коренным образом отличается от всех иных тем, что она, прежде всего, является цивилизацией *современной*, продуктом эпохи Просвещения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во многом именно исторические (не исключая, конечно, и географических) обстоятельства оказали существенное влияние на деловую культуру страны. Отсутствие феодальных пережитков, воздействие протестантизма, выступившего в качестве стимула социальной и хозяйственной активности, роль духовного влияния Британии и некоторые другие факторы создали благоприятные условия для проникновения рыночной ментальности практически во все сферы жизни американского общества. Ценность частной собственности еще на раннем этапе истории США оказалась связанной с индивидуализмом, ценностью труда в его конкретно-индивидуальной форме как показатель упорства, изобретательности, энергии, настойчивости, сообразительности. Ценности среднего класса – главное для всего американского общества. Собственность в США – один из важнейших показателей способности добиваться поставленных целей. Недаром характерным социальным типом Соединенных Штатов (его американское общество, по существу, взяло за образец) стал не эрудит, не мудрец, не воин, а бизнесмен, человек дела, «человек, сделавший себя сам» (self-made man), сочетающий в своей жизненной практике силу религиозного самосознания с относительно высоким уровнем житейского успеха и внешнего признания.

⁴³ Фаулз Дж. Сорняки, жучки, американцы // Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2002. С.376.

Поразительно, что от нас может уйти настоящее, что мы можем потерять действительность из-за того, что мы живем как бы где-то в ином месте, живем фантастической жизнью, в истории, и сторонимся полноты настоящего. Однако неправомерно и господство настоящего момента, неправомерна жизнь данным мгновением без воспоминания и без будущего. Ибо такая жизнь означает утрату человеческих возможностей во все более пустом «теперь» ...

Карл Ясперс

То, что у человечества есть не только известное, но и непознанное прошлое, для нас не самоочевидно; мы не замечаем, где кончаются столетия, о которых мы сохранили память, так же как не замечаем черты, ограничивающей наше поле зрения; века, простирающиеся за линией временного горизонта, теряются во тьме: мы просто перестаем видеть, вот и все. Поколения героев находились по ту сторону временного горизонта, в каком-то другом мире. Это и есть мифический мир.

Поль Вен

Марина Витухновская-Кауппала

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ*

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

The article is devoted to comparison of Finnish and Russian historical memories about Russian-Swedish war of 1808–1809. The author describes Finnish and Russian 'memorial places' connected with the war, predominantly Finnish memorials in the places of battles and Russian monuments related to conquest of Finland, and draws the conclusion that the war occupied very different places in the Russian and Finnish historical memories. For Russia it was successful but unpopular campaign which afterwards was nearly buried in oblivion. For Finland the war became one of cornerstones for construction of the national historical memory. In the second half of the 19th century memory about the war became a decisive vehicle for formation of the young Finnish nation. Rate of memorial construction at battlefields corresponded to intensity of national feeling upsurge. In Russia the memory about that war was revived only at the early 20th century. It was done with the purpose to strengthen the imperial concept at the conquered periphery. Two monuments that expressed this idea and conquest of Finland jubilee celebration proved to be purely bureaucratic events and aroused emotional response neither in the Finnish nor in the Russian national consciousness. The imperial historical myth was losing the ground to the mythology of little nation which experienced the peak of its emergence.

* Журнальный вариант доклада на Международном научном коллоквиуме «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века)» (июнь 2007 г., Санкт-Петербург), готовящегося к публикации в одноименном сборнике.

В последние десятилетия историческая наука начала все более внимательно относиться к проблемам исторической памяти. Это в большой степени связано с поиском новых инструментов для анализа и понимания таких явлений, как национализм, национальная идентичность, становление наций и их противостояние. Чем серьезнее мы вникаем в механизмы этих процессов, тем яснее становится огромная роль в них исторической памяти как фундамента национальной идентичности. Так память о событии становится для современного историка подчас более интересным и важным объектом изучения, чем само событие.

Существуют различные формы репрезентации исторической памяти. Одна из них – формирование так называемых «мест памяти», которые с недавних пор стали объектом пристального внимания историков, источником многочисленных интерпретаций. Первым и наиболее фундаментальным трудом такого рода стало многотомное сочинение Пьера Нора «Царство памяти»¹, посвященное «местам памяти» Франции. Нора и его соавторы исходили из того, что «места памяти» – это самые разнообразные объекты, где кристаллизуется и репрезентируется память.

В этой статье мы поставили перед собой задачу сравнить финские и российские «места памяти» русско-шведской войны 1808–1809 годов, которая в финской традиции носит название «Финская война»². Этот анализ позволит выявить те позиции, которые занимала эта война в русской и финской национальных мифологиях. Мы исходим из того, что «Финская война» занимает совершенно различное место в российской и финской исторической памяти. Если для России это была хоть и успешная, однако непопулярная в обществе и впоследствии полузабытая кампания, то для Финляндии эта война стала одним из краеугольных камней построения национальной исторической памяти. Остановимся на этом несколько подробнее.

¹ Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past. Vol.1–3.* N.Y., 1996–1998.

² В Финляндии опубликовано несколько работ о финских местах памяти, связанных с этой войной. Это ряд глав книги Осмо Юссилы «Русская Финляндия»; написанный Йюрки Пааскоски раздел книги «Стражи восточной границы»; а также содержащая значительный фактологический материал книга «Воспоминания о финской войне». Указанные сочинения вводят в оборот значительный материал и предлагают свои версии в интерпретации мест памяти «Финской войны» в Финляндии (*Muistoja Suomen sodasta. Sotilas-muistomerkkejä vuosien 1808–1809 sodasta / Ed. M.Palokangas, T.Hakavuo ed alt. Helsinki, 1980; Jussila O. Venäläinen Suomi. Porvoo-Helsinki-Juva, 1983; Mickwitz J., Paaskoski J. Itärajan vartijat 4. 1700-luku. Keuruu, 2005*).

В исторической памяти любого народа хранится некий комплекс исторических событий или культурных доминант, становящихся с течением времени ядром национального исторического мифа. Единая общешведская историческая память формировалась в процессе создания финской национальной идентичности в середине – второй половине XIX века. Катализатором этого процесса было то особое положение, которое получило Великое княжество Финляндское в составе Российской империи. Кроме того, российская власть долгое время сама поддерживала рост финских национальных амбиций в противовес шведским, представлявшимися ей гораздо более опасными. Результатом стало зарождение и активное развитие финского национального движения, в результате чего к концу XIX века национальная идея получила массовую общественную поддержку³. Рост националистических амбиций был теснейшим образом связан с поиском национальной идентичности и культурно-исторических корней и обусловил необходимость формирования национальной исторической мифологии.

Финская историческая память основывается на нескольких «краеугольных камнях». Главным из них можно назвать знаменитую Калевалу, издание которой в 1835 году дало почву для реконструирования, а точнее конструирования т.н. «воображаемого Отечества» финнов. Героической составляющей финского исторического мифа стала «Финская война». Эта война была проиграна Швецией, в результате чего Финляндия целиком отошла к России. Тем не менее с течением времени события этой войны были в сознании финнов героизированы и приподняты «на котурны» исторической памяти.

Решающую роль в героизации этой войны сыграл знаменитый стихотворный цикл «Рассказы прапорщика Столя» Юхана Людвика Рунеберга, вышедший в свет в 1848–1860-х годах. «Рассказы» имеют целью пробудить в читателе патриотические чувства, воспеть родину – Финляндию, за которую самоотверженно сражаются герои цикла. В «Рассказах» проигранная Швецией война героизируется. Современный исследователь Йорки Пааскоски пишет: «"Рассказы прапорщика Столя" – это облеченный в поэтическую форму рассказ о героизме и готовности солдат и офицеров жертвовать собой за Родину, но это одновременно и рассказ о бездарности военных, погоне за собственными политическими выгодами и предательстве»⁴. Значимость «Рассказов прапорщика Столя» в Финляндии в XIX

³ См. об этом, например: Jussila O. *Maakunnasta valtioksi: Suomen valtion synty. Porvoo, 1987; Herää Suomi. Suomalaisuusliikkeen historia / Eds. P.Tommila, M.Pohls. Jyväskylä, 1989.*

⁴ Mickwitz J., Paaskoski J. *Op. cit.* S.319.

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

веке была огромной, и трактовка войны, предложенная Рунебергом, легла в основу исторической памяти формировавшейся финской нации.

Одним из переломных моментов в финской национальной истории стала Крымская война. Ныне она ассоциируется прежде всего с военным противостоянием в Крыму, и мало кто помнит, что одним из важнейших театров военных действий была Балтика, где английские и французские войска пытались прорваться к Петербургу. Препятствиями на этом пути для них были финские крепости Бомарзунд и Свеаборг, а также русский Кронштадт. Англичане и французы неоднократно обрушивались на прибрежные финские города, грабя их и сжигая дотла. Финны воевали бок о бок с русскими, отбивая атаки неприятеля, и лояльность финских подданных стала одной из причин благоприятной для Финляндии политики Александра II. Многочисленные реформы, произведенные с соизволения, а часто и по инициативе императора, дали огромный толчок к интенсивному развитию Финляндии. Однако именно после Крымской войны, раскрывшей перед финнами всю слабость империи, и началось охлаждение отношения жителей Великого княжества к метрополии. А в начале правления Александра III, когда российская внутренняя политика приобрела отчетливо националистическую окраску, а финское национальное становление достигло своего пика, градус антирусских настроений в Финляндии серьезно повысился.

В этот же период стали проявляться противоречия в российско-финляндских отношениях, связанные прежде всего с различием «курсов» метрополии и окраины. Финляндия шла по пути формирования демократического буржуазного государства европейского типа. Экономика Финляндии проделала огромный путь в сторону модернизации, в автономии были созданы элементы гражданского общества, значительных достижений добилось Великое княжество в области просвещения. Между тем метрополия заметно отставала в области экономической, и еще более – в области создания демократических и просветительских институтов. Более того, при Александре III контрреформы уничтожали те ростки демократизации, которые существовали в конце царствования Александра II. Противоречия между метрополией и окраиной нарастали и приводили к обострению отношений между ними. Финляндия демонстрировала свою независимость от метрополии и никак не собиралась вписываться в предлагаемую парадигму национальной империи. Важной причиной для роста антифинских настроений во властных структурах империи стали также опасения, что нелояльная и расположенная вблизи от столицы окраина может стать плацдармом для вторжения в Россию вражеской армии.

Все сказанное помогает понять, в чем заключались главные причины начавшегося во второй половине 80-х годов и продолжавшегося вплоть до самой революции «похода на Финляндию», организованного консервативно-националистическими силами и поддержанного властью. Суть претензий к Финляндии сводилась к тому, что «неблагодарная» окраина, воспользовавшаяся богатствами метрополии, отказывалась принять во внимание ее национальные интересы, демонстрировала отсутствие должного уважения или хотя бы элементарной благодарности. В консервативной прессе подчеркивалось, что финны платят за добро черной неблагодарностью, чураясь России и публично демонстрируя свою национальную обособленность. Националистический публицист П.И. Мессарош, побывавший в Финляндии впервые в 1870 году и вторично появившийся здесь в 1895 году, был поражен «переменами, происшедшими в течение этих 25 лет во взглядах крестьянского населения края». «Мы увидели, – продолжал Мессарош, – что в эти 1/4 века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры...»⁵.

Чем дальше заходило финское национальное строительство, тем более востребованной становилась позиция «отталкивания» от России и русскости, при этом оказался крайне важен мотив насильственного присоединения Финляндии к России. Так постепенно историческая память о «Финской войне» стала все более насыщаться мотивами противостояния России. Одним из способов актуализации этого нового вида памяти было установление памятников на местах наиболее ожесточенных битв «Финской войны».

Памятники начали устанавливаться еще в 1860-е годы⁶, и этот процесс продолжался вплоть до 1950-х годов, усиливаясь в те моменты финской истории, когда антирусские настроения в обществе были особенно сильны. Монумены устанавливали в тех именно местах, где проходили победоносные для шведов бои с русскими войсками. Установка памятников в период правления Александра II не имела массового характера, однако в

⁵ Мессарош П.И. *Финляндия – государство или русская окраина?* СПб., 1897. С.3.

⁶ Это, например, памятник битве при Лапуа (14 июня 1808 года), выполненный в псевдоготическом стиле и установленный в годовщину битвы в 1864 году. Изготовленный в Стокгольме по заказу промышленника Густава Аугуста Васашерна, он был перевезен в Турку и там пролежал несколько лет на таможене, откуда его не выпускали таможенные чиновники (по мнению финнов, изобретая причины для того, чтобы воспрепятствовать его установке) (См.: *Muistoja Suomen sodasta*. S.83–84; *Mickwitz J., Paaskoski J. Op. cit.* S.324). В 1867 году был установлен постамент для памятника в волости Алабус, однако сам памятник был конфискован русскими властями (*Jussila O. Venäläinen Suomi...* S.65).

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

правление Александра III сооружение памятников на местах битв активизировалось. Так, 15 августа 1885 года был открыт памятник в честь шведской победы в местечке Кольенвирта⁷, – битва произошла 27 октября 1808 года, но победа шведов носила временный характер, т.к. на следующий же день шведскому войску под предводительством генерала Сандельса пришлось отступить. А одним из наиболее значительных стал памятник битве при Юутта (13 сентября 1808 года), в которой шведы тоже победили русских. Он был установлен 13 сентября 1885 года⁸. Несколько позже, в 1893 году, был установлен памятник битве при Оравайнене (в которой шведские войска потерпели поражение)⁹.

Памятник на месте битвы при Кольенвирта, открыт 15 августа 1885 года

Открытия памятников происходили очень торжественно. Установление памятника павшим в битве при Кольенвирта было санкционировано тогдашним генерал-губернатором Финляндии Ф.Л.Гейденем, а на торжестве, посвященном его открытию, присутствовал губернатор Куо-

⁷ См. об этом статью Михаила Каткова в «Московских ведомостях» от 1 сентября 1885, С.3, а также: Jussila O. *Venäläinen Suomi...* S.65–67. – В книге «*Muistoja Suomen sodasta*» открытие памятника ошибочно отнесено к 13 августа 1883 года (S.146).

⁸ *Muistoja Suomen sodasta...* S.128.

⁹ Mickwitz J., Paaskoski J. *Op. cit.* S.327.

пиосской губернии, генерал-майор российской армии Александр Ярнефельт. Интересно, что здесь же находился и сын шведского генерала Сандельса, граф Самуил-Август Сандельс, который хотел почтить память своего отца, «победителя при Вирте».

Это соединение несоединимого – представителя русской власти и армии, с одной стороны, и «делегата» противоборствующей шведской стороны, – с другой, – вносило полный сумбур в идейное наполнение всего праздника: чью память, собственно говоря, собирались почтить и в чью честь памятник устанавливался? Официальное истолкование русской стороны заключалось в том, что монумент установлен в память о павших. Тем не менее ораторы произносили похвальные речи в честь победителей-шведов, и эти речи, по сути антирусские по направленности, выслушивал губернатор, генерал-майор русской армии! Вся эта путаница была возможна только потому, что русско-финский конфликт еще только разгорался и русская сторона еще не воспринимала установку монумента как демонстративно антироссийский акт.

На открытии второго памятника русских представителей уже не было. Как отмечали «Московские ведомости», «русские власти поняли наконец, что их присутствие на таком *торжестве* было бы в высшей степени неприлично»¹⁰. Зато процедура открытия была обставлена очень торжественно: произносились речи и тосты, звучала музыка и даже маршировали немногочисленные финские войска. Вызывающе торжественный характер обеих репрезентаций вызвал бурное возмущение в русской консервативной прессе. «Московские ведомости» писали: «Финляндские "патриоты" [...] усиленно стараются втолковать финскому населению, что до 1808 года Финляндия-де была "свободною", а в этот злополучный год стала жертвой "деспотической" России [...] и что поэтому финский народ должен считать своими "национальными героями" тех шведов, которые сражались в 1808 году против России, и тех финнов, которые, находясь под начальством этих шведов, тоже дрались против наших войск. С этой целью и разыскиваются теперь те местечки, при которых в 1808 году происходили столкновения русских войск со шведскими, дабы сим последним воздвигнуть "национальные" памятники [...]»¹¹.

Памятники на местах битв сооружались на общественные пожертвования, и, благодаря автономному положению Финляндии, разрешения на сооружение монументов получались беспрепятственно. Это не могло

¹⁰ *Московские ведомости*. 1885. 17 октября. С.2.

¹¹ Там же.

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

не заботить российские власти, и в конечном итоге в 1890 году появился указ Александра III, которым воспрещалось воздвижение памятников в Финляндии без его личного разрешения. «Мы признали за благо, – говорилось в указе, – Высочайше повелеть не воздвигать монументов, статуй и иных памятников на площадях или других публичных местах в городах, а также на публичных местах и полях битв в уезде, без испрошения Высочайшего Нашего на то соизволения»¹². Несмотря на предложенный весьма суровый режим, памятники продолжали появляться, причем число их росло пропорционально негативному отношению к России.

В этом смысле показательны так называемые «периоды угнетения». Финская историография выделяет два «периода угнетения»: 1898–1904 и 1907–1914 годы. В это время российская власть предпринимала массированное наступление на финскую автономию, пытаясь нивелировать особое положение Финляндии. Памятники на местах сражений с русскими (сооружаемые под страхом наказания) стали в эти годы одной из форм протеста и национального самоутверждения. Нам известно об установке как минимум шести монументов в «периоды угнетения»:

Памятник битве при Пулккила. Битва состоялась второго мая 1808 года, памятник был установлен в 1908 году¹³ (не сохранился).

Четыре памятника битве при Каухайоки. Битва произошла 19 августа 1808 года, памятники установлены с 1908 по 1917 годы, втайне от российских властей. Один из памятников – в главном селе волости, другой – в Нуммиярви, два креста установлены на местах сражений – в Самелинлааксо и Парьяканнева¹⁴.

Памятник в Ревонлахти. Битва состоялась 27 апреля 1808 года, памятник был установлен в канун Иванова дня в 1914 году. Доставка его на место осуществлялась секретно¹⁵.

Сравнительно малое число памятников, установленных в «периоды угнетения», объясняется тем, что действовать нужно было очень осторожно. Зато, как только Финляндия обрела независимость, памятники стали сооружаться беспрепятственно. Пиком массового сооружения

¹² Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1890 год. Гельсингфорс, 1891. Постановление №17. (Цит. по: Память, конфликт, памятник: публикация документов // *Ab Imperio*. 2004. №2. С.435).

¹³ *Muistoja Suomen sodasta...* S.51.

¹⁴ *Ibid.* S.89.

¹⁵ *Ibid.* S.44.

Европейские параллели

памятников на местах боев «Финской войны» стали 1930-е годы, когда накал антирусских настроений в Финляндии достиг своей наивысшей точки. Только по самым приблизительным подсчетам в этот период было воздвигнуто не менее 16-ти памятников¹⁶. Каждый из этих монументов был открыт пышно, с военными почестями и снабжен соответствующими пояснениями о том, как на этом месте финские войска били русских. Финляндия готовилась к войне с Россией, и памятники «Финской войны» были частью проекта национальной мобилизации.

Памятник в Пулкила, установленный в 1933 году. Фото 1936 года.
Надпись: «Здесь Сандельс со своими финнами бил русаков». В настоящее время текст надписи на памятнике несколько изменен: «Здесь Сандельс со своими финнами бил врага»

Вернемся к «периодам угнетения». Достаточно долго российская власть была не в состоянии генерировать симметричного ответа на финский миф о войне 1808–1809 годов. Героический дискурс этой войны в России не был развит, хотя в реальности русская армия в Финляндии сражалась и храбро, и искусно, и самоотверженно. Возникал парадокс: проигравшая сторона побеждала на идеологическом поле, воспевая свой героизм и утверждая его в исторической памяти народа, а победившие были не способны получить от своей победы никаких идеологических

¹⁶ *Ibid.*

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

дивидендов. Русские власти не ставили в Финляндии монументов на местах своих побед (исключением является памятник на месте гибели генерал-адъютанта Михаила Долгорукого, поставленный его родственниками в 1848 году в Кольенвирта). Идея постановки памятников, связанных с «Финской войной», в России появилась лишь в преддверии празднования столетия Фридрихсгамского мира. Этот мирный договор, подписанный 5 (17) сентября 1809 года, завершил «Финскую войну», именно по его условиям Финляндия перешла к России. Таким образом, памятники должны были прославлять не столько героизм русской армии, сколько захватнический, завоевательный характер войны¹⁷.

Это смещение акцентов отнюдь не было случайным. Тема «завоеванности» Финляндии русским оружием стала весьма актуальной в конце XIX – начале XX века в связи с развернувшимися на финской и русской площадках историко-политическими дискуссиями. В центре этих споров оказалась так называемая «теория персональной унии», сложившаяся в Финляндии во второй половине XIX века. В соответствии с этой теорией, Александр I при присоединении Финляндии заключил с ней «персональную унию» о союзнических отношениях, и таким образом Финляндия по Фридрихсгамскому мирному договору стала отдельным государством со своей формой правления. Объединяла Финляндию и Россию по этой концепции только власть единого «принципала», царя, который был одновременно русским императором и финским Великим князем. Теория «персональной унии» стала причиной бурных дискуссий между финскими и российскими правоведами, историками и политиками, в которую мы не будем сейчас вдаваться¹⁸. Отметим все же, что позиция российской власти заключалась в том, что Финляндия – завоеванная территория, которой были дарованы особые права, но эти права у нее в любой момент могут быть отобраны в зависимости от политического поведения. Эта идея и вдохновляла начавшийся в конце XIX века «поход на Финляндию».

¹⁷ О трактовке событий «Финской войны» в финской и российской историографиях начала XX века см.: Mickwitz J., Paaskoski J. *Op. cit.* S.328–330.

¹⁸ Наиболее глубокий анализ как этой дискуссии, так и основательности самой «теории унии» и правовых основ присоединения Финляндии к России принадлежит профессору Осмо Юссиле (См., например: Jussila O. *From Grand Duchy to Modern State: a Political History of Finland since 1809.* London, 1999; *Idem.* *Leo Mechelin 1839–1914: Helsingin herra, valtiollinen vaikuttaja ja Suomi-kuvan luoja.* Helsinki, 1989; *Idem.* *Porvoon valtiopäivien merkityksen arviointi vuosina 1809–1890.* Helsinki, 1962). По мнению ученого, финский миф о «персональной унии» с Россией не имел под собой почвы.

Последним этапом этого «похода» стал т.н. «второй период угнетения», начавшийся в 1907 году. Его смысл заключался в лишении края его особых прав и в приравнивании его к любой из российских губерний. Начавший «поход» П.А.Столыпин и его сторонники (в т.ч. правые партии) понимали свою задачу как некое «перезавоевание» Финляндии. Именно в таких понятиях и терминах выражали свои намерения в отношении Великого княжества и правые, и сам Столыпин в своих выступлениях в Третьей Думе по финляндскому вопросу (в 1908 и 1910 гг.)¹⁹. Важнейшим приоритетом для них являлись, по определению Столыпина, «исторические державные права России»²⁰, понимаемые как единство и неделимость империи и приоритет в ней русского национального начала. В своих речах, посвященных этому принципу «русской единой державности», правые неоднократно ссылались на то, что главенствующая роль русских в империи и ее различных национальных регионах должна быть основана на их праве завоевателей этих земель.

С особенной страстью тему «права завоевателя» проводил в своей речи о Финляндии П.А.Столыпин: «Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Петр Великий державные права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе [...] Сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено в скалах и водах Финляндии»²¹. Хотя речь в этом выступлении шла о Северной войне, в ходе которой Петр Первый завоевал часть Финляндии, всем было ясно, что подразумевается и война 1808–1809 годов, а нынешнее наступление на Финляндию понимается как закрепление завоеванных Петром I и Александром I прав.

¹⁹ Впервые финский вопрос обсуждался с 5 по 13 мая 1908 года в связи с несколькими думскими запросами по Финляндии. Второе обсуждение имело место с 21 по 28 мая 1910 года и было посвящено законопроекту о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. Третий раз финские проблемы стали предметом думской дискуссии с 28 октября по 5 декабря 1911 года, когда обсуждались законопроекты о производстве финляндской казной платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной воинской повинности и об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных. В ходе финляндских дискуссий дважды – в 1908 и 1910 годах – выступал премьер-министр П.А.Столыпин.

²⁰ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1908. С.2941.

²¹ Там же. С.2939–2940.

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

В этом контексте следует рассматривать и пышное празднование векового юбилея Фридрихсгамского мира, и создание двух памятников, приуроченных к этому столетию. В самом городе Фридрихсгаме была отреставрирована т.н. «Башня мира», в которой, как утверждалось, и был подписан мирный договор²².

Торжественный молебен российского духовенства при открытии «Башни мира» в Фридрихсгаме 18 сентября 1909 года

Вторым было сооружение часовни-памятника в Хельсинки в память о Фридрихсгамском мире. Остановимся несколько подробнее на истории сооружения этой часовни, названной впоследствии «часовней мира». Идея установить памятник-часовню в память о Фридрихсгамском мире принадлежала проживавшему в Финляндии купцу Николаю Тимофеевичу Резвому, который и сделал основные взносы в созданный для этого фонд²³. Мысль была подхвачена генерал-губернатором и центральной российской властью, и был начат сбор средств. Списки жерт-

²² Башня Фридрихсгамской крепости была отреставрирована русскими властями в 1900 году; после реставрации она и получила название «Башня мира» (Mickwitz J., Paaskoski J. *Op. cit.* S.331–332).

²³ Об истории сооружения памятника-часовни в память о Фридрихсгамском мире см.: КА (Национальный архив Финляндии). ККК (Канцелярия генерал-губернатора). Fb 503. 1909. VI Jaosto. №XX-21.

Европейские параллели

вователей свидетельствуют о том, что ни один финский гражданин не сдал в фонд памятника ни единой марки. Памятник с самого начала был задуман как чисто русский проект, и деньги на него собирали в России. В числе жертвователей – чиновники, учителя и ученики учебных заведений, полицейские, военные, монахи и священнослужители из всех регионов России²⁴. Проект был выполнен российским архитектором, и расположить памятную часовню решили в непосредственной близости от хельсинкского православного Успенского собора. Поскольку в то время православная церковь рассматривалась в Финляндии как агент узурпаторской российской власти, это решение не могло подогреть интерес и симпатию финнов к памятнику.

Памятник-часовня в память о Фридрихсгамском мире. Установлен в Хельсинки в 1913 г.
Фотография сделана незадолго до уничтожения часовни в 1919 г.

Финские власти, сколько могли, тормозили реализацию проекта. Несколько лет решался вопрос об отчуждении земли для памятника, и, хотя торжественная закладка часовни произошла в ходе празднования

²⁴ *Ibid.* L.30–32.

ПАМЯТЬ О «ФИНСКОЙ ВОЙНЕ» В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

юбилея, окончательно вопрос с землей был решен лишь в октябре 1913 года, когда часовня была уже построена²⁵. Поначалу хельсинкские городские власти отказали в безвозмездной передаче земли (требовалось 75 квадратных метров) и назначили за участок непомерную сумму в 16 тысяч финских марок, или 6 тысяч рублей. При этом финские газеты публиковали призывы вообще не продавать землю для памятника, т.к. его сооружение явится оскорблением финского народа. Комментируя ситуацию, русская националистическая газета «Окраины России» писала: «...по-видимому, не скоро дождемся мы увековечения памяти доблестных покорителей Финляндии на той земле, где уже высятся разные памятники мнимых русских "поражений"»²⁶. В конце концов, по судебному решению Сената цена на землю была снижена до семи с половиной тысяч финских марок (около трех тысяч рублей).

Часовня-памятник была заложена 5 сентября 1909 года в ходе торжеств, посвященных Фридрихсгамскому миру. Как отмечали русские издания, торжества «имели строго военный характер»²⁷, то есть, иными словами, главную роль в них играли русские гарнизоны как во Фридрихсгаме, так и в Хельсинки. В ходе торжеств проводились крестные ходы и военные парады, литургии, торжественные заседания и обеды. При этом ни во Фридрихсгаме, ни в Хельсинки в торжествах не принимали никакого участия местные жители. Несмотря на постоянные декларации русской власти о том, насколько расцвела Финляндия под русской властью (что в большой степени соответствовало действительности), финны не готовы были ликовать вместе с властью, которую они считали узурпаторской. Вольно или невольно Россия, празднуя столетие завоевания в крае и устраивая в ходе празднования демонстрацию военной силы, давала новые основания для отталкивания и отторжения. Столкновение исторических мифологий в форме их репрезентаций приводило лишь к углублению конфликта.

На памятник собирали деньги по всей России. Как это происходило и со многими другими имперскими проектами, несмотря на сбор средств по всенародной подписке и крупные пожертвования, денег не хватило и без государственной поддержки не обошлись. В мае 1911 года, по ходатайству Столыпина и распоряжению царя, недостающие

²⁵ См. об этом: *Ibid.* L.51, 52, 120–143.

²⁶ *Наш русский памятник в Гельсингфорсе и финляндские интриги // Окраины России. 1909. №24. С.356.*

²⁷ *Празднование столетнего юбилея присоединения Финляндии к России // Окраины России. 1909. №37–38. С.531.*

для постройки памятника 22 тысячи рублей были внесены из государственной казны²⁸. Наконец строительство часовни было завершено, и 9 ноября 1913 года она была передана Успенскому собору²⁹.

История сооружения памятника-часовни в память о Фридрихсгамском мире наглядно показывает, как различались финская и русская трактовки войны 1808–1809 годов. В финской исторической памяти преобладал мотив героической борьбы за свободу родины, безошибочно действовавший на национальные чувства финнов. Для России же важным был мотив завоевания еще одной провинции, связанный с темой имперскости и русской гегемонии, который не мог возбудить массового энтузиазма у жителей империи, не говоря уже о финляндцах. Неудивительно, что памятник не стал объектом поклонения россиян и, мягко говоря, не вызывал добрых чувств у жителей финской столицы. Это предопределило его судьбу после обретения Финляндией независимости³⁰. Часовня была уничтожена через год после окончания гражданской войны в Финляндии (27 января – 15 мая 1918 года), летом 1919 года. Сначала в одну из ночей ее целиком облили смолой так, что очистить было уже невозможно. Через год после этого часовня была снесена³¹.

Подведем итог сказанному. Мы попытались на нескольких примерах показать, как формировалась и эволюционировала историческая память о «Финской войне» в России и Финляндии в XIX – начале XX века, в эпоху, которую принято характеризовать как «парад национализмов». В качестве материала для формирования национальных мифологий традиционно в разных странах использовались многочисленные исторические свершения и события, и прежде всего – войны, память о которых превращалась в героическую составляющую исторической памяти. В этом смысле «Финская война» представляла собою благодатный материал для формирования молодой финской нации, ибо давала важный образ единения народа перед лицом врага и стимулировала постоянное эмоциональное наполнение и обоснование российско-финляндского противостояния. Можно сказать, что, если бы этой войны не было, ее следовало бы выдумать, столь серьезную роль играл ее героический дискурс в становлении нации.

²⁸ *КА. ККК. Fb 503. 1909. VI Jaosto. №XX-21. L.77–78.*

²⁹ *Ibid. L.144, 160.*

³⁰ *История ликвидации памятника-часовни отражена в тексте Райнера Кнапаса: Knapas R. Derussifieringen av Helsingfors efter 1918 // Medströms – motsröms, Individ och struktur i historien / Ed. T.Gullberg, K.Sandberg. Söderströms; Atlantis, 2005. S.290–302.*

³¹ http://www.hel2.fi/kaumuseo/kehyksissa/katajanokka/katajanokka/kappeli_2.html

Открытие в 1925 году памятника павшим в битве при местечке Алабус. Надпись гласит: «Верным и героическим сынам Финляндии, павшим 17.8.1808 г.»

Роль «Финской войны» для российской исторической памяти несравнимо меньше и беднее. Сражения 1808–1809 годов совсем потерялись в тени Отечественной войны и не сыграли никакой роли в становлении русского национального мифа. Сконструированный позже официальный концепт имперскости, тема «завоеванной окраины», на которую опиралась власть в конце имперского периода России, мало кого смогли вдохновить. Именно поэтому официально и помпезно праздновавшиеся юбилеи русских побед в Финляндии оставались бюрократическими праздниками, а на сооружавшиеся к этим случаям памятники было трудно собирать денег, даже объявляя всероссийский сбор.

Имперский исторический миф проигрывал национальной мифологии маленькой, но переживающей пик национального становления нации. Между тем Финляндия отнюдь не являлась исключительным случаем. Российская империя к началу XX века включала в себя значительное число народов, находившихся на разной стадии национального становления и обладавших развитыми национальными мифологиями. Финский сюжет наглядно демонстрирует, что империя была не способна противопоставить им конкурентоспособной национальной или государственной идеи и проигрывала своим окраинам – сначала на символическом, а впоследствии и на реальном историческом поле.

Михаил Люстров

**ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ
МИФ В ШВЕЦИИ
И РОССИИ:
О.РУДБЕК
И В.КАПНИСТ***

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

The author investigates work 'Short research of Hyperboreans' written by Russian poet and dramatist V.Kapnist (the work was published in 1815 and devoted to the Hyperborean origins of Russians) and its Swedish source, 'Atlantica, or Manheim' by O.Rudbeck (the work was published in 1675). The author also investigates history of 'Hyperborean myth' prevalence in Sweden of the 17th and 18th centuries and perception of O.Rudbeck's works in Sweden of the 17th and 18th centuries and in Russia of the 18th century. Kapnist's work is considered as one more Russian response to the abovementioned work of Rudbeck and, at the same time, as the final stage of 300 year history of 'Hyperborean myth' existence in Europe. This history was initiated by the Dutch scholar J.G.Becanus and continued by Swedish authors in the 17th century.

** Предлагаемая читателям нашего журнала статья М.Ю.Люстрова, специалиста по истории русской литературы и культуры раннего Нового времени и XVIII века, касается, на первый взгляд, частных фактов бытования гиперборейского мифа в Швеции и в России. Однако этот материал в современном российском контексте приобретает совершенно новое звучание и может быть интересен как историкам, так и практикующим политологам, а также специалистам по работе с общественным мнением. Остается только понять, почему в одно время квазиисторические теории не получают отклика и оказываются на обочине общественного интереса, а в новом контексте становятся востребованными, модными, притягательными как все непонятное и экстравагантное. Примером тому может служить современная реабилитация гиперборейской теории, приобретающей в эпоху глобального кризиса научной рациональности притягательный мистический ореол. Предыстория гиперборейского мифотворчества интересна и поучительна именно в наши дни. (Примечание редакции.)*

В начатом в 80-х годах XVIII века и опубликованном в 1815 году в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» «Кратком изыскании о гипербореанах» В.Капнист заявлял «об отличном пред прочими народами преимуществе русского языка, музыки и стихосложения» и «после рачительного исследования» заключал, «что оно оставлено нам в наследство от народа, в отдаленнейших временах знаменитого, просвещением своим озарившего пределы древняя Греции, гордившейся знаниями своими»¹. В подтверждение своих слов Капнист приводит мнение авторитетных и «беспристрастных» европейских ученых: «Олаус-Рюдбек, Бальи и многие другие доказывали, что науки и просвещение воссияли от северных стран, где они полагали славный в древности остров Атлантиский. Таковое чужеземными беспристрастными писателями древней отечественной стране нашей присвоение колыбели оных знаменитых Атлантов, первых просветителей вселенная, подкрепит, я чаю, мнение мое о происхождении знаний от лунощного природного нам края: оно, может быть, остановит презрительную улыбку, с которою иной греческой мудрости почитатель взирал на старание мое произвесть древнее наше родоначалие от славных оных гиперборейян, ближайших потомков Атлантиды»².

Действительно, оба названных Капнистом ученых – шведский историк и профессор медицины О.Рудбек-старший (1630–1702) и французский астроном Ж.С.Бальи (1736–1793) – высказывали идеи, близкие Капнисту, правда, с населением России «знаменитых Атлантов» не ассоциировали. Если старший современник Капниста француз Бальи исходил из презумпции научной объективности и, создавая теорию полярного происхождения мировой культуры и цивилизации, не писал ни о Франции, ни о французах, то уроженец Швеции, автор главной книги шведского готицизма «Атлантика, или Манхейм» (1675) О.Рудбек руководствовался в первую очередь соображениями патриотического свойства. Для Рудбека завоевавшие Рим готы принесли в Европу интеллектуальную культуру, и руны стали образцом для греческого и римского алфавитов. Этимологические спекуляции позволяли Рудбеку утверждать, что шведами были Адам (шв. «aff damm» – «из праха») и Геркулес³. Кстати сказать, рассуждения Рудбека относи-

¹ Капнист В.В. Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении // Капнист В.В. Собрание сочинений в 2 т. Т.2. М.; Л., 1960. С.166.

² Там же. С.176.

³ В «Атлантике» рассказывается, что на собиравшемся в связи с рождественской ярмаркой рикстаге шведский король спрашивал у крестьян, кто во время летнего

тельно происхождения Геркулеса были хорошо известны Капнисту и приводятся в его работе: «Древний Геркулес, если противу мнения некоторых писателей (у Капниста в сносках – Рудбека. – М.Л.) и не был полнощный уроженец, по крайней мере, странствовал на севере и был предок скифского племени»⁴. Характерно, что Капнист не оспаривает шведское происхождение Геркулеса, а лишь корректирует выводы Рудбека, заменяя северную Швецию на северную же Россию. В других случаях Капнист ссылается на «Атлантику» как на несомненно авторитетный научный труд, доказывающий, по его мнению, гиперборейское происхождение россиян: так, книгу Рудбека Капнист упоминает, утверждая, что «Сатурн, богов отец», «обитал... на берегах Ледовитого моря»⁵. Заявляя, что «древние басни» заимствованы «южными народами из северного края», Капнист повторяет соображения Рудбека о «богословской книге готфов» Эдде и богине Фрее, т.е. называет исключительно скандинавские реалии. По всей вероятности, для Капниста шведский автор остается научным авторитетом, доказавшим северное происхождение современной культуры, о соперничестве с Рудбеком, настаивавшем на приоритете Швеции, речь здесь не идет.

Вместе с тем в XVIII веке в научной ценности трудов Рудбека сомневались и в России, и в Швеции, и в остальной Европе. При этом сочинения наиболее авторитетных авторов, содержащие отзывы об историко-культурных исследованиях Рудбека, переводились на русский язык, и, таким образом, можно говорить об истории восприятия работ знаменитого шведского автора в России до начала XIX века. Так, в вышедшем в России в 1785 году «Введении в Историю Датскую» швейцарского ученого П.-А.Малле об издании шведского и латинского перевода Эдды говорится, что «в начале сего сочинения находится длинное рассуждение о северных древностях, в котором, по-видимому, воскрешается в особе писателя знаменитый Рудбек»⁶. А в предисловии к переводившейся в России в самом конце XVIII и изданной в самом начале XIX века «Истории шведского государства» О.Далина отмечается, что «остроумного Рудбека сочинение, известное под заглавием *Atlantica*, не можно читать без удивления великим его

похода должен быть их вождем, или «Här-kulle» («här» – войско, «kullen» – голова), а выбранный полководец получал имя Härkullen (Eriksson G. Rudbeck, 1630–1702 (liv, lär-dot, dröm i barockens Sverige). Stockholm, 2003. S.483).

⁴ Капнист В.В. Указ. соч. С.172.

⁵ Там же. С.171.

⁶ Г. Маллета. Введение в Историю Датскую. СПб., 1785. С.XXXV.

дарованиям; но следовать ему с достоверностью историческою есть дело совсем невозможное. Где Платонова Атлантида лежала: в древней ли Скифии (Скифиоде), или же в Обетованной Земле, или в воображении сего мудреца, или уже потопом поглощена была, есть и будет всегда вещь нерешимая»⁷. Если Малле лишь иронизирует над Рудбеком, называя главным признаком его трудов пространность, то Далин открыто его критикует. В свою очередь, в России XVIII века об авторитете Рудбека не писали, его дарованиям не удивлялись, а идеи признавали фантастическими. Так, в «Историю Российскую» В.Н.Татищева включены отзывы о книгах по древнейшей истории Швеции и об ученых, эту идею поддерживавших: «Иные же, когда своего или другого народа не зная от чего имя произошло и не потрудясь о деривации или знаменовании древних языков, тотчас в неизвестной древности владетеля имя зделали и от того родословия непрерывное сложили, как то видим шведскаго Иоанна Магнуса, Рудбека и пр. о их королях»⁸ или «...и так Швеция учинилась началом, или якобы маткою народов... сие мнение после Стирншельмом, Верелием, Рудбекием повсюду разпространено»⁹.

Можно предположить, что «прорудбекианская» позиция Капниста объясняется характерным для Европы и России конца XVIII века интересом к «северным древностям»: в России в конце столетия появляются переводы «Вис радости», выполненные Н.Львовым и И.Богдановичем, осуществляются переложения изданных в Швеции во второй половине XVIII века исландских саг и комментариев к ним; в 1792 году вышел прозаический перевод «Поэм Оссиана», подготовленный Е.Костровым. Кроме того, при исследовании труда Капниста необходимо учитывать господствовавшее в России рубежа XVIII–XIX столетий «представление о культурном родстве «Скандинавов-Варягов» и «Скифо-Славянов»¹⁰. Например, публикация «Оды на победы над французами в Италии, одержанные фельдмаршалом графом Суворовым Рымникским 1799 года» Г.Р.Державина сопровождалась комментарием автора: «Ода сия основана на древнем северных народов баснословии»¹¹, а скандинавско-русские реалии встречаются в балладах Державина «Жилище богини

⁷ Далин О. *История Шведского государства*. Ч.1. СПб., 1805. С.ХVI.

⁸ Татищев В.Н. *История Российская*. М.; Л., 1962. Т.1. С.129.

⁹ Там же. С.266.

¹⁰ Прохоров А. Он услышал рассказы Оссиана. Гаврила Державин. 1743–1816 // *Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре*. Т.IV. Норфилд, Вермонт, 1995. С.262.

¹¹ Державин Г.Р. *Сочинения*. СПб., 2002. С.615–616.

Фригги» и «Новгородский волхв Злогор» (1813). Однако специально на этом вопросе Капнист не останавливается.

В рассуждениях русского автора «Атлантика» Рудбека становится единственным упоминаемым трудом европейских предшественников русского писателя. Между тем эта книга является хоть и важнейшим, но лишь этапом формирования гиперборейского мифа в Европе вообще и в великодержавной Швеции в частности. Известно, что впервые миф о счастливых гипербореях, родоначальниках одного из нынешних европейских народов, нашел отражение в книге голландского ученого XVI века И.Г.Бекануса (Johannes Goropius Becanus; 1518–1572) «Origines Antwerpianaе» (1569).

В Швеции этот труд стал известен ученому, историку и поэту Ю.Буреусу (Bureus; 1568–1652). Он оспорил утверждение Бекануса (для которого человеческая история началась в Брабанте и самым древним языком является голландский¹²), что родина гипербореев – Америка и что впоследствии они переселились в Антверпен¹³. По словам Буреуса, «если они (европейские ученые. – *М.Л.*) не безумцы, они не могут не видеть, что гипербореи жили в Скандинавии»¹⁴. Сам Буреус о «гиперборейском вопросе» не писал, но передал книгу Бекануса своему ученику, знаменитому шведскому поэту и ученому Г.Шернъельму (1598–1672). Замечания Шернъельма о шведах-гипербореях нашли отражение в комментариях его ученика О.Верелиуса (1618–1682) к знаменитой «Hervarar saga» (1672) и были изданы Ю.Гадорфом (Hadorph) под названием «De Hyperboreis dissertatio» (1685)¹⁵.

Как следует из изданной в Стокгольме (1838) и пересказанной в «Современнике» книги «Заметки о России, написанные во время краткого пребывания в Петербурге и поездки в Москву»¹⁶, приверженцем теории Рудбека был секретарь коллегии древностей, издатель саг¹⁷ и автор научных трудов, посвященных «переселению скандо-готских народов» и «готскому языку», собеседник и оппонент В.Н.Татищева Э.Бьернер: «Один пастор в прошлом столетии написал книгу, где ут-

¹² Helander H. *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas*. Uppsala : Uppsala univ., 2004. P.401.

¹³ Eriksson G. *Op. cit.* S.265.

¹⁴ *Ibid.* S.266.

¹⁵ *Ibid.* S.265–266.

¹⁶ *Современник*. 1842. №4.

¹⁷ *Северные боевые подвиги, собранные во множестве саг о древних королях и героях*. Стокгольм, 1737.

верждал, что под именем острова Атлантиды, о котором упоминает Платон, надобно разуметь Палестину. Тотчас ученый Бьернер вошел к тогдашнему президенту Коллегии древностей графу Густаву Бонде с прошением, в котором обвинял автора в бесстыдстве за то, что он хотел перенести Атлантиду в Палестину, тогда как ясно уже доказано, что Платон под этим именем разумел не что иное, как Скандинавию»¹⁸.

По мнению шведских ученых XVII века, из сочинений Диодора, Пиндара и Цицерона следовало, что Скандинавию периодически посещал Аполлон¹⁹. Поэтому он являлся особенно почитавшимся в древнейшей Швеции богом: «известная из античных источников чудесная роща Аполлона – это знаменитая роща около старого языческого храма в Упсале, которая, таким образом, для Шернъельма была известной гиперборейской святыней Аполлона»²⁰. Шернъельм же утверждал, что не только мать Аполлона Лето (о чем говорится в «Библиотеке» Диодора), но и сам Аполлон родились в стране гипербореев²¹. В «Атлантике» Рудбека Аполлон отождествлялся со шведским Балдуrom²². По мнению Верелиуса, в древнейшей Швеции существовал культ Одина – Аполлона²³.

Попытки шведских ученых XVII–XVIII вв. отождествить население древней Швеции с гиперборейцами были известны российскому читателю XVIII–XIX веков и прямых насмешек не вызывали. Так, «Ежемесячные сочинения» середины XVIII века отмечали: «Олав Верелий, славной во Швеции Профессор и Библиотекарь Упсальской, пишет весьма отважно, что Гиперборейцов или совсем нет на свете, или находятся они в Скандинавии, или на самом краю Ледяного моря, а сему причиною, по его мнению, не что другое, как что столь много земель, городов и вод, находящихся под их владением, северными называются, а Олав Рудбек, его одноземец, доказывает, что имя Гиперборейцы есть Шведское»²⁴.

¹⁸ Современник. 1842. №4. С.48.

¹⁹ Swedenborg E. *Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1985. P.97–98.*

²⁰ Stolpe S. *Svenska folkets litteraturhistoria: 6 v. Stockholm : Askild & Kärnekull, 1972–1974. V.3. S.244.*

²¹ Eriksson G. *Op. cit. P.266.*

²² Глава на шведском языке «О Вале или Волдуре» на латинском языке получила название «Об Аполлоне» (Rudbeck O. *Atlant eller Manheim. Uppsala, 1675. S.755*).

²³ Stolpe S. *Op. cit. S.245.*

²⁴ Рассуждение И.Е.Фишера о Гиперборейцах или о народе, за севером находящемся // Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С.127. – В этой статье приводятся рассказы древних авторов о гиперборейцах, например, «Помпоний Мела, Плиний и Солин пишут об

Капнист заимствует не только аргументы, но и сам метод Рудбека²⁵ и обнаруживает «истинную» родину гипербореев. С Россией и россиянами Капнист связывает и признававшихся соседями гипербореев диковинные народы: «Нетрудно было придумать баснь сию людям, которые преобразили падающий с неба снег в перья, а русские шапки ушатки в длинные уши панагиенов, обвивающих оными все тело свое»²⁶; о дивных народах (например, об одноглазых аримаспах) пишет и Рудбек.

Вне всякого сомнения, «Краткое изыскание» преследует те же державно-патриотические цели, что и «Атлантика». По мысли Рудбека, его книга была призвана прославить отечество. Не случайно шведские защитники его концепции в XVII веке требовали, чтобы «тот, кто дерзнет сомневаться, что готы, завоевавшие Рим, вышли из Швеции, должен быть наказываем судебным порядком, а тому, кто будет настолько нагл, что будет умалять древний ея возраст, должно разбить голову руническими камнями»²⁷. Э.Бьернер утверждал, что тождественность Швеции и Атлантиды «давно уже всеми учеными принята и служит к чести и славе отечества»²⁸. В свою очередь, Татищев называл патриотизм одной из возможных причин появления работ Шернъельма, Верелиуса и Рудбека: «Мужи оные великого благоразумия и удивительного учения были, но в них либо неизреченная любовь к отечеству правду закрыла, или они писали то, чему сами не верили»²⁹. И для Капниста «каждому любящему отечество свое человеку и самые мечты, ко славе

них следующее: Гиперборейцы живут в земле плодоносной в чистом и здоровом воздухе, не зная никаких заразительных болезней; нет между ими зависти и раздоров, но всегда царствует правда; сего ради и живут щастливее, нежели другие народы. Они не знают никогда брани, но провождают жизнь свою в веселии и глубоком спокойстве; живут в роцах и дубровах без всяких коварств добродетельно; отправляют богослужение наедине и в собраниях; от деревьев плодоносных имеют ежедневную пищу; живут до глубокой старости, а если им жизнь наскучит, то прекращают оную великодушно с веселием; составляют пир, по окончании котораго, положа венок на голову, низвергаются в морскую пучину» (С.133).

²⁵ «Гора Алтай, соседняя Рифейским вершинам, золотые рудники в себе заключающая, может быть есть оная гора Атлас, название свое через перемещение одной буквы переменившая, и южный кряж ее, поныне под названием яблочного известный, может напоминать нам о яблоках Гесперидских» (Капнист В.В. Указ.соч. С.171).

²⁶ Капнист В.В. Указ. соч. С.170.

²⁷ Цит. по: Горн Ф.В. История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894. С.252.

²⁸ Современник. 1842. № 4. С.48

²⁹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т.1. С.266.

оного клонящиеся, должны быть приятны»³⁰, а Петр I не столько создал новую Россию, сколько вывел на свет старинные и скрытые сокровища.

Следуя за Рудбеком, Капнист создает работу, являющуюся последним звеном в истории бытования гиперборейского мифа в Северной Европе в XVI–XIX веках. Правда, в отличие от шведских ученых, о патриотических предположениях предшественников-иностранцев он не высказывается, не полемизирует с Рудбеком и не объявляет себя его продолжателем. В то же время концептуальная преемственность работ Рудбека и Капниста сомнений не вызывает, а ссылки Капниста на труд Рудбека говорят о принадлежности обеих работ к единой европейской традиции. В отечественной науке этот вопрос до сих пор остается неисследованным, в то время как в Европе предпринимались попытки найти «русского Рудбека». Вероятно, ввиду недостаточного знакомства европейских исследователей с русским материалом, русским аналогом всех шведских знаменитостей XVII века называется М.В.Ломоносов³¹. Надо отметить, что эта традиция возникла еще в середине XIX века. Так, в указанной выше анонимной шведской книге «Заметки о России, написанные во время краткого пребывания в Петербурге и поездки в Москву», Ломоносов называется «русским Шернфельмом», признанным, хотя и несовершенно, отцом национальной поэзии.

Находящиеся в прямой связи труды Рудбека и Капниста воспринимались современниками и ближайшими потомками как не имеющее отношения к науке безумие. Так, шведский ученый и библиотекарь Э.Бензелиус-младший в своих примечаниях к «*Svecia literata*» профессора Упсальского университета Ю.Шеффера дополнил его отзыв об «Атлантике», назвав книгу Рудбека «настоящим сумасшествием»³², а «некоторые просвещенные приятели» Капниста, которым он «сообщил» «только важное открытие», «сочли оное бредом». Правда, на восприятии трудов Рудбека и Капниста в Швеции и в России различная культурно-историческая обстановка в Швеции конца XVII и в России конца XVIII века все-таки сказалась: в отличие от труда Рудбека, рассуждения Капниста были «частной инициативой», государственно-идеологическую функцию не выполняли и сразу же были восприняты как курьез.

³⁰ Капнист. В.В. Указ. соч. С.167.

³¹ Knoespele K.J. *The Edge of the Empire: Rudbeck and Lomonosov and the Historiography of the North // In Search of an Order. Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason.* / Edited by U.Birgegård and I.Sandomirskaja. *Södertörn Academic Studies.* 2004. №19.

³² Eriksson G. *Op. cit.* P.341.

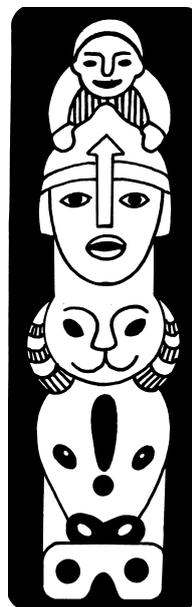
ЯРЛЫКИ И МИФЫ

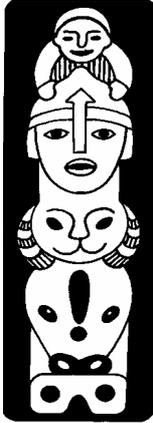
Дела становятся час от часу
мудренее, отношения сложнее;
а мы хотим пробавляться
не только старыми людьми,
но и старыми формами,
которые обветшали
даже просто от времени,
точно как изнашивается платье,
сначала прекрасное, щегольское,
дорогое, а под конец повислое,
в лохмотьях.

М. Погодин

Теперешние стремления,
мысли, страсти, волнения
кажутся мне пеной,
призраками, из-за которых
никак не стоит ставить
все будущее на карту.

К. Кавелин

Виктор Тополянский

**МЕТАФИЗИКА
БОЙКОТА
В МОСКОВСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Conflict situations that occurred in Moscow University in the late 19th century and were caused by insistent urge of medical department students to assert their rights to the full-fledged higher education and to get instruction from worthy and respected teachers. These situations are investigated on the grounds of archive materials, first of all, on the basis of Moscow law protection department's files. The article describes how the most famous Moscow therapist, distinguished ordinary Professor G.A.Zakhar'in had to resign in result of students' boycott.

Студенческие волнения, неоднократно сотрясавшие Московский университет, на исходе XIX столетия приобрели вдруг неожиданный и малопонятный для высокого начальства характер. На совершенно легальных основаниях, не выдвигая никаких политических требований, студенты медицинского факультета принялись отстаивать свои (по сути естественные) права на получение полноценного высшего образования и на обучение у достойных и уважаемых преподавателей. Всячески избегая каких-либо действий, способных возбудить у бдительных инстанций тревожную мысль о смуте или беспорядках, они воспользовались методом бойкота, неплохо зарекомендовавшим себя в 1880 году среди земледельцев Западной Ирландии. Если булыжник, как объявили впоследствии, был оружием пролетариата, то бойкот оказался булыжником студенчества.

Первый опыт бойкота

Непосредственный результат практического применения новой студенческой тактики зафиксировал профессор В.В.Марковников, занимавший кафедру химии Московского университета, в октябре 1893 года: «Между первыми сверхштатными [профессорами], назначенными по новому уставу [1884] года, были двое медиков: П[авлинов] и К[узьмин]. Первый просто ничтожество, но последний отъявленный негодяй, способный унижаться до последней степени не только перед высшими мира сего, но и перед всяким, в ком ему нужно заискивать. Он назначен по протекции покойного генерал-губернатора, у которого он лечил дворню¹. Вот какая стряслась с ним история.

Нынешний весной разнесся слух, что в хирургической клинике у К[узьмина] фельдшер занимается ростовщичеством, оперируя на деньги самого профессора. Склифосовский, который его терпеть не мог, заявил об этом на факультете, вероятно, переговорив сначала с попечителем². Факультет поручил декану сообщить об этом попечителю³. Последний

¹ Московским генерал-губернатором с 1865 по 1891 год был князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810–1891).

² Склифосовский Николай Васильевич (1836–1904) – «старый либеральный профессор», по определению В.И.Вернадского, в 1893 году был директором факультетской хирургической клиники Московского университета.

³ Деканом медицинского факультета в 1893 году был заслуженный ординарный профессор, директор института патологической анатомии на Девичьем поле Иван Федорович Клейн (1837–1922), а попечителем Московского учебного округа – граф Павел Александрович

произвел дознание и явное и тайное через сыскную полицию (это очень мило) и сообщил факультету, что никаких положительных доказательств участия К[узьмина] не найдено. Тем дело и предполагалось прикончить. Дistinguished профессора медицинского факультета, сообразив желание начальства, порешили предать дело воле Божией, хотя большинство их считают К[узьмина] вполне способным на такое деяние и вообще человеком для университета неприличным. Студенты взглянули на дело несколько иначе, и нынешний год из пятого курса ни один человек не записался на лекции К[узьмина]. Он уехал в Петербург объясняться. Интересно, как поступит министр»⁴.

Министр народного просвещения граф И.Д.Делянов управлял все-российским образованием с 1882 года. Петербургские сановники считали его человеком хоть и чрезвычайно хитрым, зато разносторонне образованным, умным и доброжелательным, готовым облагодетельствовать чуть ли не каждого просителя. Московская профессура не имела, однако, единого мнения о достославном министре: одни видели в нем всего лишь пронырливого лакея, лишенного каких-либо нравственных побуждений, другие же – сиятельного проходимца, стремившегося «уничтожить всякую самостоятельную жизнь университетов и подчинить все народное образование в России бюрократическому произволу»⁵. В 1893 году министр производил впечатление полуразрушенного геронтократа; поскольку его шарообразную фигуру украшали уже все знаки отличия Российской империи, художник В.М.Васнецов уверял окружающих, что ко дню коронации Николая II графу Делянову пожалуют при особом рескрипте соску⁶. Тем не менее министр сохранял всю прежнюю изворотливость и острое конъюнктурное чутье образцового чиновника.

Сановник достаточно эрудированный и сметливый, Делянов не мог не сознавать, что наука и особенно доброкачественное высшее образование несут в себе нередко фатальную угрозу абсолютной власти вообще и древним устоям самодержавия в частности. Рассказывали, будто на вопрос, почему такой крупный и самобытный религиозный философ, как В.С.Соловьев, не занимает университетскую кафедру, министр от-

рович Каннист (1840–1904), юрист, бывший прокурор Московской судебной палаты, автор нескольких публикаций о классическом образовании, сенатор.

⁴ Марковников В.В. Записки // Русский Архив. 1910. №3. С.391–392.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф.1337. Оп.1. Д.217. Л.19; Марковников В.В. Указ. соч. С.367; Чичерин Б.Н. Записки прошлого: Москва сороковых годов. М., 1929. С.207.

⁶ Нестеров М.В. Воспоминания. М., 1985. С.201.

ветил: «У него мысли». Свое кредо по поводу университетской профессуры он изложил в конфиденциальном письме попечителю Московского учебного округа: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»⁷. И все же человеку, занимавшему государственный пост министра, надлежало непрестанно проявлять хотя бы видимость заботы о народном просвещении, так что положение его было поистине хуже губернаторского.

В конце января 1893 года граф Делянов посетил недавно (около пяти месяцев назад) открытые на Девичьем поле клиники Московского университета, в том числе госпитальную хирургическую клинику, которой заведовал экстраординарный профессор Кузьмин, и остался весьма доволен постановкой преподавания на медицинском факультете⁸. На высокое московское начальство Кузьмин тоже производил весьма отрадное впечатление. Не случайно свой первый орден, Святой Анны 3-й степени с мечами, он получил в 1877 году (на втором году службы!), а двумя последующими – Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святого Владимира 3-й степени – его удостоили в 1882 и в 1887 годах⁹. И вот как гром среди ясного неба: ранней осенью 1893 года, вскоре после летних каникул, министра народного просвещения настигла информация, бросившая густую тень на профессора Кузьмина.

Мало того, что Кузьмин активно рекламировал себя в печати (в частности, в газете «Московские Ведомости») и клеветал на коллег (прежде всего на своего учителя – всеми уважаемого Склифосовского), чтобы отбить у них пациентов; мало того, что профессор учил подчиненных (и заодно студентов), как задерживать выздоровление больных, чтобы вытянуть из них лишние деньги, и воровал в клинике хирургические инструменты для оборудования собственной лечебницы; так он еще в доле с фельдшером клиники создал негласную ссудную кассу и занялся, как обнаружилось при секретном полицейском расследовании, ростовщичеством¹⁰. Особенно же удручало министра поведение студентов, хорошо осведомленных о всех плутнях Кузьмина и полагавших (с при-

⁷ Орлов В.И. *Студенческое движение Московского университета в XIX столетии*. М., 1934. С.96.

⁸ *Московские Ведомости*. 1893. 24 января.

⁹ *Список гражданским чинам четвертого класса*. Исправлен по 15 октября 1896 года. СПб., 1896. С.1511.

¹⁰ Орлов В.И. *Указ. соч.* С.255–257; Розанов В.В. *Уединенное*. М., 1990. С.225.

сущей молодости горячностью), будто такого рода профессорам не место в порядочном обществе.

Для погашения тлевшего скандала Деянов использовал прием, ставший спустя много лет рутинным в номенклатурных маневрах; по распоряжению министра фельдшера, державшего потаенную ссудную кассу, уволили, а профессора Кузьмина, обиженного студентами, 14 октября 1893 года передвинули по университетской горизонтали. Решение министра отразилось в прессе 25 октября того же года в форме краткого извещения, удовлетворившего и студентов, и преподавателей: «Профессор по кафедре хирургии Императорского Казанского университета Левшин переводится в Москву директором госпитальной клиники на место профессора В.И.Кузьмина, который переводится в Казань на место г. Левшина»¹¹.

В том же октябре профессор Марковников записал в своем дневнике: «Мне передавали из верных источников, что в Хирургическом Обществе предполагалось поднять вопрос об исключении К[узьмин]а из членов. Предупрежденный своевременно, К[узьмин] прислал заявление о выходе из членов как раз в то заседание, когда должен был обсуждаться вопрос о его баллотировке. Бедный Казанский университет! Попечителем там битый студентами в бытность его там же инспектором»¹².

Признанный безусловно полезным для высоких инстанций, преподаватель Кузьмин, повышенный в звании до уровня ординарного профессора и получивший чин действительного статского советника, руководил факультетской хирургической клиникой Казанского университета ровно три года. Затем он вышел в отставку вследствие «тяжкой болезни», вернулся в Москву, поселился в собственном доме на Садовой-Кудринской улице и принялся обслуживать платежеспособных пациентов, обещая им полное исцеление от любых хирургических, урологических или гинекологических заболеваний в своей частной лечебнице. За несколько лет до революции он был избран гласным Московской городской думы. В середине XX века, когда в стране началась кампания за приоритеты отечественной науки, о нем вспомнили; его не возвели в ранг великого хирурга, но в целях восстановления «исторической спра-

¹¹ *Московские Ведомости*. 1893. 25 октября; *Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1893 год*. М., 1895. С.157.

¹² В должности попечителя Казанского учебного округа с 1890 года подвизался тайный советник Николай Гаврилович Потапов (?–1894), получивший прилюдно звонкую оплеуху во время студенческих беспорядков в декабре 1887 года. Известия о таких происшествиях разносились по университетским городам Российской империи незамедлительно.

ведливости» именем профессора Кузьмина предложили называть разрезы при нагноительных процессах в коленном суставе и метод лечения переломов посредством внутрикостного введения металлического стержня¹³.

Очередная коллизия

В марте 1896 года Московский университет поразило известие из ряда вон выходящее: тайный советник и почетный член Петербургской Академии наук, кавалер орденов Белого Орла и Святого Александра Невского, заслуженный ординарный профессор Г.А.Захарьин, свыше 30 лет возглавлявший факультетскую терапевтическую клинику, объявил о своем намерении выйти в отставку. Еженедельник «Врач» незамедлительно разнес эту новость по всем городам Российской империи¹⁴.

Современники не спешили предать гласности обстоятельства, побудившие маститого профессора расстаться с государственной службой. Лишь в декабре 1897 года ультрапатриотическая газета «Московские Ведомости» глухо пробурчала о каких-то «темных влияниях», вынудивших Захарьина «прервать преподавание»¹⁵. Спустя еще 15 лет вдова министра народного просвещения (в прошлом ректора Московского университета, потом попечителя Московского учебного округа) Н.П.Боголепова, убитого в 1901 году эсером-террористом, пояснила, что «темные влияния» исходили как от студентов, решивших вдруг игнорировать лекции увенчанного шумной, хотя и разноречивой, славой врача и педагога, так и от некоторых профессоров медицинского факультета, порицавших «манеру чтения» Захарьина и его «дурное отношение к больным»¹⁶.

Вскоре после этой публикации популярный литератор В.В.Розанов в своей дневниковой прозе (1913) изобразил юного революционера Володю, якобы стучавшего ногами (вместе с другими студентами) при появлении в аудитории знаменитого профессора: «Захарьин был аристократ и лечил только богатых, а Володя был беден и демократ, и хотел, чтобы он лечил бедных. Поэтому (стуча ногами) он стал требовать у начальства, чтобы оно

¹³ *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / Загоскин Н.П. – ред. Т.2. Казань, 1904. С.237; Ортопедия, травматология и протезирование. 1955. №2. С.55–57; Хирургия. 1952. №7. С.76.*

¹⁴ *Врач. 1896. №13. С.383.*

¹⁵ *Московские Ведомости. 1897. 24 декабря.*

¹⁶ *Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. М., 1912. С.116–119.*

выгнало Захарьина, но оно предпочло выгнать несколько студентов и оставить Захарьина, который лечил всю Россию»¹⁷. Дав полную волю своему неукротимому воображению, Розанов сумел не только обратить Захарьина – потомка захудалого саратовского помещика – в аристократа, но и добавить к прошедшему домысленный им перестук студенческих каблуков. В действительности с ноября 1895 года на лекциях Захарьина установилась глубокая тишина, не нарушаемая ни скрипом перьев, ни шорохом тетрадей многочисленных прежде слушателей.

Почти 30 лет на медицинском факультете Московского университета бытовало мнение о чрезвычайной важности и поучительности клинических лекций Захарьина. Тем более непостижимой для самого профессора и университетской администрации оказалась резолюция, принятая на сходке студентов четвертого и пятого курсов медицинского факультета в первой декаде ноября 1895 года, о наказании Захарьина «за небрежное отношение к своим обязанностям, за дурное ведение клиники, за содействие путем влияния неправильному назначению профессоров»¹⁸.

О своем постановлении студенческая депутация уведомила Захарьина 12 ноября. Изумленный профессор совершенно потерялся и промолчал. На следующий день, 13 ноября, вместо обычных двухсот человек на лекции Захарьина присутствовали только четверо; остальные толпились за дверями аудитории. Через день, 15 ноября, лекцию Захарьина посетили лишь семеро студентов¹⁹.

Поскольку студенты оплачивали лекции у выбранного ими преподавателя, заработок университетского профессора в немалой степени зависел от числа его слушателей. Миллионер Захарьин давно прославился на всю страну своей уникальной алчностью. Проказливые студенты даже сочинили про него песенку на широко известный когда-то мотив: «Уж я золото хороню, хороню, уж я серебро берегу, берегу»²⁰.

Однако предстоящее падение доходов от лекций Захарьина ничуть не взволновало. Еще в 1885 году он предоставил в распоряжение правления Московского университета и гонорар со слушателей, и специальное вознаграждение, причитавшееся ему за чтение лекций (1 200 рублей в год), с тем, чтобы эти немалые по тем временам деньги распределялись впредь (на весь последующий период его службы) в виде пособий

¹⁷ Розанов В.В. Указ. соч. С.301.

¹⁸ Боголепова Е.А. Указ. соч.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.63. Оп.14. Д.471. Л.3–4; Оп.15. Д.45. Т.1. Л.158–160.

²⁰ РГАЛИ. Ф.199. Оп.1. Д.24. Л.10.

среди малоимущих больных и низкооплачиваемого персонала факультетских клиник, а также среди «недостаточных и прилежных студентов». Непосредственным толчком к столь торопавшемуся даянию стали опубликованные весной 1885 года коллективные письма московских врачей, протестовавших против оскорбительного для всего врачебного сословия обращения Захарьина с коллегами²¹. Бурную полемику по этому поводу в медицинской печати решительно пресек тогда один из влиятельных покровителей Захарьина – московский генерал-губернатор.

Через десять лет после того популистского пожертвования Захарьина ошеломило совершенно непредвиденное и, главное, демонстративное пограние его незабываемой, как он полагал, репутации. Потрясенный профессор немедленно донес до сведения начальства свои печали и претензии. Попечитель Московского учебного округа Н.П.Боголепов и ректор университета П.А.Некрасов пообещали принять необходимые и самые строгие меры, а Захарьину предложили продолжить чтение лекций в соответствии с утвержденным расписанием. Уже на следующий день руководители высшего образования подбросили свое сучковатое полено в разгоравшийся костер студенческого максимализма. По согласованию с министром народного просвещения Боголепов начертал специальное объявление, посулив не засчитывать текущее полугодие тем, кто собирался и впредь игнорировать лекции заслуженного профессора Захарьина, а потом перевести крамольников в другие университеты²². Угроза подействовала: в декабре число слушателей на лекциях Захарьина увеличилось до 80–100 человек, но, к вящему огорчению университетской администрации, обращенное к студентам предостережение Боголепова через несколько дней попало в прессу²³.

Между тем Московское охранное отделение, встревоженное странной смутой на медицинском факультете, потребовало от своих осведомителей подробностей о настроениях среди учащихся. Наибольшее внимание тайной полиции привлекли полученные агентурным путем две выписки из студенческой корреспонденции. В одной из них, датированной 16 января 1896 года, отмечалось только, что «акции Захарьина здесь сильно упали», зато в другой, от 14 декабря 1895 года, содержалась весьма существенная информация:

²¹ *Медицинское обозрение*. 1885. Т.23. №12. С.1217–1227; *Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1885 год*. М., 1887. С.55–56.

²² *Врач*. 1895. №49. С.1396.

²³ *Там же*; *Сын Отечества*. 1895. 2 декабря.

«Решение студентов не посещать более со второго полугодия лекций Захарьина для него тем более неприятно, что он не встретил почти никакой поддержки со стороны профессоров Университета: так сильно насолил он всем. Интересно, чем кончится вся эта история. Знаменательный факт: среди студентов сильное движение, серьезное скандальное решение, и все это происходит тихо, гладко, без шума, без полиции, на законном основании, не выходя за пределы, положенные Университетским Уставом. Такое движение гораздо серьезнее и гораздо плодотворнее, чем так называемые студенческие беспорядки»²⁴.

Чтобы очистить «храм науки» от новоявленной крамолы и найти ее вдохновителей, попечитель Московского учебного округа Боголепов обратился к собственным осведомителям. В своей административной деятельности попечитель придерживался обычно принципа, изложенного им как-то раз, еще когда он был ректором, преподавателям Московского университета: «Я всегда более поверю чиновнику канцелярии, чем профессору, потому что чиновники от меня зависят, а профессора нет»²⁵. Со временем он стал тем не менее прислушиваться и к профессорам. В первые месяцы 1895 года два благонамеренных профессора медицинского факультета, терапевты Н.А.Митропольский и М.П.Черинов, исправно докладывали Боголепову о поведении и умонастроении коллег и студентов²⁶.

Соединенными усилиями университетских фискалов удалось изобличить в симпатиях к студентам и неприязни к Захарьину двух видных профессоров медицинского факультета, известных своим вольномыслием и своенравием, – хирурга П.И.Дьяконова и терапевта А.А.Остроумова. Оба профессора-«подстрекателя» заверили Боголепова в своей готовности держаться в дальнейшем более сдержанно, а студентам посоветовали до конца текущего семестра отрядить на лекции Захарьина определенное число слушателей, однако на следующее полугодие записаться на лекции к профессору К.М.Павлинову²⁷. В соответствии с про-

²⁴ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.471. Л.7–8, 49.

²⁵ РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.217. Л.61; Русский Архив. 1910. №3. С.361.

²⁶ Русский Архив. 1913. Кн.1. С.8–60.

²⁷ Павлинов Константин Михайлович (1845–1933) – терапевт, доктор медицины (1871), владелец частной лечебницы внутренних болезней в Леонтьевском переулке, действительный статский советник. Назначенный сверхштатным экстраординарным профессором факультетской терапевтической клиники (1885), фактически дублировал Захарьина, целиком поглощенного своекорыстными интересами и сократившего до минимума преподавательскую деятельность. Осенью 1899 года Павлинова переместили на кафедру

граммой преподавания на медицинском факультете, не менявшейся на протяжении ряда лет, лекции для студентов четвертого курса читали (причем в одни и те же дни и даже часы) два профессора – Захарьин и Павлинов, но только первый в клинике на Девичьем поле, а второй на территории Новоекатерининской больницы. Студентам предоставлялась, таким образом, полная свобода выбора того или другого профессора.

Наступивший 1896 год принес Захарьину очередные огорчения. Уже в начале января выяснилось, что почти весь четвертый курс, за исключением 17 человек, выразил желание отбывать свою учебную повинность на лекциях профессора Павлинова, тогда как третий курс в полном составе не записался на лекции к профессору Н.Ф.Голубову – ставленнику Захарьина²⁸. Надежды на более или менее благополучное разрешение конфликта в связи с этим совершенно угадали. И профессура, и администрация отчетливо понимали, что студенты третьего курса, перейдя на следующий курс, на лекции Захарьина не запишутся.

Разъяренный Захарьин потребовал от начальства наложить запрет на лекции Павлинова, а заодно разобраться «по понятиям» с другими профессорами, «возбуждавшими студентов». Спустя три десятилетия профессор Голубов – самый верный ученик и вместе с тем ретивый биограф Захарьина – рассказал, как выражал его шеф свое негодование: «При своем самолюбии, при своей нервности, он был прямолинеен и часто резко не воздержан. Не подать руки, сказать в глаза неприятную правду было его нередким способом защиты и нападения. Мне пришлось быть свидетелем тяжелой сцены, когда он, стуча кулаком, кричал у себя в кабинете на ректора нашего университета, математика Н[екрасова]

частной патологии и терапии в звании ординарного профессора. В 1902 году его утвердили в должности директора госпитальной терапевтической клиники на Девичьем поле, а в начале 1909 года он вышел в отставку по болезни.

²⁸ Голубов Николай Федорович (1856–1943) – терапевт, действительный статский советник, сверхштатный экстраординарный профессор кафедры частной патологии и терапии (1893–1912), ординарный профессор и директор факультетской терапевтической клиники (1912–1917). В апреле 1917 года отрешен от занимаемой должности как лицо, не избранное медицинским факультетом, а назначенное министром народного просвещения Л.А.Кассо. В отставке поселился на Южном берегу Крыма, занимался частной практикой, позднее консультировал в номенклатурной поликлинике. Осенью 1943 года скончался в оккупированной германскими войсками Ялте, слушая по радиоприемнику сводку военных действий. (Клиническая медицина. 1982. №11. С.120–123; 1989. №8. С.146–149.)

(весьма почтенного и порядочного человека) за какой-то его не вполне корректный, по мнению Захарьина, поступок»²⁹.

Излить свой гнев на попечителя Московского учебного округа Захарьин не посмел, но разжалобить Боголепова речением о несправедливости происходящего попробовал. Боголепов же, в свою очередь, счел за благо в пререкания с Захарьиным не вступать, ибо отлично понимал, что запрещение лекций Павлинова только «подольет масла во вражду». Кроме того, Боголепову хотелось, чтобы все случившееся послужило «недурным уроком Захарьину»³⁰. Так что отныне у Захарьина оставался единственный пристойный выход из сложившейся ситуации – отставка по окончании весеннего семестра.

Переписка о сатисфакции

Рассчитывая хоть немного смягчить жестокий удар, нанесенный студенчеством по самолюбию именитого профессора, товарищ (заместитель)

министра народного просвещения Н.М.Аничков выдвинул кандидатуру Захарьина в состав медицинской испытательной (иными словами, государственной экзаменационной) комиссии, утверждаемой особым распоряжением министра народного просвещения. После долгих размышлений Захарьин отверг это предложение. Мотивы своего отказа он изложил в коротком письме Аничкову:

«Глубокоуважаемый Николай Милиевич! Прошло четыре недели со времени Вашего отъезда, и в это время, волей-неволей наблюдая ход дел, мне не раз пришлось подумать о назначении меня членом испытательной комиссии. Результат наблюдений и дум таков, что я решительно не могу взять на себя этой обязанности – для меня необычной, по состоянию здоровья даже непосильной, в данном случае мне антипатичной и по своей действительности равняющейся капле в море.

Снисходительно извините за беспокойство преданного Вам Г.Захарьина.

Москва, 2 февраля 1896 [года]»³¹.

Безмерно огорченный крушением министерского замысла, Аничков схватился за перо. Возымев намерение раззадорить упрямого Захарьина, он воззвал к его самолюбию, патриотизму и чинопочитанию:

²⁹ Голубов Н.Ф. *Еще о профессоре Захарьине* // *Азербайджанский медицинский журнал*. 1928. №1. С.8–11.

³⁰ Боголепова Е.А. *Указ. соч.*

³¹ РГАЛИ. Ф.1009. Оп.1. Д.7. Л.1.

МЕТАФИЗИКА БОЙКОТА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Глубокоуважаемый Григорий Антонович, на письмо Ваше от 2 февраля я отвечал Вашему Превосходительству 4-го того же месяца, адресуясь в университет, но пока не получил от Вас письма, хоть вскоре после моего письма, и как бы в дополнение к нему, было послано 5-го или 6-го февраля письмо Графа Ивана Давидовича [Деянова]. Недоумеваю о причине отсутствия Вашего отзыва по весьма интересующему нас обстоятельству; хоть я и льщу себя надеждой, что в данном случае молчание есть знак согласия, но решаюсь еще раз беспокоить Вас.

Дело в том, что Вы, как русский человек и патриот, желающий добра родному университету, должны, по моему мнению, поддержать намерение Правительства обуздать студентов, которые дерзают действовать против почтенных профессоров и даже против Вас. В чем же ином со стороны ученого профессора может выразиться воздействие на студентов, как не в строгой проверке их познаний? Вы, студенты, не хотите заниматься, находите, что много знаете, что можете пренебрегать лекциями и не посещать того или иного профессора, так покажите предо мною, членом испытательной комиссии, ваши знания по разным предметам медицинского курса, и тогда я удостоверюсь, действительно ли вы так подготовлены, что не нуждаетесь в течение курса ни в моих лекциях, ни в занятиях у некоторых других профессоров.

Требуется ли для этого постоянное Ваше присутствие на всех испытаниях? Совершенно нет. Важно, что студенты будут знать, что учнейший и почтенный профессор Захарьин, который ни в какие сделки со студентами не вступает и интригами против сослуживцев не занимается, состоит членом комиссии и может на каждом экзамене спросить каждого из них.

Конечно, в Москве отлично всем известно, что Вам, с Вашего согласия, предложено быть членом комиссии. Варшава тоже знает это от будущего председателя комиссии, ректора Ковалевского. Нет сомнений, что это известно всем университетам. Вы, глубокоуважаемый Григорий Антонович, составляете слишком крупную величину, каждым шагом которой очень интересуются. Теперь тоже скоро станет известно, что вы отказались, и, конечно, Союзный Совет и всякая подпольная интрига припишут это своему влиянию, что должно значительно поднять престиж этих сборищ. Противная Вам профессорская партия признает, что Захарьин отказался из страха перед нею.

О назначении Вашем мною лично было сообщено еще в Москве Великому князю Сергею Александровичу, и Его Высочество изволил при-

знать это назначение прекрасным³². Неужели же Вы решитесь обидеть Вашим отказом искренне и всегда душевно Вам преданного Графа Ивана Давидовича? Ваш отказ теперь гораздо хуже для Министерства того, если бы Вы совершенно не согласились. Нет, лучше идите во имя доброго дела и последуйте мудрому изречению русского народа: давши слово, держись.

С глубоким всегдашним почитанием и искренней преданностью покорный слуга Н. Аничков.

С.-Петербург, 11 февраля 1896 г[ода]³³.

На вкрадчивые уговоры влиятельного чиновника Захарьин не поддался. О неизменности своей позиции он уведомил Аничкова незамедлительно, сохранив по привычке черновик своего письма среди прочих важных бумаг:

«Глубокоуважаемый Николай Милюевич! Вчера к вечеру я получил Ваше письмо от 11 февраля. Письма Вашего от 4 февраля, о котором Вы пишете, я не получал, но ожидал его (зная о нем из письма ко мне Графа Ивана Давидовича) и потому замедлил ответом Его Сиятельству.

Ответ мой Графу [Десянову], посланный третьего дня, без сомнения, уже известен Вам и я должен прибавить лишь немного. Вы пишете: "Давши слово, держись". Не говоря о том, что я, как Вам известно, долго колебался и весьма неохотно согласился на мое назначение членом испытательной комиссии, сомневаясь в его значении в данном случае, – я послал свой отказ не на другой день после своего согласия, а через месяц, убедившись из хода дел, как справедливы были мои сомнения: ко мне записалось из курса более чем в 250 человек лишь 17 (и им грозят всяческими неприятностями), а интрига, смутив в прошлом семестре через подпольную организацию 5-й и 4-й курсы, теперь с тем же успехом и тем же орудием морочит, фабрикует, застрачивает и, в конце концов, срывает слово на 3-м и 2-м [курсах]; и все это известно, и все это совершается беспрепятственно.

Вот когда, нуждаясь в напряжении всех сил для успешного преподавания, которым только и борюсь (давно уже) с интригой, – и безусловно убежденный в бессилии моего или чьего бы то ни было участия в испытательной комиссии для борьбы с интригой и ее орудием – подпольной

³² Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – сын императора Александра II, генерал-губернатор Москвы (1891–1905), убитый эсером И.П.Каляевым.

³³ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф.205. Е.х.2. Л.36–37.

организацией, – здесь нужно действие власти, – я должен был отказаться.

Преданный Вам Г. Захарьин.

Москва, 15 февраля 1896 [года]³⁴.

В смутной надежде вернуть себе утраченный престиж в Московском университете Захарьин вознамерился подкупить общественное мнение всей Российской империи. С этой целью в конце февраля 1896 года он объявил о своей готовности пожертвовать пятьсот тысяч рублей на устройство церковно-приходских школ в Пензенской и Саратовской губерниях да еще наобещал через год снова выделить такую же сумму на нужды начального образования³⁵. Выбор объектов для демонстрации феноменальной щедрости благотворителя определялся сентиментальной мотивацией: в Пензе он родился, а в Саратове окончил гимназию.

Когда неугомонная пресса разнесла во все пределы империи сенсационную новость о профессоре-меценате, Захарьин обратился к обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву с просьбой исходатайствовать Высочайшее дозволение на пожертвование. «Я желал бы, – писал он 6 марта, – положить 500 000 рублей 4% Государственной ренты на вечное время, неприкосновенно и необращаемо на другие цели в Московскую контору Государственного банка с тем, чтобы контора свое- временно посылала проценты – одну половину Пензенскому преосвященному, а другую – Саратовскому в их непосредственное распоряжение, без привлечения к участию в оном духовных консисторий, для пособия в беднейших приходах церковно-приходским училищам или для устройства таковых»³⁶.

Растроганный Святейший Синод постановил преподавать Захарьину «свое благословение с выдачей установленной грамоты и книги Библия» и поручил Победоносцеву изъявить профессору признательность «за содействие к насаждению начал христианского воспитания в народе». О Высочайшей санкции на пожертвование и благодарности Святейшего Синода Победоносцев поставил в известность Захарьина 13 мая 1896 года. Однако специальный указ о распределении ежегодных поступлений с означенного капитала (на содержание церковно-приходских школ, устройство новых учебных заведений и вознаграждение

³⁴ Там же. Л.17, 17 об.

³⁵ Медицина. 1896. № 10. С.157; Сын Отечества. 1896. 23 февраля.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф.205. Е.х.1. Л.11.

священнослужителей в беднейших приходах) Святейший Синод принял только 3 октября 1897 года³⁷.

Гомерическое пожертвование не принесло новоявленному филантропу ни славы, ни почестей, а лишь обострило затянувшийся конфликт: в Москве полумиллионный дар восприняли как очередную выходку профессора-самодура, предпринятую им, по словам А.В.Амфиатрова, «в пик у университету»³⁸. Повторное финансовое вливание в провинциальные учебные заведения потеряло в связи с этим какой-либо смысл, и о своем обязательстве ассигновать еще пятьсот тысяч рублей для церковно-приходских школ Захарьин больше не вспоминал.

Комментарии Союзного Совета

Вспыхнувший на медицинском факультете скандал университетская администрация и тайная полиция объясняли, главным образом, пагуб-

ным влиянием на учащихся постоянно функционировавшей студенческой организации, именовавшей себя Союзным Советом 45-ти объединенных землячеств. Учрежденный в 1884 году на основании принятого тогда Университетского Устава и ежегодно обновляемый, Союзный Совет существовал вполне легально, пользовался абсолютным авторитетом среди учащихся и поэтому находился под неусыпной опекой Московского охранного отделения, безудачно вербовавшего на каждом курсе секретных осведомителей из участников этого альянса и рядовых студентов.

Свое мнение относительно коллизии на медицинском факультете, не совпадающее, разумеется, с воззрениями университетского и полицейского начальства, Союзный Совет изложил письменно в марте 1896 года. В начале апреля того же года попечитель Московского учебного округа препроводил Московскому обер-полицмейстеру адресованное студентам и преподавателям послание («прокламацию», по выражению Боголепова) Союзного Совета по поводу конфликта учащихся с профессором Захарьиным:

«В первых числах января 1895 года студентам четвертого курса медицинского факультета было объявлено о вновь открывающемся курсе частной патологии профессора Попова³⁹. О Попове студенты знали дав-

³⁷ Там же. Л.15–17.

³⁸ Новое Время. 1897. 28 декабря.

³⁹ Попов Петр Михайлович (1862–1920) – терапевт, почетный лейб-медик, действительный статский советник. Окончив медицинский факультет Московского университета

но; слышали, что он когда-то скандально защищал диссертацию и, несмотря на это, все-таки получил профессуру; знали, что уже несколько лет тому назад среди медиков старших курсов поднимался о нем вопрос, когда он пытался читать лекции, и что курс его почему-то не состоялся; но главное знали, что Попов не был даже приват-доцентом и не имеет за собою ни одного научного труда. Это последнее обстоятельство заинтересовало студентов.

По наведении справок выяснилось, что Попов получил кафедру благодаря протекции Захарьина. Высказываясь принципиально против назначения профессоров путем протекции, студенты и на этот раз выразили свой протест, отказавшись слушать Попова. По опыту они знали, кого мог выдвинуть и выдвигал Захарьин. Умерший Войтов проведен был им даже наперекор факультету⁴⁰. Голубов, которому профессора уже не подают руки, – студенты не без основания считают его полнейшей бездарностью, почти не посещают его лекций, – тоже ставленник Захарьина⁴¹.

(1886), служил ординатором (1888–1891), потом сверхштатным ассистентом (1891–1894) факультетской терапевтической клиники. С мая по август 1894 года по протекции Захарьина наблюдал за течением болезни великого князя Георгия Александровича, страдавшего туберкулезом легких, затем около двух месяцев находился при царском дворе, формально в качестве одного из лечащих врачей Александра III. Вызвал стойкую неприязнь обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева, именовавшего Попова не иначе, как «лакеем Захарьина» (Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. С.351–353). Тем не менее в ноябре 1894 года Попов получил звание почетного лейб-медика и стал экстраординарным профессором факультетской терапевтической клиники.

⁴⁰ *Войтов Александр Иванович (1853–1895) – бактериолог, ученик А.И.Бабухина и Л.Пастера, заведующий бактериологической лабораторией, присоединенной в 1892 году к факультетской терапевтической клинике; приват-доцент Московского университета, читавший систематический курс бактериологии (1891–1895). Весной 1895 года во время лабораторного эксперимента колба с вирулентными микроорганизмами лопнула и ее содержимое брызнуло Войтову в лицо и глаза. Через несколько дней у него установилась стабильная лихорадка, и спустя четыре месяца тяжких мучений он скончался от сепсиса (РГАЛИ. Ф.637. Оп.1. Д.4. Л.83–89). Упоминание его фамилии в письме Союзного Совета по сути некорректно: Войтов оказался одной из жертв героической медицины.*

⁴¹ *Отдельных преподавателей медицинского факультета, внимательно следивших за прессой, возмутил очерк Голубова «О направлениях в русской клинической медицине», опубликованный в газете «Медицина» (1894. №1. С.4–12; №3. С.36–43) и сразу же перепечатанный в качестве приложения к четвертому выпуску лекций Захарьина (1894). Пустив в ход известный демагогический прием использования оборванной или вырванной*

Назначение Попова было последней каплей, переполнившей чашу недовольства студентов деятельностью Захарьина, если только возможно так назвать его давнее отношение к клинике и студентам-медикам и, наконец, сферу влияния его во врачебном мире вообще.

Терапевтическая факультетская клиника – одна из самых важных. В ней студенты должны научиться определять болезни и познакомиться с различными их видами. Она поставлена так плохо, что заниматься в ней положительно невозможно. Ординаторы в большинстве случаев обнаруживают полнейшее невежество в своем деле и держатся в клинике лишь благодаря своему всем известному лакейству. Ходячее выражение среди врачей "вышел из мальчиков" означает выход из захарьинских ординаторов. Да и этих-то ординаторов ни студенты, ни больные не могут доискаться. Добрая половина их по приказанию Захарьина с полной готовностью принимает у него на дому, другие являются только на приемы больных, а все в сборе бывают только тогда, когда приезжает в клинику сам Захарьин.

Больных кладут в клинику без всякого разбору, кладут иногда самых неподходящих после того, как последние дадут ординатору взятку. Сам Захарьин тоже мало интересуется больными. В 1893 году он ни разу не заглянул в палаты. В прошлом [1895] году там лежал помощник исправника из Курской губернии. Он лежал два месяца и ему ни разу не удалось увидеть профессора, так что он просил ординатора показать ему Захарьина, чтобы иметь возможность рассказать про него дома. В 1894 году Захарьин сделал один обход клиники, но что это был за обход...

Около часу Захарьин сидит в своем кабинете, пьет кофе и выслушивает по очереди доклады ординаторов; остальные безмолвно стоят у дверей. Часы во всех палатах останавливаются, прислуга ходит на цыпочках, студентов просят не ходить, так как профессор не любит присутствия их на обходе. Через час все ординаторы разбегаются по палатам, а сам Захарьин в сопровождении Голубова торжественно поднимается на машине [на лифте] в верхние мужские палаты. Каждому больному он

из контекста цитаты и беззастенчиво передергивая факты, Голубов постарался максимально возвеличить своего наставника Захарьина (и, соответственно, его клиническую школу), оклеветав попутно антипода московской знаменитости – профессора С.П.Боткина (и созданную им Петербургскую клиническую школу). Безоговорочно одобренное высоким начальством, сочинение Голубова было вскоре растиражировано в виде брошюры, выпущенной в свет однократно в Петербурге (1894) и дважды в Москве (1894, 1895). После этого значительная часть московской профессуры сочла для себя невозможным подавать руку сослуживцу Голубову.

МЕТАФИЗИКА БОЙКОТА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

уделяет не более двух минут времени, усаживается на стул на приличном от него расстоянии, задает ему вопрос: "Лучше ли вам?". Больной отвечает "да" или "немного". – "Ну ничего, будьте здоровы", – затем к следующему и т.д. Через 15 – 20 минут обход окончен, и Захарьин, не заглядывая в помещающиеся внизу женские палаты, отправляется домой.

Трудно, конечно, при таком отношении знать, что делается в клинике и вести дело как следует. А как ведется там дело, показывают следующие факты. В клинику Захарьина в 1893 году привозят отравившегося студента Галенковского. Из захарьинских ординаторов в клинике не было никого, так что пришлось пригласить ординатора из соседней клиники Склифосовского. Захарьинские ординаторы явились только через несколько часов.

Но не лучше бывает, если там кого-либо и застанут. Весной того же года в клинику привезен был студент Лавринайтис с явлениями острого воспаления брюшины. Ординатор Никулин⁴² отказался его принять, боясь холеры. Привезший студент заявил, что оставит в таком случае больного в приемном [покое]. "А я отправлю его в участок", – возразил Никулин. Нужно заметить, что клиника Захарьина никогда не бывает полна, следовательно, больного во всяком случае можно было принять. Лавринайтис был помещен в Остроумовскую клинику, где и умер через три дня. Вышла целая история. Инспектору Доброву пришлось извиняться за Никулина, и студентам было объявлено, что больных студентов в клинику принимать будут.

Выяснилось также, что в прошлом году в Остроумовскую клинику явилась больная и просила положить ее; ординатор Лебедев нашел ее неподходящею. Тогда она спросила у присутствовавшего студента совета, не дать ли ординатору взятку, и объяснила, что два месяца назад она дала взятку ординатору у Захарьина и тот положил ее в клинику; облегчения там она не получила.

⁴² Никулин Владимир Васильевич (1856–1912) – терапевт; статский советник. По окончании медицинского факультета Московского университета (1884) служил ординатором, затем штатным ассистентом факультетской терапевтической клиники. Через пять месяцев после скандального увольнения Захарьина, в начале октября 1896 года, был вынужден подать в отставку. Занимался частной практикой; считался «специалистом по грудным болезням», однако предлагал свои услуги каждому, кто хотел бы избавиться от хронических заболеваний внутренних органов или нервной системы и даже открыл собственную гинекологическую лечебницу в Аптекарском переулке. С 1909 года работал врачом в Иверской общине Красного Креста и в одной из московских гимназий.

Таким образом кладутся больные. Само собою разумеется, что при такой постановке дела хорошего обращения с ними нельзя и ждать. Лежат они без присмотра, кормят их чем попало, надевают чистое белье только тогда, когда больному надо выходить на лекцию. Вот наиболее яркие случаи, характеризующие обращение с больными. В 1894 году из Захарьинской клиники перешла в Остроумовскую барышня, институтка, знакомая одного студента. Оказалось, что Никулин делал ей грязные предложения, требуя [от нее] согласия как условия дальнейшего пребывания ее в клинике. Рядом с ней лежала швея. Никулин и к ней обращался с тем же. Через несколько времени выписалась и швея и, по всей вероятности, рассказывала своим знакомым о положении больных в Захарьинской клинике.

Профессор, вероятно, не знал про это, но если и знал, то отношение его к подобным фактам уже известно. В 1891 –1892 годах в отдельные платные палаты на женском отделении было положено несколько больных. Старост просили не назначать к ним кураторов. Относительно таинственных больных одни из ординаторов говорили, что это родственницы Захарьина, другие, что с женскими болезнями. Но вскоре оказалось, что это были проститутки. В присутствии всей аудитории староста 4 курса от лица своих товарищей спросил Захарьина, почему в терапевтическую клинику кладутся больные, не подлежащие изучению студентов. Захарьин топнул ногой, застучал палкой и заявил, что он делает "свое дело" и либеральничать не позволит, что не дело студентов вмешиваться в порядки клиники, единственным господином которой является он. В ответ на такую краткую, но выразительную речь не было устроено демонстрации, согласно ранее намеченному плану, лишь некоторые, не сдержавшись, свистнули несколько раз ему вслед. Через день в клиниках вывешено было объявление, запрещающее студентам входить в отдельные номера и [подтверждавшее] право профессора принимать, кого он хочет. "Родственницы" Захарьина, однако, на другой же день были выписаны. Все это происходило при Никулине и не без его, конечно, деятельного участия, так как он состоит ассистентом на женской половине.

Захарьин после этой истории три недели не читал лекций. Это никого не удивило, так как он на лекции являлся не часто. Зато перед его появлением начинается оживленная деятельность: готовят больных, сообщают им, что они должны говорить, как себя вести, "чтобы не рассердить профессора", подмениваются испражнения, приготавливаются к такому экстренному случаю истории болезней. И вот при таких-то данных читает Захарьин свои лекции. Так, например, в клинике лежала одна больная солитером. Пролежав долгое время и не видя облегчения, она

решила выписаться, но ее назначили на лекцию. Ординаторы убедили ее давать показания в том смысле, что она выздоровела. Другой случай был такой. В клинику явился больной, пришел он в клинику пешком за 40 верст из деревни. Через несколько времени Захарьин на лекции заявил, что этому больному лучше, так как он уже начинает ходить по коридору. Правдивую подтасовку знали немногие студенты, но однажды это открылось перед всей аудиторией. На лекции ординатор докладывал, что больному делали то-то и то-то, давали такое-то и такое-то лекарство, от которого больному стало лучше. На вопрос Захарьина, обращенный к больному, как он себя чувствует, последний заявил, что в словах ординатора нет никакой правды, никакого лекарства он не видал и чувствует себя не лучше, а хуже. Это заявление произвело на Захарьина неприятное впечатление: "семейные" клинические беспорядки, таким образом, сделались достоянием аудитории.

Что выносят студенты из Захарьинской клиники, это видно хотя бы из того, что им приходится там делать. За весь год для зачета нужно подать одну историю болезни. Делается это так: студент записывает под диктовку ординатора данные и по известному шаблону составляет историю. Ее передают ассистенту, а тот складывает ее в архив. Но даже и тут не обходится без подтасовок. Больные по этим историям у Захарьина все выздоравливают, если только не умрут в клинике, и тем студентам, у которых в конце сказано, что больной не поправился, история болезни возвращается для поправки. Никулин обыкновенно говорит при этом: "Поправьте, вы ошиблись; больной если и не выздоровел совсем, то ему во всяком случае лучше". Вот обстановка Захарьинской клиники и его отношение к своим обязанностям.

Не лучше ведется дело и у него на дому. Больных принимают его ординаторы, и вот как они сами относятся к своему патрону. В 1894 году приехал посоветоваться к Захарьину богатый помещик из Саратовской губернии. Один из ординаторов Захарьина, Ерофеев, знакомый помещика, в дружеской беседе посоветовал не обращаться к Захарьину, так как Захарьин человек старый, многого не знает, и предложил ему [больному] свои услуги. Помещик так и уехал, не повидавшись с Захарьиным. Ерофеев теперь один из его [Захарьина] любимчиков. Как происходят приемы на дому у Захарьина, кого он принимает, кого нет и сколько берет за визиты, – все эти факты, достаточно известны обществу, так как они попали в печать. Захарьин не принимает врачей, и, по словам Никулина, те из них могут получить совет, кто скроет свое звание и явится инкогнито; лучше всего, советовал Никулин, обращаться к его ординаторам, которые лечат "по способу Захарьина". Письма врачей Риттенберга,

Печиского, Миловидова и других, в разное время не принятых Захарьиным, были напечатаны в [еженедельнике] "Врач" (1890). Редакции "Врача" вскоре прислан был сочувственный адрес, подписанный более чем 100 врачами, и адрес от студентов старших курсов.

Не лучше ведет себя Захарьин и на консилиумах. Врач Боев привез к Захарьину своего больного. Ординаторы Захарьина осмотрели больного, Захарьин выслушал своих ординаторов и тут же при Боеве посоветовал больному обратиться к другому врачу, которому он, Захарьин, "верит", дальнейшее же лечение поручил вести своему ординатору. Боев потребовал у Захарьина объяснения. К нему явился ординатор, приставленный Захарьиним к больному, и сказал, что Захарьин считает свое поведение "правильным, естественным и вовсе не неловким, а потому надо быть крайне щепетильным, чтобы обижаться на это". Боев обратился к печати ("Медицинское Обозрение", 1885, № 12). Случай с Боевым оказался не единичным, и вот врачи один за другим спешат заявить свою солидарность с ним (73 подписи под обращениями в печать).

На консилиумах в частных домах Захарьин позволяет себе грубости и дерзости. Он навязывает некоторым больным свои дальнейшие посещения, привозит непрошенных своих помощников и оставляет их для дальнейшего лечения. Таким образом Захарьин доставляет практику своим ординаторам-лакеям. Свое посещение больных он обставляет с тою же торжественностью, как и обход клиники. Он не допускает ни малейшего возражения ни со стороны лечащего врача, ни со стороны больного.

Первые опубликованные о Захарьине факты напомнили многим и другие аналогичные события. Огласка подобных фактов готова была принять угрожающие размеры. Но вот в № 14 "Медицинского Обозрения" [за 1885 год] помещено было такое заявление: "Редакция "Медицинского Обозрения" просит извинения у всех товарищей, приславших ей для напечатания заметки, заявления и письма по поводу нашей обзорительной статьи в № 12; мы, к величайшему нашему сожалению, должны отказаться от напечатания их по причинам, от нас не зависящим", то есть, как это сделалось известным, вследствие запрещения генерал-губернатора. Захарьин не оставил, однако, без ответа, заметки медицинских журналов. В "Московских Ведомостях" (1890, № 266) он категорически отказывается от своего "обычая" не принимать врачей, говоря, что такое заявление ложно и вымышлено. Свое объяснение он заканчивает следующими словами: "Упомянутым же союзным медицинским изданиям напомню, что их злостные выходки не превзойдут моего к ним презрения".

Хуже всего то, что Захарьин имеет весьма большое и весьма притом нежелательное деморализующее влияние как на медицинский факуль-

тет, так и на врачебный мир вообще, и, благодаря пассивности и инертности наших профессоров, Захарьин, пользуясь своей известностью и связями, держит весь медицинский факультет в своих руках и производит в профессора, кого хочет. Мало того, многие из профессоров даже стали подражать ему, подделавшись, каждый в своей среде, Захарьиными в миниатюре.

Определенная плата, недоступность, высокомерное обращение, а также и другие черты, несогласные с самыми скромными требованиями гуманности и уважения к человеческой личности, – всему этому по справедливости [следует] считать своим родоначальником Захарьина. В Никулине можно видеть пример такого влияния. Другой яркий пример представляет собою профессор Дерптского (Юрьевского) университета Васильев, последователь Захарьина, находящий "чарующую гуманность" в Захарьинской системе⁴³. Мы приведем отрывок из его речи, напечатанной в № 3 "Врача" за 1895 год: "Что касается до отношений к Вашим больным, то само собою разумеется, что Вы должны снискать их уважение. Этого Вы можете достичь лишь тем, что будете дорого брать с больных. Требуйте от каждого больного 10 рублей, но ни в коем случае 1 рубль или несколько рублей, а то Вас оставят как человека жадного к деньгам, за кого народ и без того принимает большинство врачей. Если Вы в денежных делах будете обходиться таким образом, то больные с уважением будут взирать на Ваши медицинские познания. <...> Вы никогда не должны принимать более 12 больных в день, потому что Вам невозможно осмотреть основательно более 12 больных в день. Но есть врачи, которые принимают и по 40 больных в день; они получают за это свои 100 рублей и довольны. Если же Вы будете пользоваться 12 больных по указанным мною принципам, то Вы получите 120 рублей".

Такая речь последователя Захарьина не представляет собою какую-либо случайную безобразную выходку; нет, в ней выразилась школа. Этот профессор Васильев, нужно заметить ("Русские Ведомости", 7 фев-

⁴³ *Васильев Степан Михайлович (1854–1903) – терапевт, статский советник. Служил ординатором в руководимой С.П.Боткиным терапевтической клинике (1879–1884), затем вольнопрактикующим врачом и консультантом на Кавказских Минеральных водах (1884–1892). С 1889 года редактировал газету «Медицина», в которой регулярно печатал панегерики Захарьину. В награду за проявленное усердие Захарьин, используя свои многочисленные связи с влиятельными чиновниками Министерства народного просвещения, провел Васильева на место ординарного профессора Дерптского (Юрьевского) университета по кафедре внутренних болезней, а через год – на пост декана медицинского факультета.*

раля 1896), довел свою клинику до того, что не находилось больных, желающих в нее поступить; чтобы замаскировать это обстоятельство, он наполнял клинические палаты бродягами за даровую пищу и приличное вознаграждение.

Вот немногие из тех фактов, на основании которых студенты-медики четвертого курса большинством в 200 голосов против 23 решили не слушать более Захарьина, а также и Голубова. О своем решении они известили Захарьина через старост. Захарьин выслушал старост и объявил им, что примет сообщение к сведению. На другой день в клинике появилось инспекторское объявление: "12 сего ноября к заслуженному профессору Захарьину явились три студента, назвавшие себя депутатами 4 курса медицинского факультета и объявили ему, что означенный курс постановил прекратить посещение его лекций. Затем действительно слушателей было незначительное число. Вследствие чего по распоряжению г. министра народного просвещения, сообщенному в телеграмме на имя г. попечителя Московского учебного округа, сим объявляется нижеследующее: если студенты 4 курса, подписавшиеся на лекции профессора Захарьина, не будут посещать их, то текущее полугодие не будет им зачтено и, таким образом, эти студенты, сколько бы их ни было, будут оставлены на второй год на том же курсе, а вследствие выполнения комплекта переходом студентов настоящего 3 курса, оставленные на второй год будут переведены в другие университеты".

В № 49 "Врача" за 1895 год появилась по этому поводу следующая заметка: "Московский корреспондент "Сына Отечества" нам сообщает: "Новый университетский устав, введший профессорский гонорар и право студентов слушать профессоров по выбору, терпит испытание в отношении именно этого нововведения. Студенты одного факультета решили не слушать профессора, выдающуюся величину, но понемногу отставшего от современной науки. Это будет испытанием и устава и прав слушателей". Мы не знаем, кого именно имеет в виду корреспондент, но не стоит ли сообщенный им факт в связи с полученным нами известием, будто бы в клинике Г.А.Захарьина вывешено объявление, в котором, между прочим, значится: "Если студенты 4 курса, подписавшиеся на лекции профессора Захарьина, не будут посещать их, то текущее полугодие не будет им зачтено". <...> Нам хотелось бы думать, что известие это – плод какой-то неточности со стороны корреспондента, так как мы не можем допустить, чтобы уважающий свое звание профессор признал возможным наполнять свою аудиторию насильственными мерами. С величайшим удовольствием поместим опровержение этого известия, искренне желая, чтобы оно оказалось неверным". К сожалению, почтенной редакции придется разочароваться: полу-

МЕТАФИЗИКА БОЙКОТА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ченное ею известие совершенно верно. Это, с одной стороны дополнит характеристику Захарьина как профессора, "уважающего свое звание", с другой – лишней раз покажет, насколько в университете привыкли считаться с "правами слушателей".

Так-то Захарьин "принял к сведению заявление студентов". Он обратился к начальству. Незачеты, лишение стипендий, освобождения от платы за право обучения и даже увольнение из университета – это обычные угрозы ближайшего нашего начальства во всех тех случаях, когда студенты, доведенные до крайности, даже мирным образом выражают свой протест.

Объявление отчасти способствовало тому, что студенты решили действовать более легальным путем: в следующее весеннее полугодие не записываться на лекции Захарьина, а пока, ввиду угроз инспекции, посещать его лекции по очереди группами. Между тем инспектор вызвал 10 студентов-медиков и объявил им, что по сведениям внешней администрации они считаются "деятельными участниками агитации против профессора Захарьина" и что если они хоть что-нибудь будут говорить на курсах не в пользу Захарьина, то их удалят из университета и даже вышлют из Москвы.

В начале второго полугодия четвертый курс уже не записался на лекции Захарьина, кроме 17 человек, которые не считали вышеприведенное достаточно убедительным, чтобы "огорчить старейшего профессора старейшего Московского университета" и оставить его без слушателей. Захарьин решил продолжать свой курс и даже объявил, что будет читать лекции, хотя бы к нему записался один слушатель. И действительно, он для 17 человек читает теперь лекции; только аудитория стала для него велика, и чтение по-семейному происходит в палате. Захарьин находит, что теперь заниматься будет удобнее, что чем меньше слушателей, тем больше он будет посвящать им своих часов.

Так к общему удовольствию мирно разрешилась эта история. Но инспектор опять вызвал тех же студентов и от имени Министерства внутренних дел объявил о предложении Министерства исключить их из университета. Предложение не безусловное, поэтому он, инспектор, предложил им загладить свою вину, с одной стороны, не вмешиваясь в Захарьинскую историю, с другой же, в виде совета, убеждая слушателей, чтобы они не обращали внимания на решение курса, так как каждый вправе слушать, кого хочет. Таким образом, когда врачи и печать поднялись против Захарьина, им запретил говорить генерал-губернатор; теперь, когда студенты подняли голос за свое право иметь в профессоре уважаемую личность, человека знающего и добросовестно относящегося к своим обязанностям,

инспекция начинает выискивать зачинщиков, а Министерство внутренних дел, по словам инспектора, предлагает исключить их.

Интересно отметить здесь, каким образом наше начальство привлекает к ответственности студентов. Ему известно, что на курсах решаются те или другие чисто курсовые дела, существует должность старосты, неофициально признанная, и вот достаточно кому-нибудь хоть раз сказать несколько совершенно невинных слов, чтобы в качестве "зачинщика" при первой же истории быть вызванным инспекцией, даже если бы в последнем случае он и не принимал участия. Приглашают также и старост. Посмотрим, кого вызвали в числе этих 10 человек. Большинство из них – 7 [студентов] – пятикурсники, которые не слушают Захарьина и не занимаются уже в его клинике и тем самым не могут принимать никакого активного участия в захарьинской истории. С четвертого курса вызвали двух старост как должностных лиц, которые, по мнению начальства, должны являться ответственными за всех своих товарищей. В числе вызванных оказался и один второкурсник. Второй курс слушает лекции в университете на Моховой, дело же Захарьина происходит в клинике на Девичьем поле. Очевидно, что второкурсник тут уж вовсе ни при чем. В этом, как нам известно, сознался и сам инспектор. Однако он его [второкурсника] вызвал и во второй раз и предложил ему также, с одной стороны, воздержаться от агитации, а с другой – говорить за Захарьина под опасением увольнения из университета.

Для начальства, таким образом, и захарьинская история является делом нескольких лиц. Для всех же, беспристрастно относящихся к этой истории, ясно, что здесь выразилось давно назревшее общее недовольство студентов и рано или поздно Захарьин должен был так кончить. Еще в прошлом 1894–1895 [учебном] году студенты, возмущенные постановкой дела в захарьинской клинике, теми безобразиями, вроде истории с институткой, швеей и таинственными больными платных палат, а также халатным отношением ко всему этому Захарьина, выражали свой протест и почти совсем не посещали его лекций; [тогда] не вышло истории лишь благодаря исключительным обстоятельствам прошлого года⁴⁴.

⁴⁴ Под исключительными обстоятельствами подразумевались события, последовавшие после кончины Александра III 20 октября 1894 года. Лечивший покойного императора Захарьин свою первую лекцию в осеннем семестре 1894 года прочитал только 4 ноября. По окончании лекции его проводили, как отмечала пресса, «сочувственной манифестацией» (Новости дня. 1894. 5 ноября). Зато профессор В.О.Ключевский, выступивший 28 октября в Обществе Истории и Древностей Российских с панегириком миролюбивой внешней политике Александра III, вызвал возмущение в студенческой среде. Когда он

МЕТАФИЗИКА БОЙКОТА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В нынешнем году тоже состоялось единогласное постановление [курса] выйти всем из аудитории, если Захарьин по обыкновению начнет ругать всех других профессоров.

Старания инспекции не повели ни к чему. События шли своим чередом, и 4-й курс решительно отказался слушать Захарьина; 17 человек, слушателей Захарьина, они исключили из товарищеской среды. <...>

Выражая свое глубокое сочувствие студентам-медикам, Союзный Совет со своей стороны считает долгом предать широкой гласности собранные им материалы по этому делу как характеризующие теперешнее положение студенчества, а также ту пассивность, с какою наши профессора допускают в своей среде всякого рода безобразия или даже поддаются сами их влиянию.

Союзный Совет 45 Московских объединенных землячеств. Март, 1896 года»⁴⁵.

Продолжение конфликта

Униженный студентами и уязвленный коллегами, Захарьин незаметно, без какой-либо публичной (тем более газетной) шумихи удалился в отставку 1 мая 1896 года⁴⁶. Предварительно он заручился согласием графа Делянова на утверждение Попова в должности профессора и заведующего кафедрой факультетской терапевтической клиники.

попробовал повторить свою речь в университетской аудитории 30 ноября, его освистали. «Вы мне свищите, господа, – сказал тогда знаменитый историк, на лекции которого съезжалась вся просвещенная Москва, – я ничего против этого не имею: каждый имеет право выражать свои убеждения доступными ему способами» (Голос минувшего на чужой стороне. 1926. №3. С.130.)

Университетская администрация и полиция придерживались, однако, иного мнения; поэтому 1 декабря были подвергнуты различным наказаниям десять членов Союзного Совета, а 3 декабря (после массовых студенческих протестов) арестованы и высланы из Москвы еще пятьдесят человек (ГАРФ. Ф.124. Оп.3. Д.40. Л.3–11). Спустя две недели 42 профессора Московского университета (в том числе Ключевский) подписали петицию на имя великого князя Сергея Александровича (московского генерал-губернатора) о возвращении высланных студентов. В ответ на такое своеволие министр народного просвещения Делянов соизволил выразить порицание всем петиционерам.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.471. Л.9–19.

⁴⁶ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1896 год. М., 1898. С.196.

Через месяц он получил своеобразный утешительный приз за все неприятности минувшего учебного года – редкий даже среди петербургских вельмож знак отличия. Российское Телеграфное Агентство сразу же раструбило о случившемся по всей стране: «Москва, 2 июня 1896 [года]. Князь Черногорский пожаловал профессору Захарьину орден Даниила 1-й степени. Захарьин при благодарственном письме препроводил 15 000 рублей на устройство водопровода в Данилограде, где население тяжело болеет от дурной воды»⁴⁷. Сам ли маститый профессор оценил экзотический орден в 15 тысяч рублей или кто-то подсказал ему стоимость награды, не столь существенно. Так или иначе, но князь Николай Черногорский с наследником Даниилом почтили Захарьина своим посещением⁴⁸. Не исключено, что визит высокопоставленных иностранцев объяснялся их стремлением получить финансовую помощь непосредственно из рук самого благодетеля.

С 1 сентября факультетскую терапевтическую клинику возглавил экстраординарный профессор Попов, а уже 30 сентября московский обер-полицмейстер отправил в Департамент полиции копию новой «гектографической прокламации» Союзного Совета: «В нынешнем 1896 году, как и следовало ожидать по ходу событий, кафедру факультетской терапевтической клиники занял Попов, тот самый Попов, который был ближайшим поводом ко всей прошлогодней так называемой Захарьинской истории, достаточно известной обществу. Оставляя с позором кафедру Московского университета, Захарьин не мог не сделать этого последнего скандала и, вопреки общему мнению всего студенчества, провел из "мальчиков" своего кандидата. Знал ли Попов о себе общее мнение студенчества? Захотел ли он с ним считаться? <...> Он знал о мнении студенчества, но, пренебрегая им или, очевидно, не понимая его значения, он, подобно своему патрону, заявил, что и в пустой аудитории он все-таки будет читать (если даже будут три слушателя). Очевидно, нравственные пощечины отскакивают от некоторых из наших профессоров»⁴⁹.

Между тем университетская администрация пришла к выводу, что студенты окончательно распоясались, и обратилась за содействием к Московскому охранному отделению. В середине ноября 1896 года полиция арестовала несколько десятков студентов. Предварительно университетский инспектор заглянул к Попову с фотографиями студентов

⁴⁷ *Врач. 1896. №24. С.700; Новое Время. 1896. 3 июня.*

⁴⁸ *ОПИ ГИМ. Ф.205. Е.х.2. Л.196.*

⁴⁹ *ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.357. Т.5. Л.362–363.*

четвертого курса и попросил профессора опознать по ним «нарушителей порядка». К чести Попова, от роли секретного осведомителя он отказался наотрез. Тогда ректор вызвал к себе ординатора факультетской терапевтической клиники К.Ф.Флерова и предложил ему, по выражению Союзного Совета, «шпионить за студентами». Не позднее, чем через час, Флеров принес в ректорат прошение об отставке⁵⁰.

Не устранив причину конфликта на медицинском факультете, многочисленные аресты лишь взбудоражили всех остальных студентов. В конце ноября занятия в Московском университете прекратились. Как писал редактор газеты «Русские Ведомости» В.М.Соболевский издателю журнала «Вестник Европы» М.М.Стасюлевичу 26 ноября 1896 года, «лекции не читаются; университет не закрыт и, как предполагают, не будет закрыт ни в коем случае, хотя бы в его стенах одному профессору пришлось беседовать с кафедры с одним слушателем, тем более, что такой героический пример уже показал в прошлом семестре профессор Захарьин»⁵¹. Университетское и полицейское начальство с его «охранительным мышлением», похоже, само невольно провоцировало студенческие беспорядки, ибо любое проявление непослушания воспринимало по обыкновению как подрыв российских устоев и без колебаний вставало на путь репрессий вместо поиска разумного компромисса.

Глубокую благодарность властям за аресты «тайных политических агитаторов», или, иными словами, студентов Московского университета, замеченных «в коллективном неповиновении университетскому начальству», высказала редакция газеты «Московские Ведомости», напечатав 6 декабря 1896 года специальное сообщение под заголовком «Разоблаченный Союзный Совет»: «Нельзя не быть искренне признательным правительству за то, что оно, наконец, сорвало личину с пресловутого Союзного Совета объединенных землячеств, давно уже свившего себе прочное гнездо при Московском университете и погубившего не одну сотню молодых людей, попавших в его преступные сети. <...> Борьба против профессоров и университетского начальства была только предлогом для того, чтобы подготовить учащуюся молодежь к борьбе против правительства и государства и чтобы сеять смуту в русском обществе»⁵². (Может быть, советская журналистика заимствовала часть своих штампованных определений и оборотов непосредственно из текстов газеты «Московские Ведомости»?)

⁵⁰ Там же. Л.178–179.

⁵¹ М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. СПб., 1913. С.454.

⁵² Московские Ведомости. 1896. 6 декабря.

Арестованных в ноябре студентов продержали для острастки в заключении свыше месяца. Во второй половине декабря 1896 года 72 студента, привлеченных к дознанию по делу Союзного Совета, были высланы из Москвы в разные города Российской империи под гласный надзор полиции⁵³.

Осенью следующего года вновь избранный студентами Союзный Совет приступил к исполнению своих неформальных обязанностей. Тем временем выяснилось, что Захарьин, давно желавший вернуться к преподавательской деятельности, намерен прочитать факультативный цикл лекций⁵⁴. Первая лекция была намечена на воскресенье 19 октября 1897 года.

По этому поводу 15 октября по окончании лекции профессора Дьяконова 155 студентов четвертого курса медицинского факультета задержались в аудитории и после двухчасовых дебатов постановили бойкотировать каждого однокашника, посетившего лекцию Захарьина, а также единственного слушателя профессора Попова. Вечером 15 октября московский обер-полицмейстер проинформировал о происшедшем Департамент полиции, а через неделю Союзный Совет довел до всеобщего сведения свою хронику текущих событий:

«Союзный Совет Московских объединенных землячеств обращает внимание студенчества на следующие деяния университетской инспекции и государственной полиции. Четвертый курс медиков узнал о намерении Захарьина читать по воскресеньям необязательные лекции. К нему записался было один человек. Четвертый курс, понимая, вероятно, все деморализующее значение возобновления лекций профессором, фактически отставленным после упорной борьбы и значительных жертв [со стороны] самих же студентов-медиков, решил обсудить, что делать в данном случае. 15 октября после лекции медики остались для совещания в аудитории, куда явился субинспектор и заявил под шум разговоров о правилах, воспрещающих собрания, но его слова остались незамеченными.

Для упорядочения совещания был совершенно случайно выбран председателем студент, указавший на возможность собрания и при субинспекторе. Случайность выбора – явление у нас обычное вследствие редкости собраний и невозможности, стало быть, вполне сознательно выбрать кого-либо председателем. Несколько человек говорило против Захарьина, пользуясь его прошлым и печатными данными. Активное участие субинспектора

⁵³ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.357.Т.5. Л.98, 209–237.

⁵⁴ Врач. 1896. №37. С.1041.

МЕТАФИЗИКА БОЙКОТА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

в собрании выразилось в том, что он дал разъяснение относительно одного из заседаний правления университета.

Курс единогласно решил Захарьина не слушать. Вечером следующего дня был исключен из университета и арестован председатель собрания; он вскоре был выпущен, причем у него была взята подписка не видаться с товарищами. Кроме того, были вызваны к Державину – помощнику инспектора в клиниках (новая должность вместе с громадным увеличением штата субинспекции и педелей, явившаяся результатом действия Министерств внутренних дел и умственной полиции – народного просвещения в утешение попечителю Боголепову, уже давно слезно молившему Петербург об усилении инспекции) – и допрошены им 15 человек. Они были присуждены к двухдневной отсидке в карцере с угрозой исключения в случае повторения. Всем же [остальным] участникам заседания курса был объявлен выговор. Союзному Совету стало известно, что декан на запрос относительно судьбы председателя сказал, что в Московский университет последний во всяком случае принят не будет.

Союзный Совет, отмечая этот факт борьбы, надеется, что действия инспекции не уничтожат коллективных стремлений студенчества. Инспекцию Союзный Совет поздравляет с таким началом открытой войны со студенчеством в настоящем академическом году.

22 октября 1897 года»⁵⁵.

Через два месяца Захарьин скончался от инсульта, оставив о себе недобрую память у большинства выпускников Московского университета 1894–1897 годов. В новом 1898 году «терроризирующая студентов подпольная интрига», по определению газеты «Московские Ведомости», обратилась против захарьинской креатуры – профессора Попова. На этот раз полиция не пыталась успокоить студентов доступными ей способами, а лишь внимательно отслеживала ситуацию на медицинском факультете. Осенью 1898 года Особый отдел Департамента полиции «совершенно доверительно» передал московскому обер-полицеймейстеру («для сведения и соображений при наблюдении за учащейся молодежью») не совсем обычный документ – копию полученного агентурным путем письма Попова от 18 октября того же 1898 года, адресованного отцу профессора:

«Я не писал Вам за все это время, так как не хотелось делиться с Вами неприятными сообщениями о моем положении в университете.

С начала учебного года, как и раньше, интриги против меня возобновились. "Руководители" студентов стали оказывать давление на тех из

⁵⁵ ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.471. Л.20–24.

них, которые записались на мои лекции, и всячески старались оставить меня без слушателей. Это отчасти им и удалось, – из записавшихся на мой курс не сбежали каким-то чудом всего пять человек, а остальные, повинувшись давлению "руководителей" и страха ради (в чем их, конечно, трудно винить), переписались на лекции моих конкурентов.

Это было бы с полгоря, ибо и пять человек все же лучше, чем один, как в прошлом году, – так что и эти пять человек говорили бы за успех мой, если бы агитация не дремала: мои слушатели подверглись гонению главарей студентов, состоялась на этих днях сходка, на которой порицалось поведение моих слушателей, и в конце концов с них взято слово, что с будущего полугодия (с нового года) я останусь без слушателей...

При такой ситуации энергия притупляется, так как на деле выходит, что, как ни работай, как ни старайся, все ставится ни в грош, ибо человек я неугодный известной партии, видящей в смутах и постоянных интригах своего рода гражданскую доблесть и общественную честную деятельность. Начальство, как оно ни расположено ко мне в лице нового ректора⁵⁶, но, как и всякое начальство, заботится прежде всего о том, чтобы было наружно все спокойно да гладко, а там *après nous le deluge*⁵⁷.

Но, как ни скверно впереди, я решился твердо бороться до конца и не соглашаться ни на какие компромиссы, перевод в другой университет и прочее. Пускай увольняют, если на то пошло, если не стыдно капитулировать Министерству перед хитростями»⁵⁸.

Кризис преподавания на медицинском факультете, связанный с бойкотом Захарьина и Попова, удалось преодолеть лишь осенью 1899 года, когда директором факультетской терапевтической клиники на Девичьем поле назначили ординарного профессора В.Д.Шервинского. Вместе со своим штатным ассистентом, а позднее преемником Л.Е.Голубининым профессор Шервинский создал на кафедре добротную школу терапевтов. Попова, вынужденного все-таки пойти на компромисс, переместили на пост главного врача Новоекатерининской больницы, где он прослужил, кроме того, в качестве сверхштатного ординарного профессора параллельной госпитальной терапевтической клиники до ноября 1917 года.

⁵⁶ *Обязанности ректора Московского университета с 8 августа 1898 года по 7 августа 1899 года исполнял директор анатомического института, заслуженный ординарный профессор Д.Н.Зёрнов – человек, питавший неподдельную симпатию к Захарьину и благоволивший к его ученикам.*

⁵⁷ *После нас хоть потоп, фр.*

⁵⁸ *ГАРФ. Ф.63. Оп.14. Д.471. Л.38–39.*

МЕТАФИЗИКА БОЙКОТА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Последним и каким-то несуразным отголоском так называемой Захарьинской истории прозвучало сообщение либеральной печати о бойкоте, объявленном студентами пятого курса медицинского факультета заслуженному ординарному профессору Павлинову в середине октября 1906 года. Как утверждали московские корреспонденты кадетских изданий, Павлинов, нареченный «известным ставленником покойного Захарьина», почти не читал лекций и вообще «до того небрежно относился к делу», что студенты оказались совершенно не подготовленными к экзамену⁵⁹. В действительности Павлинов ставленником Захарьина не был, хотя и проработал под его начальством много лет, свои служебные обязанности всегда исполнял с усердием, а чтение лекций прекратил вынужденно, потому что осенью 1906 года тяжело заболел и около десяти месяцев в университете не появлялся. По этой причине инцидент с провозглашением ему бойкота не мог иметь продолжения; да и самих студентов все более привлекали теперь иные варианты протеста – митинги и демонстрации, экспроприации и террор.

* * *

Фамилия Захарьина всплыла из полузабытых преданий и публикаций конца XIX – начала XX столетия в период непримиримой борьбы за отечественные приоритеты в науке. В 1948 году одиозного когда-то профессора провозгласили великим гуманистом, подарившим братскому народу Черногории не то 45 тысяч франков, не то 25 тысяч рублей на сооружение водопровода в одном из городов этого княжества, выдающимся терапевтом, посещавшим свою клинику ежедневно (даже в праздники), и основателем московской клинической школы, «посвятившим себя служению страждущему человечеству»⁶⁰. За последующие десятилетия эта оценка не претерпела существенных изменений.

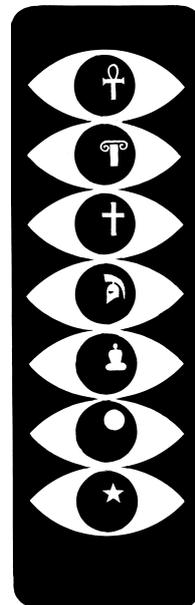
⁵⁹ Речь. 1906. 19 октября; Русский врач. 1906. №43. С.1356.

⁶⁰ Гукасян А.Г. Г.А.Захарьин. М., 1948. С.60–62, 124.

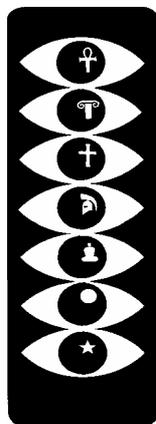
Степень хрупкости или прочности союзов зависит от способности государства заключить союз в дипломатической сфере с любым другим государством. С другой стороны, можно учитывать степень свободы индивидуального участника по отношению к системе – во-первых, к дипломатической системе, а во-вторых, к внутренней политической системе. Я под этим подразумеваю следующее: в зависимости от политических систем руководители внешней политики имеют огромную свободу действий или, напротив, ограничены в своих действиях. <...>

Эти различия очень просты и не претендуют на нечто новое. В сущности, историки, не используя приведенные мной слова, всегда знали эту двоякую необходимость анализировать то, что происходит внутри политических систем, чтобы понять, как они действуют во внешней политике...

Реймон Арон

Бела Желицки

**МОСКВА–БУДАПЕШТ:
РУБЕЖИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(1948–2008 годы)**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The article is devoted to 60 year long history of relations between Moscow and Budapest, from conclusion of treaty between the USSR and Hungary up to present days. The author distinguishes and analyzes stages and important moments of the Soviet-Hungarian and Russian-Hungarian relations and emphasizes that prior to fall of 1956 Hungary had no independent foreign policy of its own and was subject to the interests of the USSR and of block the USSR constructed and presided over. The author identifies and characterizes qualitative elements that developed in relations between two countries after revolution and change of the Hungarian political elite. A considerable attention is paid to analysis of Soviet-Hungarian relations during rule of Y.Kadar. At that time relations between two countries were influenced by economic reform in Hungary, Kadar's personal contacts of with the Soviet leaders, and interaction of political processes that developed in 1950s and 1960s in Hungary and the USSR. A particular attention is paid to drives to democratization of social life and attempts to build bridge between East to West. The author indicates importance of the first treaty which was signed between the RF and Hungary in December, 1961, in emergence of relations of the new type. Formation of foreign policy doctrines in both countries and transition of both countries to parliamentary democracy contributed to the process. The author does not circumvent difficulties and omissions in development of Russian-Hungarian relations at the turn of the 20th and 21 centuries. He considers problem of community of interests in protection of rights of fellow-countrymen who happened to be beyond frontiers of their countries. Specific issues of revival and considerable resuscitation of relations between Russia and Hungary are considered in the concluding part of the article.

В рамках настоящей статьи, не претендуя на полноту освещения всех аспектов этой многоплановой темы, нами предпринята попытка рассмотреть на имеющихся в нашем распоряжении материалах основные характерные моменты становления и развития взаимоотношений между Венгрией и Советским Союзом (посткоммунистической Россией) в непростых условиях второй половины XX и начала XXI века, ознаменовавшихся крутыми поворотами современной истории. Автор осознает, что при этом ряд весьма серьезных вопросов и заслуживающих внимания проблем останется вне его поля зрения либо окажется затронутым лишь постановаочно и в тезисной форме, однако 60-летие российско-венгерских отношений заслуживает хотя бы такого обзорного анализа.

После Второй мировой войны обширный регион Центральной и Юго-Восточной Европы оказался по ряду причин в сфере советского внешнеполитического влияния и активного воздействия. Это касалось и Венгрии, ее двусторонних отношений с СССР. И хотя она формально вела собственную независимую внешнюю политику, не секрет, что на самом деле для начавшегося социалистического этапа развития межгосударственных отношений с неизбежностью стали характерными принципы так называемого *пролетарского интернационализма*, под знаменем которого осуществлялась советизация страны, окончательное подчинение ее внешней политики советским и блоковым интересам. Этот детерминант и установившийся в стране во главе с М.Ракоши тоталитарный режим, который полностью и в деталях скопировал советский образец общественно-политического устройства, диктовали соответствующую линию проведения венгеро-советских отношений.

**Россия–Венгрия:
основные черты
социалистического этапа**

18 февраля 1948 г. между СССР и Венгрией был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заложивший основы развития отношений между двумя госу-

дарствами. Вскоре после этого решениями правительств двух стран дипломатические представительства Советского Союза и Венгрии были возведены в ранг посольств, о чем 2 марта 1948 г. сообщили газеты «Правда» и «Népszabadság» («Народная свобода»). Первый посол СССР в Будапеште Г.М.Пушкин уже 8 мая, а посол Венгрии в Москве, извест-

ный венгерский историк Дьюла Секфю 25 мая 1948 г. вручили свои верительные грамоты, и посольства начали свою работу.

Договор о дружбе и сотрудничестве крепко «привязал» Венгрию к формирующемуся советскому блоку, который нашел окончательное оформление с созданием Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ, 1949) и Организации Варшавского Договора (ОВД, 1955). На территории ВНР базировались советские войска, функционировали почти идентичные с советскими порядки. Возможности самостоятельных внешнеполитических действий Будапешта были при этом резко ограничены, фактически сведены на нет. Такая ситуация давала основание считать, что у Венгрии до осени 1956 г. вовсе не было собственной внешней политики. Советское военное вмешательство в венгерские события, направленное на спасение окончательно обанкротившегося к 1956 году политического режима, недопущение какого-либо отхода от советского образца социалистического строительства ярко продемонстрировали сущность и принципиальный характер взаимоотношений между СССР и ВНР.

Вслед за подавлением советскими войсками революции 1956 года в Венгрии между венгерским народом и новой властью, которую по личному выбору Н.С.Хрущева, согласованному с И.Броз Тито, возглавил Янош Кадар, было достигнуто своеобразное молчаливое соглашение, фактически основанное на выполнении части социальных и политических требований, выдвинутых повстанцами в октябре 1956 г. Смена политической элиты ВНР сопровождалась некоторыми изменениями как в стилистике, так и в тональности ее взаимоотношений с советским руководством.

Фундаментом, на котором налаживались советско-венгерские связи, точнее отношения верхов, на новом историческом этапе, во многом стали личные контакты и взаимное доверие между Я.Кадаром и Н.С.Хрущевым. Первому удалось добиться у советского руководителя обещания не допустить возвращения в ВНР ненавистного народу и обанкротившегося политика М.Ракоши. Основные параметры и характер официальных межгосударственных отношений, однако, в целом остались прежними. Они строились на принципах, вектор которых определялся Кремлем. Он допускал некоторые уступки для кадаровского руководства в целях скорейшей стабилизации ситуации в стране после прерванной революции и учитывал положения, зафиксирован-

ные в двусторонних советско-венгерских и многосторонних договорах в рамках блока.

Первые официальные договоренности между представителями СССР и кадаровской властью после подавления революции нашли выражение в соглашении о реорганизации венгерской армии¹, а также об узаконении советского военного присутствия на территории ВНР, которые были подписаны весной 1957 года. Стороны считали важным моментом также урегулирование правового статуса «временно дислоцированных» на территории ВНР советских войск. Ведь советское военное присутствие в центре Европы было одинаково важно для Кремля и для правительства Кадара, которое на начальном этапе не могло обходиться без этой опоры. Советские ожидания от нового венгерского партнера в лице Я.Кадара, как и межгосударственные и межпартийные отношения в целом, фактически оставались прежними. Они сохранили былую систему подчиненности внешнеполитического курса Венгрии советским и блоковым интересам, оставляли в силе неписанный порядок предварительного согласования с Москвой всех действий новой венгерской власти во внутренней и внешней политике. И это, как правило, соблюдалось Будапештом, где по-прежнему не ставили под сомнение никакие советские приоритеты, включая определение общего курса внешней политики страны и блока в целом.

Основные принципы и приоритеты венгерской внешней политики довольно четко впервые были публично сформулированы Я.Кадаром в ноябре 1966 года на IX съезде Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Среди них первое место занимала защита «суверенитета» страны перед лицом поползновений сил империализма; на втором – укрепление единства социалистических стран, и, прежде всего, отношения с СССР; на третьем – солидарность с международным рабочим движением. Среди этих направлений и приоритетов особый акцент всегда придавался верности Советскому Союзу и союзническим обязательствам. Кстати, она нашла яркое выражение в известной крылатой фразе Кадара о том, что «антисоветского коммунизма не было, нет и никогда не будет»².

¹ *Формирования армии осенью 1956 г. сначала не вмешивались в развитие революционных событий, а затем поддержали повстанцев и поэтому подлежали замене.*

² *Кадар Я. Избранные статьи и речи. М., 1970. С.123.*

Двусторонние отношения между ВНР и СССР в «эпоху Кадара» долгие годы развивались на этой принципиальной основе. Благодаря окрепшему доверию советского руководства к Я.Кадару, венгры вскоре после революции получили возможность посещать западные страны, а в 1960-е годы первыми начали небезызвестный эксперимент по частичному реформированию социализма («реформа экономического механизма» 1968 г.), по выдвижению двух, а затем и нескольких кандидатов в депутаты на одно место во время выборов в парламент и пр. Почти параллельно с этими экспериментами Будапешт завоевал себе право на самостоятельные внешнеполитические акции, правда, лишь в направлении стран «третьего мира». Подобные действия по развитию контактов с индустриально развитыми странами могли проводиться только с середины 70-х годов прошлого века, когда после Хельсинки новым элементом международной политики стал принцип «мирного сосуществования» стран с различным общественно-политическим строем. Фактически лишь он позволил приступить – естественно, по-прежнему после предварительного согласования с Москвой – к постепенному расширению контактов в западном направлении, к восстановлению на десятилетия прерванных связей. Несколько сложнее было налаживать отношения с Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком.

Достаточно отметить, что венгерские начинания такого рода встречали возражения или даже сопротивление со стороны брежневского руководства. Москва противилась тому, чтобы ее партнеры по восточному блоку устанавливали и развивали самостоятельные контакты с Западом, она стремилась тормозить или даже пресечь в зародыше такие инициативы, особенно если они были направлены на установление прочных связей с международными валютными организациями. И это при том, что валютные средства были весьма необходимы для стабилизации венгерской экономики и упрочения коммунистического режима, т.е., в конечном счете, всей системы. В валютных вливаниях остро нуждалась не только экономика ВНР, но и программы в рамках СЭВ. Во всяком случае, советское руководство дважды, в 1967 г. и в марте 1979 г., отказало Будапешту в попытках вступить в международные финансовые организации, опасаясь, что это может привести к уходу Венгрии из социалистического лагеря.

Между тем в развитии советско-венгерских отношений было и немало ярких страниц. В сентябре 1967 г. был продлен Договор о дружбе,

сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ВНР на новый 20-летний срок, подписанный лидерами партий и правительств двух стран – Л.И.Брежневым и Я.Кадаром, а также А.Н.Косыгиным и Е.Фоком. Особым проявлением доверия Кремля к Кадару можно считать предоставленную Венгрии возможность начать проведение из ряда вон выходящего экономического эксперимента – *реформы экономического механизма*, – с использованием элементов рынка и материальной заинтересованности для трудящихся. Реформа стала одной из замечательных страниц эпохи советско-венгерских отношений. И это несомненно так, несмотря на те затруднения и проблемы, которые возникли на путях ее реализации. Ведь венгерская реформа получила «зеленый свет» вскоре после того, как были остановлены реформаторские начинания советского премьер-министра А.Н.Косыгина. Против них среди партийных советских политиков, опасавшихся реформ, особые возражения выдвигал побывавший на посту советского посла в ВНР, а с 1967 г. занимавший должность руководителя КГБ СССР Ю.В.Андропов. Он, ссылаясь на опыт реформ Имре Надя в 1953–1955 гг., заговорил (вместе с ретроградным окружением Брежнева) об опасности «размыва нашего социально-политического строя»³.

Реформа, инициаторы которой с 1966 года испытали ее основные параметры в сфере сельского хозяйства, была начата с 1 января 1968 года во всей экономике ВНР. Она набирала обороты, пока чехословацкие экономисты и политики не взялись за комплексную реформу, вызвав тем самым новую волну опасений консервативных сил в КПСС и в некоторых других «братских» партиях, вовсе отвергавших целесообразность реформы.

Прага, в отличие от Будапешта, не имела печального опыта 1956 года, она не учла, что попытка самовольного видоизменения не только экономики, но и политической сферы, стремление к «социализму с человеческим лицом» могут означать конец «пражской весны». А он наступил. Эксперимент был сорван вторжением в Чехословакию войск ОВД. Поражение Праги отразилось и на судьбе венгерской реформы, которая, на первый взгляд, хотя и не затрагивала область политики и оставалась в рамках экономики, ощущала воздействие окружающей гнетущей атмосферы, оказалась не в состоянии противостоять напору антиреформаторских сил и была спущена на тормозах. И в этом, наряду

³ Крючков В. Личное дело. Ч.1. М., 1996. С.80.

с внешними факторами, «товарищеской критикой» со стороны советского руководства⁴, сыграли свою роль доморощенные партийные консерваторы.

Характерно, что в СССР подлинный интерес к использованию опыта венгерской реформы дал о себе знать лишь после того, как руководство ВНР уже в осложнившихся кризисных условиях было вынуждено обратиться к ее реанимации, невзирая на возможные возражения Москвы. Тогда и сам Ю.В.Андропов (уже в роли нового лидера КПСС), столкнувшись с застойными и кризисными явлениями в советской экономике, поменял свое отношение к реформам и назвал венгерский опыт «нашей коллективной ценностью», отметив, что в СССР также ведется активная работа в этом направлении⁵. Однако время, наверстать которое лишь пытался, но не успел ни он сам, ни его преемник, уже было упущено. Кризис, охвативший не только сферу экономики, но и всю социалистическую систему, назревал и стремительно углублялся, отразившись также на взаимоотношениях между странами, на их сотрудничестве по линии СЭВ.

Влияние горбачевской перестройки

Коренной перелом в характере взаимоотношений между СССР и странами социализма назревал уже в условиях середины 80-х годов. Он был связан с наступившими изменениями в мировой политике и логически вытекал из нового политического курса М.С.Горбачева.

Наряду с общей ориентацией мировой политики на разоружение, – благодаря горбачевской перестройке, гласности, возросшей открытости и новому политическому мышлению, – во взаимоотношениях СССР со странами «реального социализма» появились принципиально новые черты. Правда, произошло это уже в годы глубокого экономического и общесистемного кризиса социализма, когда сама ситуация заставляла предпринимать эти шаги. Горбачев и возглавляемое им обновленное советское руководство начали отказываться от прежней политической практики, от патернализма и «доктрины Брежнева» во взаимоотношениях со своими партнерами по блоку, решив-

⁴ Pritz P. *Magyrország helye a 20. századi Európában // Magyarország helye a 20. századi Európában. Bp., 2002. 41.o.*

⁵ Huszár T. *Kádár János az 1980-as években // Múltunk. 2003. 1.sz. 37.o.*

шись предоставлять последним реальную свободу и самостоятельность во внутренней и внешней политике.

Политические лидеры ряда социалистических стран Европы не сразу это осознали, сомневаясь в возможностях открытой политики Москвы и продолжая удовлетворяться ожиданием очередных директивных указаний от «старшего брата». Некоторые из них, будучи не способными меняться, сами не желали перемен и отказывались от неожиданно предоставленной возможности свободы. Однако новая советская политика стала реальностью. Москва избрала курс невмешательства во внутренние дела своих союзников, нацеливала их на обновление и перемены, на суверенные действия во внешней политике. Вся дальнейшая политическая практика нового советского лидера и начавшиеся в «содружестве» изменения показали, что провозглашенные Горбачевым принципы и намерения вовсе не пустые слова, а сама действительность.

Выступая 23 апреля 1985 года на пленуме ЦК КПСС, М.С.Горбачев высказался за «всемерное совершенствование и обогащение сотрудничества и развитие всесторонних связей с братскими странами социализма»⁶. Впоследствии он признавал, что «доктрина Брежнева», хотя никогда не выдвигалась официально, все же «определяла суть советской позиции»⁷. Новая внешнеполитическая доктрина советского лидера базировалась на «уважении прав каждого народа суверенно избрать пути и формы своего развития»⁸. Тезис о праве выбора собственного пути развития был зафиксирован им также летом 1986 года в записке для Политбюро ЦК КПСС «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества с социалистическими странами»⁹. Документ нацеливал на «подлинный перелом во всей системе сотрудничества с союзниками и со всеми государствами мирового социализма». Решаясь на эти новые, для советской политической практики, шаги в отношениях и отказываясь от прежней процедуры обязательных консультаций и согласований, Москва стремилась улучшить свои отношения с партнерами по «социалистическому содружеству». Возвращая им полноту самостоятельности

⁶ Горбачев М.С. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М., 1987. С.137.

⁷ Шахназаров Г.Х. *С вожжами и без них*. М., 2001. С.239.

⁸ *За новое политическое мышление в международных отношениях. Документы и материалы*. М., 1987. С.40.

⁹ Медведев В.А. *Распад, как он назревал в «мировой системе социализма»*. М., 1994. С.383.

и суверенитета, советский лидер, разумеется, рассчитывал на укрепление своего авторитета и позиций СССР в мире.

На этом фоне, в контексте новой горбачевской политики начался качественно новый этап и в советско-венгерских отношениях. О новациях советской внешней политики Будапешту сообщил и лично М.С.Горбачев, посетив Венгрию 10–11 июня 1986 года. Он призвал венгерское руководство к «коренной перестройке во всей системе межгосударственных отношений», т.е. сам нацелил венгров на свободный выбор собственного пути. Позже, встречаясь 25 марта 1987 года с министрами иностранных дел стран – членов ОВД, он для всех повторно подчеркнул, что «Советский Союз не претендует на какую-либо монополию в отношениях, хотя понимает, какое место он занимает, как велики его ответственность и влияние». Собственно, эти слова М.С.Горбачева как ранее, так и тогда демонстрировали отказ от монополии СССР на истину.

Кадаровское руководство Венгрии, отношения которого с СССР, как правило, всегда отличались уравниловкой, восприняло горбачевские новации с удовлетворением и на начальном этапе даже с большими надеждами. Хотя между Горбачевым и Кадаром, несмотря на возрастные различия, отношения также были уважительными, об особой привязанности друг к другу двух ведущих политиков вряд ли можно говорить. Видимо, поэтому не вызвал осложнений или каких-либо возражений со стороны Москвы уход Кадара с поста руководителя партии весной 1988 г., равно как и одновременная замена значительной части венгерской партийной элиты, ведь процесс обновления и омоложения руководства также органически вписывался в концепцию молодого и динамичного советского руководителя. Межгосударственные и межпартийные контакты, как и прежде, оставались ровными и выдержанными, продолжали развиваться.

Поиски выхода из кризиса, растущая потребность в модернизации и коренных демократических переменах всей политической надстройки и в СССР, и в ВНР во второй половине 1980-х годов, стремительные и неудержимые сдвиги в этом направлении отразились на процессе корректировки как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического курса обоих государств, а в конечном счете, и на российско-венгерских отношениях в целом. В Венгрии в 1988–1989 годы опережающими советскую перестройку темпами развернулся процесс политической демократизации, произошло не предвиденное Москвой и неуправляемое «забе-

гание вперед» в виде начавшегося соперничества ряда политических партий, открыто конкурировавших с ВСРП. Их появлению и активизации, безусловно, способствовала как международная обстановка, так и радикально менявшаяся атмосфера общественно-политической жизни в самой Венгрии. Последняя благоприятствовала росту демократических сил сначала в самой правящей партии, а затем и вне ее, появились альтернативные, оппозиционные движения и партии.

В самом начале 1989 г. демократические силы в ВСРП пошли на переоценку событий 1956 года, признав их народным восстанием¹⁰. Это вызвало в высшем политическом руководстве Москвы тревогу и озабоченность, так как советское военное вмешательство уже было исключено, ибо теперь рассматривалось бы в совершенно ином ракурсе. Получив от ученых-историков ряда научно-исследовательских институтов Академии наук убедительные и обоснованные аргументы, ни Кремль, ни Старая площадь не решились опровергнуть выводы исторической комиссии ВСРП, но недовольство по этому поводу у них, безусловно, сохранилось. Особенно после происшедшего вскоре очередного изменения статуса событий осени 1956 года, когда утвердилось их официальное наименование как революции. Признание этого факта, конечно, совсем иначе осветило так называемую интернациональную братскую помощь, оказанную существовавшему режиму советскими войсками. К тому же правящая ВСРП, которая в новых исторических условиях стремительно теряла свое влияние в массах, оказалась вынужденной еще летом 1989 г. сесть за стол переговоров с представителями оппозиционных партий и движений и пойти с ними на договоренность об обеспечении мирных условий перехода к плюралистической демократии.

Сложившаяся ситуация, несмотря на предоставленную Москвой свободу действий во внутривнутриполитическом обустройстве ВНР, все же не могла не вызвать особую озабоченность высшего советского руководства, пристально следившего за дальнейшим развитием событий в стране, но соблюдавшего обещанное невмешательство в развитие событий. Это не исключило, однако, того, что глава МИД СССР Э.А.Шеварднадзе, находясь в Будапеште летом 1989 г., все же счел нужным предостеречь венгерское руководство, убеждая его в необходимости обеспечить ведущую роль в стране за ВСРП даже при формировавшейся многопартийной системе. Подобную озабоченность развитием ситуа-

¹⁰ *Történelmi útnak // Társadalmi Szemle Különszám. 1989. 1-79.o.*

ции выразил и сам М.С.Горбачев в адрес коллективного руководства ВСРП во главе с Реже Нершем. Советский руководитель отметил, что проводимые реформы не должны означать сдачу компартией своих позиций, и она должна остаться «одной из основополагающих сил» в обновленной политической структуре страны, а сближение с Западом не должно означать отказа от дружбы с СССР¹¹. Горбачев¹² предупредил Р.Нерша также о «недопустимости анархии». Тем не менее советская оценка развернувшихся демократических перемен Венгрии, судя по газете «Правда», была достаточно выдержанной и по тональности спокойной. Она отмечала, что венгерские процессы «базируются на принципах демократического социализма, многопартийной парламентской системы и рыночного хозяйства с определяющей ролью общественной собственности»¹³. Советская пресса – газеты «Правда» и «Известия», журнал «Коммунист» – все чаще освещала происходящие в Венгрии перемены, отмечая их развитие по собственной логике.

В условиях демократизации общественно-политической жизни, но еще до смены последнего коммунистического правительства, возглавляемого молодым премьер-министром Миклошем Неметом, т.е. до наступления кардинальных перемен в политическом обустройстве страны, в ее внешней политике, а равно и в венгеро-советских отношениях, появились и некоторые новые элементы и принципы. Так, это переходное правительство, освободившись от прямой партийной зависимости, начало утверждать полноту государственного суверенитета и первым делом поставило вопрос о выводе советских войск с территории Венгрии, а также стало активизировать контакты с западными государствами. И это закономерно, ведь фактор присутствия иностранных войск на территории страны в глазах венгров ущемлял ее суверенитет, а многолетняя оторванность, вынужденная изоляция от Западной Европы обусловили возрождение идеи «возвращения в Европу». Такой подход, разумеется, не предусматривал какого-либо разрыва связей между ВНР и СССР, а затем с будущей демократической Россией. Венгерская внешняя политика на том этапе придерживалась концепции, которая

¹¹ Fülöp M., Sipos P. *Magyarország külpolitikája a XX. században. Vp., 1998. 454.o.*

¹² Он, очевидно, запомнил известное высказывание Кароя Гроса, который после ухода Кадара – в 1988–1989 гг. – осуществлял руководство ВСРП и на одном из партактивов сослался на возможность наступления реакции и предостерегал от угрозы анархии.

¹³ *Правда. 1989. 27 июня.*

исходила из того, что ВНР может выполнять роль посредника, своеобразного «моста», связывающего Восток с Западом. Правда, как показала реальная политическая практика, СССР, а позже и суверенная Россия особо не нуждались в таком посреднике, предпочитая самостоятельные контакты с Европой и США.

Конкретными проявлениями венгерской политики по наведению «моста» между Востоком и Западом, равно как и демонстрацией ее внешнеполитической самостоятельности в духе горбачевского курса, можно считать демонтаж части пограничных заграждений между ВНР и Австрией и проведение на венгерско-австрийской границе (19 августа 1989 г.) Панъевропейского пикника, во время которого сотни туристов из ГДР пересекли границу и сбежали в ФРГ. Напомним, что это было время, когда в странах Восточно-Центральной Европы отдыхали сотни тысяч восточных немцев, которые не пожелали возвращаться на родину. Венгрия, таким образом, оказалась одной из первых стран восточного блока, МИД которой столкнулся с непривычной для себя проблемой, которую необходимо было решать.

У посольства ФРГ в Будапеште вскоре скопилось более 65 тысяч туристов из ГДР, требовавших, чтобы их выпустили в ФРГ (впрочем, вскоре схожие акции состоялись также в Праге и Варшаве). Необычный случай массового скопления иностранных граждан, «штурмовавших» охраняемое представительство другого государства, требовал неординарного подхода, и правительство ВНР решилось на очередное самостоятельное действие. Вопреки обязательствам 1967 года перед ГДР не выпускать ее граждан в третьи страны, оно 25 августа, после консультаций с руководством ФРГ, решилось открыть с 10–11 сентября свои границы для выезда восточных немцев через Австрию в Западную Германию. Характерно, что это было сделано, несмотря на активный протест со стороны Берлина и Праги, которые особенно настаивали на том, чтобы Будапешт применил силу против туристов из ГДР. Венгерский МИД накануне принятия решения все-таки счел своим долгом предупредить и Москву о возможном развитии событий. Э.А.Шеварднадзе, фактически вновь подтвердив горбачевский курс невмешательства, в данном случае дал такой ответ: «Это дело касается только Венгрии, ГДР и ФРГ»¹⁴.

На завершающем этапе коммунистической эры ни политические, ни внешнеторговые отношения между СССР и ВНР не претерпели каких-

¹⁴ Fülöp M., Sipos P. *Op.cit.* 455. old.

либо кардинальных изменений, они продолжали развиваться. Объем торгового оборота между странами в 1980-е годы стабильно составлял 8–10 млрд. переводных рублей, достигнув своего максимума к концу периода¹⁵. В 1989 году Шеварднадзе предпринял попытку добиться от руководства ВСРП нового, повторного подтверждения «союзнических обязательств» ВНР на будущее, стремясь получить гарантии, что не только компартия, но и оппозиция будут готовы признать принадлежность Венгрии к ОВД и СЭВ¹⁶. Такое обещание было ему дано Р.Нершем условно, ибо положение самой ВСРП становилось нестабильным. Венгрия как до этого, так и далее стремилась к реформированию СЭВ, но, хотя ее инициатива получила поддержку Москвы, предложение в целом встретило яростное сопротивление со стороны отдельных отвергавших реформу стран-членов этой организации.

Предполагались перемены и по линии ОВД¹⁷, Москва склонялась к выводу советских войск из социалистических стран к 50-летию окончания Второй мировой войны. Но в то время по вопросу вывода войск из Венгрии венгерская дипломатия уже вела двусторонние закрытые переговоры с Москвой, а в конце октября 1989 года на совещании министров иностранных дел стран-членов ОВД обнародовала этот факт. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года и начавшийся процесс объединения Германии лишь ускорили развитие событий и фактически сделали пребывание советских войск на территории страны «анахроничным». На очередной встрече глав правительств стран «соцсодружества» премьер-министры двух стран Н.И.Рыжков и М.Немет публично и вместе признали дальнейшее пребывание советских войск за рубежом не оправданным ни с политической, ни с военной точки зрения¹⁸. Сама ситуация требовала конкретных действий. В декабре 1989 г. министр обороны, маршал Советского Союза Д.Т.Язов объявил об «одностороннем» выводе с территории Венгрии 6 тысяч советских военнослужащих из находившегося там контингента в 60 тысяч человек. Переговоры сторон, однако, по настоянию венгерской стороны в январе 1990 г. были продолжены. В марте они завершились подписанием советско-

¹⁵ Вид на Венгрию. Весна 1994 г. Будапешт, 1994. С.5.

¹⁶ Fülöp M., Sipos P. *Op.cit.* 454–455 о.; Правда. 1994. 4 октября.

¹⁷ Во всяком случае, об этом свидетельствует записка советника Горбачева, Г.Х.Шахназарова, от 14 октября 1989 г.

¹⁸ Fülöp M., Sipos P. *Op. cit.* 456.о.

венгерского соглашения о полном выводе всех советских воинских формирований с территории ВНР до 30 июня 1991 г.

В поисках новых внешнеполитических концепций

К окончанию вывода советских войск из Венгрии в стране сменилось правительство. Весной 1990 г. прошли первые демократические выборы в парламент на многопар-

тийной основе; было сформировано новое коалиционное правительство, которое внесло свои коррективы во внешнеполитический курс государства. В нем были обозначены собственные внешнеполитические приоритеты, которые обнародовал глава первого независимого демократического правительства страны Йозеф Анталл. Новая внешнеполитическая доктрина была направлена на сбалансированное развитие отношений ВНР со странами и Востока, и Запада. Ее суть и новизна нашли выражение в таких новых приоритетах, как:

1) стремление к сближению со странами Запада и восстановление с ними полнокровных отношений (они на протяжении 40 лет практически отсутствовали, предполагалось их сбалансированное выравнивание вместо прежнего определяющего влияния СССР);

2) участие в работе западных экономических и политических организаций; активизация центральноевропейского регионального сотрудничества;

3) поддержка венгерского национального меньшинства в сопредельных странах и эффективная защита его интересов (заявление Й.Анталла по ТВ: «Я в душе чувствую себя премьер-министром 15 млн. венгров» – тогда сразу же было ложно истолковано в некоторых сопредельных странах).

Новые внешнеполитические приоритеты Венгерской Республики не означали отказа ее дипломатии от развития сотрудничества в восточном направлении. Наоборот, новая Венгрия стала тем государством, которое еще в бытность СССР, но уже при проявившихся симптомах его начавшегося распада и национального возрождения России сделало решительный шаг на путях установления официальных связей с Российской Федерацией. Она *первой из зарубежных стран подписала с ней межгосударственный договор*. 6 декабря 1991 г. находившийся в Москве премьер-министр Й.Анталл провел отдельные переговоры с президентом России Б.Н.Ельциным. Стороны уже тогда договорились об установле-

нии новых демократических норм российско-венгерского сотрудничества. Достигнутая договоренность означала отказ от прежней системы взаимоотношений, от принципов пролетарского интернационализма. Стороны решили наладить *новые равноправные отношения* между Россией и Венгрией. Переговоры завершились подписанием протокола об установлении дипломатических отношений, был заключен *рамочный (базовый) договор о сотрудничестве и равноправных отношениях*.

Венгрия, таким образом, стала первой страной, которая установила с Россией межгосударственные отношения нового типа. Недаром первый президент РФ Б.Н.Ельцин, посетив в ноябре 1992 г. Венгрию с ответным официальным визитом, отмечал: «Первый договор свободная, самостоятельная Россия подписала, когда еще был Советский Союз, именно с Венгрией. И это запомнит история». Выступая в венгерском парламенте 11 ноября, он принес извинения за вторжение советских войск в Венгрию в 1956 году и призвал «наполнить новые времена новым содержанием», а сотрудничеству «придать качественно новый динамизм»¹⁹.

Однако хорошие намерения, многообещающее начало двусторонних российско-венгерских отношений, основы которых были заложены этим межгосударственным договором, по ряду причин не получили ожидаемого продолжения и соответствующего наполнения конкретным содержанием. Как Венгрия, так и Россия поторопились обратить свои взоры прежде всего на Запад и, отдавая приоритет связям на этом направлении, фактически забыли друг о друге. На первый план у каждой из них выдвинулись собственные внешнеполитические приоритеты и интересы. Если Венгрия, как и другие страны Восточно-Центральной Европы, в пылу постреволюционной эйфории и начавшихся перемен увлеклась идеей «возвращения в Европу», вхождением в «Общеввропейский дом», то Россия, ее внешняя политика были нацелены на прямые контакты с великими державами Западной Европы и США.

Российская дипломатия на некоторое время напрочь забыла о постсоциалистическом пространстве Европы, но не менее пассивно вели себя и страны этого региона, предпочитая дистанцироваться от России и строить свои отношения в основном с Западом. Не стала объектом внимания молодой российской дипломатии и Венгрия, подписавшая с Рос-

¹⁹ Выступление Б.Н.Ельцина в Государственном собрании Венгрии // Дипломатический вестник. 1992. №23–24. С.29.

сией первый межгосударственный договор с намерениями активизации сотрудничества. Ситуация привела к стагнации их взаимоотношений, которые по инерции еще продолжали развиваться, но фактически также перешли в режим сокращения в сфере экономических связей.

Произошло это в довольно непростые как для России, так и для российско-венгерских отношений времена. Положение осложнялось тем, что Верховный Совет СССР, а затем и Госдума РФ фактически из-за простого упоминания о венгерской революции 1956 года в преамбуле российско-венгерского договора отказывались на протяжении пяти лет ратифицировать этот первый равноправный межгосударственный договор России, что явно свидетельствовало о консервативности высшего законодательного органа страны. Данное обстоятельство, хотя и не смогло остановить, но все же препятствовало нормальному развитию российско-венгерских отношений. Позиция законодательного органа РФ в вопросе ратификации договора, которая коренным образом отличалась от намерений исполнительной власти страны, давала основание сомневаться в признании российскими партиями и политиками полного равноправия и суверенитета новой демократической Венгрии, служила почвой для разговоров об «имперских амбициях». Ситуация ведь не позволяла ссылаться только на неповоротливость чиновнического аппарата.

Времена, конечно, были тяжелые, кризисные – август 1991 года (ГКЧП), угроза смуты, известные события осени 1993 года. Нестабильная и непредсказуемая ситуация начала – середины 1990-х годов в СССР и РФ настораживала, если не сказать пугала, общественность сопредельных государств. Она не могла не вызвать озабоченность и у новой политической элиты Венгрии, толкая ее на поиски не просто новых партнеров, но и потенциальных союзников на Западе, способных в случае советских реставрационных устремлений стать ее опорой для защиты суверенитета страны.

Из сказанного вытекает, что корректировка внешнеполитических намерений, модификация в биполярной ориентации Венгрии наступили не только под влиянием затянувшейся ратификации российско-венгерского договора, а в результате целого комплекса факторов, исходивших от внутривнутриполитической нестабильности в России, а также развернувшейся в сопредельной Югославии войны, которая стала источником потенциальной угрозы для безопасности Венгрии.

Политическая элита новой России, судя по высказыванию российского президента в венгерском парламенте 11 ноября 1992 года, с самого начала 90-х годов прошлого века ощущала, что бывший социалистический регион, вместе с Венгрией, уходит от нее. «Мы упустили страны Восточной и Центральной Европы. У нас образовался вакуум в отношениях с ними, – откровенно признавал Б.Н.Ельцин. – И нам надо быстро не только наполнить вакуум, но и развивать наши отношения дальше»²⁰. Перелома ситуации, однако, и на сей раз не наступило. Бывший социалистический регион Европы по ряду причин еще долго продолжал оставаться вне зоны активных политических действий российской политики. Дипломатия РФ довольно долго и не спеша выходила из состояния пассивного политического безразличия и бездействия в регионе. Благие намерения, конечно, были, но в сложных российских условиях они не реализовались.

Москва долго продумывала и определяла свои внешнеполитические приоритеты. В начале 1990-х годов они находились лишь в стадии формирования. Так, в конце 1992 г. был обсужден проект Концепции внешней политики РФ, где намечалось вывести политические и экономические отношения с бывшими соцстранами (которые упорно именовались еще Восточной Европой) «на качественно новый уровень» и «использовать наработанный прежде позитивный багаж в практических вопросах сотрудничества». Ставилась стратегическая задача помешать «превращению Восточной Европы в буферный пояс, изолирующий нас от Запада», подчеркивалась недопустимость «вытеснения России западными державами из восточноевропейского региона»²¹. Документ намечал налаживание партнерских отношений с этими странами. После обсуждения проекта 23 апреля 1993 г., президент РФ утвердил «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации». Контакты со странами восточной части Центральной Европы в них признавались одним из приоритетных направлений внешней политики России. Ставились задачи преодоления кризисных явлений в отношениях, сохранения хозяйственных, культурных, человеческих и прочих связей, придания нового импульса сотрудничеству «в соответствии с новыми условиями и российскими интересами»²².

²⁰ Там же.

²¹ Поздняков Э.А. О сути Концепции внешней политики России // *Международная жизнь*. 1993. №1. С.18–20.

²² Концепция внешней политики Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2000.

Отношения новой России с постсоциалистическими странами, как подчеркивал глава российского МИД А.В.Козырев в ноябре 1993 года на заседании Совета по внешней политике, складывались «не просто с нуля, а с минуса». Конечно, данную формулировку, с учетом первого межгосударственного договора с Венгрией, не совсем правомерно применять к российско-венгерским отношениям, хотя к региону в целом она справедлива. В российско-венгерских отношениях, однако, также накопились «завалы», которые необходимо было расчистить. Здесь достаточно напомнить о затянувшемся на долгие годы возвращении Венгрии существенного долга, оставшегося в наследство от СССР, о продолжительных спорах и взаимных претензиях вокруг собственности и экологического ущерба после вывода советских войск из Венгрии и пр. Были и другого рода трудности, расхождения намерений и пожеланий с реальной политической практикой, которые преодолевались сообща. Козырев на Совете говорил о задачах по «активизации внешней политики в этом регионе», отмечал, что у России со странами региона налицо «общность демократических устремлений, желание быть в стабильной Европе». Россия заинтересована в том, подчеркнул министр, чтобы бывший социалистический регион «стал не барьером, а мостом в Западную Европу»²³. Слова министра выражали благие намерения МИД и президентской власти в отношении региона, однако конкретных действий последовало мало.

Говоря об отношении России к постсоциалистическому региону в 1990-е годы, следует хотя бы кратко сказать о «восточноевропейской политике» российских партий, поскольку она затрагивала и отношения с Венгрией. Большинство партий, по сути, не имело такой политики. У них не было четких представлений о процессах, происходящих в регионе, тем более, единой позиции в вопросе об отношениях со странами новой европейской демократии. Но значительная часть российских партий застряла на догорбачевском подходе к данному региону, сохранила некий «постсоветский геополитический комплекс», особенно ярко выразившийся в думских выступлениях о *недопущении* бывших стран в западноевропейские структуры. Реагируя на такой подход, председатель Комитета по международным делам Госдумы В.П.Лукин не без основания отмечал: «Делать вид, будто ничего не случилось, что

№8–9. С.12.

²³ Восточная Европа и Россия // *Международная жизнь*. 1994. №1. С.15.

мы можем по-прежнему вести себя, как СССР, невозможно». Он утверждал: «Первоначальная апатия и последующие шарахания российской дипломатии на этом направлении привели к утверждению в Центральной Европе неблагоприятных для России тенденций... идет переориентация на Запад, страны рьяно рвутся в НАТО»²⁴. Депутат призвал активизировать, наконец, действия МИД с тем, чтобы бывшие социалистические страны стали для России не санитарным кордоном, а связующим звеном с Западной Европой. Однако остановить средствами дипломатии процесс устремления этих стран в НАТО, как предлагал российский политик, теперь уже не удалось, а их решимость к вступлению лишь усиливалась из-за неуклюжих, временами агрессивных, шумных пропагандистских акций представителей различных политических партий.

Венгрия, освободившись от советской опеки и восстанавливая свои полнокровные связи со странами Запада, какое-то время еще вынашивала *идею нейтралитета* страны по австрийскому образцу, но затем под влиянием быстро менявшейся обстановки в Европе, с учетом реальных возможностей подключения к западному сообществу, взяла курс на вступление в европейские структуры. В условиях развернувшегося вывода советских войск с территории Венгрии (процесс завершился к июню 1991 г.) и восстановления ее полного государственного суверенитета премьер-министр Й.Анталл сразу после смены политического строя в стране, в мае 1990 года, во внешнеполитической программе правительства наметил курс на сближение со всеми европейскими структурами, включая НАТО. В это же время рядом с Венгрией разразился балканский кризис, переросший в братоубийственную войну, в СССР назревал процесс распада с непредсказуемостью и потенциальной угрозой смуты (об опасности возврата к прошлому усилиями «красно-коричневых» сказал и глава МИД РФ А.Козырев в декабре 1992 года в Хельсинки). Если даже не напоминать о прочих неблагоприятных факторах, становится понятным, что для Венгрии и ее новой политической элиты реализация задачи по поиску нового союзника, надежной внешней опоры становилась насущной потребностью.

Было время, когда группа стран «новой демократии» – Венгрия, Польша и Чехословакия – делала шаг к самостоятельному сплочению, создав собственное региональное объединение, Организацию Више-

²⁴ *Выборы 1995 года. Внешнеполитические взгляды партий // Международная жизнь. 1995. №11–12. С.9.*

градского сотрудничества. Но образование «вишеградской тройки» было встречено Москвой ревностно и с опасением, хотя она и не представляла для нее ни экономической, ни военной угрозы. Новое центральноевропейское объединение к тому же оказалось недостаточно сплоченным, среди стран-участниц сразу же развернулось соперничество за приоритет вступления в западные союзы. Этот и другие факторы европейской политики, а среди них события в России лишь ускорили стремление названных стран к вступлению в НАТО. Не без основания отмечал впоследствии бывший министр иностранных дел Венгрии Геза Есенски, что «в результате попытки августовского путча 1991 года концепция скорейшего вступления в НАТО усилилась»²⁵.

Желание Венгрии и других бывших союзников СССР по восточному блоку стать членами НАТО и Евросоюза, процесс их вхождения в западные объединения и вообще расширение этих структур на восток вызывали у политических сил России опасение и открытое недовольство, получившие выражение в неоднократных заявлениях представителей различных политических партий РФ. Данные заявления, попытки помешать реализации устремлений Будапешта, Варшавы и Праги на Запад вызывали у них ответную реакцию. Они увидели в этом «ущемление своих суверенных прав и проявление имперских амбиций» России. Следует отметить, что Будапешт в этом, временами резко обострявшемся споре партнеров занимал наиболее мягкую и гибкую позицию, выступая за конструктивный диалог и добиваясь сближения демократической России с европейскими структурами.

Пути нынешнего сотрудничества

Оставаясь страной неконфликтной и предсказуемой, в политическом отношении стабильной, Венгрия в условиях исторического перелома конца 80-х и в 90-е годы XX века,

т.е. в самые сложные моменты испытаний, не прекратила своего сотрудничества с Россией. У Венгрии и России и ныне, в начале XXI века, остается немало сфер соприкосновения и плодотворного взаимовыгодного сотрудничества. Это касается как двусторонних отношений, так и содействия на международной арене в решении проблем, представляю-

²⁵ *Jeszenszky G. A magyar külpolitika fő irányai a század utolsó évtizedében // Magyarország helye a 20. századi Európában. Bp., 2002. 173.o.*

щих взаимный интерес. К последним, среди прочих, можно отнести такую деликатную сферу, как *защита прав национальных меньшинств*. Первый шаг в данном направлении Россия и Венгрия сделали 11 ноября 1992 г., подписав в Будапеште венгеро-российское заявление о защите прав национальных меньшинств. Этот начальный шаг был далеко не случайным, ведь именно Россия и Венгрия имеют за пределами своих современных государственных границ наибольшее число соплеменников (соответственно около 25 и 3,5 млн. человек), искусственно отделенных от материнской нации.

Как известно, этнические, языково-культурные и правовые интересы этих «отколотых» этнических массивов нередко ущемлялись и явно нуждаются в более эффективной защите в тех сопредельных государствах, в которых они оказались. К сожалению, российско-венгерское сотрудничество в этом важном вопросе не получило достойного продолжения. Россия и Венгрия могли бы объединить свои усилия в интересах выработки и принятия соответствующих международных правовых актов, обеспечивающих эффективную защиту как индивидуальных, так и коллективных прав для тех миллионов русских и венгров, которые не по своей воле оказались за пределами исторической родины на положении национальных меньшинств.

В целом можно констатировать, что развитие российско-венгерских отношений на новом историческом этапе началось с многообещающего межгосударственного договора 1991 года, но его реализация и наполнение конкретным содержанием не достигли в 90-е годы намеченной цели. Реальное сотрудничество двух стран по всем направлениям, не прекращалось, однако, даже в самые сложные времена, несмотря на определенное состояние застоя. Стороны решали возникавшие проблемы, расчищая завалы прежней эпохи. И, хотя делали это не всегда равномерно и последовательно, они берегли наработанные связи и сохраняли основные сферы сотрудничества, особенно в области двусторонних торгово-экономических и культурных отношений.

Некоторое оживление торгово-экономических связей между Российской Федерацией и Венгерской Республикой наступило в 1994 году (тогда объем торгового оборота достиг 3,5 млрд. долларов). Однако, несмотря на то, что Венгрия дольше других бывших союзниц СССР присутствовала на российском рынке и даже активизировала свои связи с различными регионами, какого-то существенного прорыва в отношениях не произошло и они оставались на прежнем уровне. Это было

именно так, несмотря на осознание того факта, что «наши страны в экономической сфере удачно дополняют друг друга»²⁶.

Действительный перелом, подлинный прорыв в развитии отношений между странами наступил лишь в конце 2002 г., вслед за тем, как летом во время саммита Россия – НАТО в Риме произошла первая встреча венгерского премьер-министра Петера Меддьеши с президентом РФ В.В.Путиным. Она и дала толчок оживлению двусторонних отношений. «Между нашими странами долго не развивались необходимые связи и диалог, хотя Россия является важным стратегическим партнером Венгрии», – вспоминал впоследствии венгерский премьер на одной из встреч с журналистами в Будапеште, высказываясь за «восстановление доверия»²⁷, несколько пошатнувшегося вследствие вступления ВР в Североатлантический союз.

В декабре 2002 г. состоялся официальный визит в Москву главы венгерского правительства П.Меддьеши, которого сопровождала многочисленная делегация представителей деловых кругов Венгрии (около 200 чел.). Тогда премьер-министр, определяя цель своего визита, сам сказал в интервью «Российской газете», что «венгерская делегация ожидает ренессанса, возрождения в венгеро-российских отношениях»²⁸. При этом особо было подчеркнuto, что сама жизнь требует «прорыва в наших отношениях с Москвой на основе дружбы и взаимного уважения», что прежде всего «необходимо укрепить взаимное доверие» между нашими странами. Не менее важными являлись слова венгерского премьера о месте России в мире и характере двусторонних отношений, высказанные им в пространном интервью другой газете: «Я убежден, что Россия, как одна из самых крупных стран на континенте, должна занимать особое место в отношениях Венгрии с европейскими странами. Нынешним визитом мы хотим подчеркнуть, что роль России в европейских делах возросла и она играет важную стабилизирующую роль в архитектуре безопасности. Мы хотели бы повысить уровень двусторонних отношений, особенно в свете предстоящего в скором времени вступления Венгрии в Европейский Союз. Венгерское правительство намерено построить с Россией предсказуемые и равноправные партнерские

²⁶ *Новыми путями. Интервью И.П.Обоимова, посла РФ в Венгрии // Вид на Венгрию. Будапешт, 1994. С.1–2.*

²⁷ *Еженедельный бюллетень МТИ. 2003. 3 июля; ИТАР-ТАСС. «Мы и мир». 2003. 3 июля.*

²⁸ *Российская газета. 2002. 19 декабря.*

отношения, которые основывались бы на взаимном доверии и стремлении к сотрудничеству»²⁹.

Следует отметить, что визит в Москву венгерской правительственной делегации был не просто успешным, но привел к настоящему прорыву в венгеро-российских отношениях. Сторонам удалось договориться о погашении российской задолженности перед Венгрией (на сумму 1,7 млрд. долларов), поставить и обсудить ряд непростых вопросов, в частности, связанных с реституцией культурных ценностей, с воинскими захоронениями, капиталовложениями в экономику друг друга и пр. Декабрьская встреча в верхах, на уровне бизнеса и экономического сотрудничества, вывела российско-венгерские отношения из состояния стагнации на качественно новый уровень, дала толчок их дальнейшему развитию. Начиная с этого времени межгосударственные отношения, торгово-экономические связи двух стран больше не знали имевших место в 90-е годы прошлого века спадов и застойных явлений.

За истекшие годы состоялось немало содержательных встреч на высшем уровне, где согласовывались и решались принципиальные вопросы двусторонних отношений, успешно развивалось сотрудничество в самых различных областях, особенно в сфере экономики и культуры. Объем двустороннего товарооборота за последние годы неуклонно рос: в 2006 году он превысил 8 млрд., а в 2007-м достиг 10 млрд. долларов³⁰. 2005 год прошел под знаком культурного сотрудничества, в России и Венгрии проводились сезоны культуры, внесшие весомый вклад в культурное сотрудничество народов двух стран. А президент Российской Федерации В.В.Путин, посетивший тогда Венгрию с ответным визитом, передал венграм уникальную коллекцию венгерских книг XVI–XVIII веков (среди них 18 первопечатных изданий), которая пропала из Шарошпатакского реформатского колледжа в годы Второй мировой войны.

В конце 2005 г. завершавший срок своего пребывания в Венгрии российский посол В.В.Мусатов перед возвращением на родину в интервью газете «Непсабадшаг», оценивая развитие российско-венгерских отношений, с полным основанием подчеркивал, что «после нескольких лет застоя мы снова имеем "полнокровное сотрудничество" с Венгрией». При этом счел своим долгом отметить, что Венгрия, в отличие от

²⁹ *Коммерсантъ*. 2002. 19 декабря.

³⁰ *Népszabadság*. 2007. Október 30.

МОСКВА–БУДАПЕШТ: РУБЕЖИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

некоторых других стран, ведет наиболее «продуманную и уравновешенную политику в отношении России, и это мы ценим»³¹.

О весьма позитивных изменениях в развитии отношений свидетельствует и оценка действующего посла в Будапеште Игоря Савольского: «Политический диалог ведется постоянно, на основе взаимных интересов и общих ценностей, и мы видим, что существует взаимное доверие. Особенно в последние пять лет видны серьезные положительные сдвиги в наших отношениях»³².

Премьер-министр РФ Виктор Зубков назвал российско-венгерские отношения «добрыми, понятными и прозрачными», добавив, что «их можно охарактеризовать также словами: заинтересованность, обязательность и надежность»³³. Слова главы российского правительства прозвучали в его интервью агентству ИТАР-ТАСС во время проведения в конце прошлого года небывало масштабных российско-венгерских межправительственных консультаций в Будапеште.

³¹ *Népszabadság*. 2005. December 2.

³² *Népszabadság*. 2007. December 7.

³³ ИТАР-ТАСС. 2007. 7 декабря.

Отношение любого столетия к наследию само по себе уже есть познание, то есть нечто новое, которое усилиями следующего поколения снова будет превращено, как нечто исторически ставшее, то есть преодоленное, в наследие. От этого преимущества первыми отказываются только варвары, которые никогда не разрывают оболочку своей культуры, как данную им раз и навсегда.

Якоб Буркхардт

**Музей, как памятник протекшего
столетия, как и всякий музей,
должен иметь в основе своей книгу,
или литературу, созданную
временем...**

Н.Федоров

Исаак Розенталь

МУЗЕЙ И ВРЕМЯ

The author analyses strong and weak aspects of the collection published in connection with the jubilee of Contemporary Russian History Museum (former Museum of Revolution) and elucidates problems arising from historical-political character of such museums. The collection is dedicated primarily to history of the museum, to its founders and officers. It enriches understanding of cultural development peculiarities in the Soviet period. Valuable reminiscences about the museum are published for the first time. The author notes that balance of scientific popularization and ideology, information and propaganda in the museum exposition requires a special treatment and expresses his doubts about selection of the museum foundation date and the official name of the museum.

Несколько лет назад одна из московских газет откликнулась на обновление экспозиции в Музее современной истории репортажем под броским заголовком: «В зал музея въехала тачанка». Видимо, автор репортажа (замечу – вполне благожелательного) представлял себе работу сотрудников музея очень просто: достаточно сообщить, что для освещения истории гражданской войны требуется тачанка – и она тут же к услугам тех, кто строит экспозицию. В действительности у каждого экспоната раньше, чем он таковым станет, существует своя биография, и превращение его в экспонат в системе других экспонатов является итогом длительного творческого поиска. Поиск – в буквальном смысле – будущих экспонатов, затем процесс создания экспозиции и многое другое, что предшествует конечному результату, обычно остается для посетителей исторических музеев «за кадром».

Музей, о котором говорится в репортаже, недавно отметил свое 90-летие, в прошлом это Музей революции. К юбилею выпущен специальный сборник, он по существу спорит с расхожим, облегченным, как правило, представлением о работе «музейщиков»¹. Книга, освещающая историю одного из крупнейших российских музеев, открытого еще в 1924 году, может представить интерес не только для специалистов. Всякий музей обращен к массовой аудитории, уступая в этом смысле разве что только школе. Уже поэтому необходим анализ того, что имеется в сборнике. А также рефлексия по поводу того, что хотелось бы в нем найти.

У меня, как автора рецензии, есть и «личный» мотив для таких размышлений: в этом музее я проработал немалый, мягко говоря, срок. К саморекламе по своей натуре я несколько не склонен, но сообщу для точности (к этому вынуждает текст рецензируемого издания), что работал в музее последовательно старшим, ведущим и главным научным сотрудником². Другим обстоятельством, побуждающим взяться за рецензирование, является тот факт, что перед нами вариант «ведомственной истории». По поводу этого явления мне уже приходилось ранее высказываться на страницах журнала³. Сборник подтверждает, что ведомственный подход к истории может принимать разные формы. И

¹ *Проблемы теории, истории и методики музейной работы. Музей современной истории России в прошлом и настоящем. М., 2007.*

² *Ср.: Там же. С.249.*

³ *Розенталь И. О царской охране и «ведомственной» истории // Россия XXI. 2006. №6. С.149–152.*

давать плоды разного качества, неодинакового соответствия научным требованиям и потребностям читателей.

Средства массовой информации чаще сообщают об отдельных выставках и экспонатах. Чтобы рассказать о музее как целостном организме, о его возникновении и развитии в связи с изменениями, происходящими в обществе, нужны значительные усилия. Как показывает юбилейный сборник, необходимый для этого материал постепенно накапливается.

Сильная сторона сборника – населенность его людьми. Составители Г.К.Ольшевская и Л.Н.Годунова проделали огромную работу, добывая в одних случаях анкетные, в других более обстоятельные сведения о тех, кто «делал музей». Собраны и представлены читателю всевозможные свидетельства, в том числе воспоминания, как ранее публиковавшиеся (Н.М.Дружинина, А.Б.Закс), так и хранящиеся в музее и публикуемые впервые. Некоторые воспоминания написаны специально для данного сборника, например, воспоминания (скорее это миниисследование) С.О.Шмидта о трудившейся одно время в Музее революции своей матери М.Э.Голосовкер. Требовать от воспоминаний единообразия не приходится, иные из них фактографичны, иные аналитичны и содержат, помимо изложения собственного опыта, ценные обобщения, но все они написаны увлеченно и изобилуют подробностями, без знания которых нельзя нарисовать объемную и многокрасочную картину развития отечественной культуры в XX столетии.

Невозможно переоценить то, что составителям удалось сделать, и нельзя не одобрить заявленное намерение подготовить в дальнейшем еще несколько сборников воспоминаний. Составители нашли возможным обратиться даже к такому неординарному источнику, как стенгазеты, выделив почерпнутое из них в раздел «Стенгазетная мозаика».

Немаловажная тема, отчасти затронутая в сборнике, – судьбы работников музея, связь их с историей страны. В этой части можно привести дополнительные сведения, есть что вспомнить и мне, поскольку из стен Музея революции вышли многие историки, в том числе преподаватели вузов. В студенческие годы я слушал лекции ранее трудившихся в Музее революции З.П.Базилевой и Е.А.Луцкого, преподавал у нас на истфаке и Л.А.Резцов. Позже, когда я начинал учительскую деятельность, в партийной организации школы состояла в качестве прикрепленной изгнанная из МГПИ историк, когда-то составитель первого советского букваря для красноармейцев («мы не рабы, рабы не мы» – это она при-

думала), Д.Ю.Элькина, вдова первого директора музея С.И.Мицкевича⁴, также работавшая одно время в музее.

В сборнике можно прочитать, что Базилеву уволили в конце 20-х годов ввиду ее дворянского происхождения, и, как пишет в своих воспоминаниях А.Б.Закс, Музей революции лишился прекрасного экскурсовода. Могу подтвердить: Зинаида Петровна была блестящим лектором и талантливым исследователем, автором первой монографии о «Колоколе» Герцена, подвергнутой несправедливой «партийной критике». Хорошо помню, как сдавал досрочно экзамен Евгению Алексеевичу Луцкому. Вместо того чтобы задать стандартный вопрос, он предложил атрибутировать пару фотографий. По окончании экзамена он мне их подарил, на обороте этих «контролек» – штамп Музея революции. Тогда мне и в голову не могло прийти, что сам буду работать в этом музее...

Москва. Музей современной истории

О сегодняшнем дне музея можно узнать из статей, помещенных в 1-м разделе. Нельзя не согласиться с тем, что ни один период истории России «не может быть выброшен и забыт» и, разумеется, никакой период не может быть «позорным» (что не исключает нравственной квалификации событий и исторических деятелей внутри периода). В статье Н.Ф.Царевой, из которой взята эта верная мысль, приводятся примеры экспозиционного воплощения различных исторических сю-

⁴ С.И.Мицкевич (1869–1944) – большевик, врач, публицист, в 1924–1934 годах директор Музея революции.

жетов – то, что посетитель видит сегодня, придя в музей. Но проблемы тем не менее остаются.

Прежде всего, потому, что в самой природе музея политической направленности, каким был Музей революции (и каким он в основном остается после переименования), заложен ряд противоречий. В ходе создания экспозиции неизбежно возникает противоречие между подлинностью исторических памятников и необходимостью их отбора. Как известно, в основе исторического знания должна быть по возможности вся совокупность фактов, но в музее это нереально, ввиду специфики размещения и организации материала в определенном пространстве.

Противоречат подлинности этих памятников как источников знания о прошлом и идеологические стереотипы, подчас весьма далекие от правды истории. Идеология, как писал Леви-Строс, это мифология XX века. Несомненно, и века нынешнего, в котором мы живем. У идеологии свои особенности и компоненты, свое назначение⁵. Музейное дело в большей или в меньшей мере является не чем иным, как мифотворчеством. Можно утешать себя тем, что оно в этом смысле сродни искусству. Однако музей отличается от прочих зрелищ не только статичностью, но и запросами его аудитории. В музей, если он при всей своей политизированности претендует на звание исторического музея, приходят все же не за мифами, а ради того, чтобы соприкоснуться с историей «как она есть». Посетитель может сознавать или не сознавать, что его превращают здесь в объект «музейной пропаганды» или «политико-просветительной работы».

Возможно ли эти противоречия разрешить? Какими средствами это делалось и делалось ли вообще в разное время? Сколько было в экспозициях производного от науки и сколько использования экспонатов по принципу «тем хуже для фактов»? Сколько популяризации и сколько идеологического сервизма? Похоже, что составителей и авторов сборника эти вопросы не занимают. Не допускаю, что они им неизвестны, какое-то приближение к ним прослеживается в статье А.С.Балакирева и Г.К.Ольшевской о лакунах в музейных фондах, в указанной статье Н.Ф.Царевой – там, где говорится о современных средствах повышения информативности экспозиции. Но история музея в целом преподносится сплошь и рядом без выявления причинно-следственных связей, вне фона Большой Истории, проходившей через качественно различавшиеся этапы. И если мемуарам такой «пробел» простителен, то

⁵ См.: *Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С.9–105.*

в статьях, написанных как-никак в начале XXI века, вряд ли можно ориентироваться на образец Геродота или Джамбула.

Некоторые пассажи просто вызывают удивление. Например, об «огромной роли» в жизни музея выставки подарков Сталину – так сказано в одной из статей. Аргументов на сей счет в статье нет, их и нельзя найти. О какой жизни музея можно говорить всерьез, если для размещения этой выставки его экспозиция была полностью ликвидирована и все силы брошены на обслуживание выставки? Восторги мемуаристов, имевших отношение к выставке, можно понять, но от исследователя, не обязанного с ними солидаризироваться, читатель вправе ожидать минимального хотя бы объяснения. С включением действительно важного факта создания такой выставки в исторический контекст и с неременной оценкой этого проявления «культы личности», ведь с тех пор прошло более полувека.

Профессиональная обязанность историка – открывать. Скрывать, утаивать – дело других инстанций, заниматься этим в музее вообще противоестественно. К счастью, подросло поколение, лишь понаслышке знающее, что в течение десятилетий музей не имел права показывать, как выглядели исторические деятели «не тех» воззрений и биографий. Изображение собаки, полетевшей в космос раньше человека, – пожалуйста, а портреты коронованных особ, представителей «непролетарских» партий, всевозможных «врагов народа», эмигрантов и т.д. и т.п. – ни в коем случае. Тем самым не только искажалась история, но и внедрялось в массовое сознание представление о музее как о некоей разновидности доски почета.

Но, оказывается, и в условиях отсутствия государственной цензуры позволительно иных сотрудников музея выбрасывать из его истории, не пропуская через фильтр, как выражались встарь, «усмотрения». Понятно, что имеется в виду уже не экспозиция, а данный сборник, и на сей раз встает проблема этическая. Речь идет не о фотографиях, а об освещении деятельности тех или иных лиц, причем людей, плодотворно работавших в музее много лет. Это и работники целых подразделений, например, выставочного отдела, филиала на Лесной, читателю внушается, будто трудились только их руководители, никто из их подчиненных не упомянут. Это и перешедшие на работу в другие музеи и учреждения; такой «грех», видимо, тоже неискупим – разве что кончиной сотрудника или тем, что он занял высокую должность...

И еще более нелепый вариант внутренней цензуры (слово «самоцензура» не подходит, внешних причин для нее нет). Работа иных сотруд-

ников музея на страницах сборника отражена, и даже подробно, но определенные ее аспекты замалчиваются. Это, как ни странно, печатные результаты их научных исследований, в том числе статьи в музейных изданиях, не говоря уже о публикациях в научных журналах и книгах, об участии в коллективных трудах, в энциклопедиях, о выступлениях на конференциях историков и т.д. Выглядит это как демонстративное обособление от основного русла развития исторической науки. Оно идет вразрез с общеизвестными прописями о научно-исследовательской работе как основе всего остального в музее. Своего рода провинциализм, тем более странный, что мы говорим о столичном музее.

Например, воздается должное вкладу в становление музея Н.М.Дружинина, будущего академика, но почти ничего не говорится о его трудах по истории декабристов и о том, что они написаны отчасти по материалам, хранившимся в музее. О погибшем на фронте С.Е.Лившице можно узнать, что он был историком, но, какими историческими сюжетами занимался, не сообщается; между тем в свое время был опубликован биографический очерк о нем Л.М.Иванова. О М.Б.Кабалкиной сказано много и хорошо, но только не о том, что она автор подготовленной на основе диссертации главы в «Истории Москвы». Количество примеров можно умножить.

Особый случай – страницы биографии Г.И.Петровского, связанные с Музеем революции, где он работал. В музее хранится его переписка последних лет жизни, посвященная реабилитации репрессированных старых большевиков. Об этих документах в юбилейном издании ни слова. Между тем в одном из ранее вышедших музейных сборников была опубликована статья, в которой приводились обширные выдержки из писем Петровского и его корреспондентов, а также существенные сведения о самом Петровском и о том, почему, по его словам, медленно проходила «ликвидация сталинщины». Но автор статьи – «не тот». Этого необъясненного читателям «криминала» достаточно, чтобы имя автора не упоминать и не ссылаться не только на его статью⁶, но и на факт наличия в музее переписки Петровского – источника, одной статьей не исчерпанного.

⁶ Бессонов В.А. «Медленно идет ликвидация сталинщины...» Из переписки Г.И.Петровского // *Голоса истории. Музейные материалы как источник познания прошлого. Сборник научных трудов. Вып.22. Кн.1. М., 1990. С.214–233.* – Г.И.Петровский (1878–1958) – большевик, в 1912–1914 гг. депутат IV Государственной думы, в 1919–1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б). С 1940 года заместитель директора Музея революции.

Причины столь удивительного в наше время замалчивания того, чем следует гордиться, никак не артикулируются. Налицо сугубо бюрократическая привычка не утруждать себя доводами в пользу принимаемых решений, на сей раз воплощаемая в «ведомственной» истории. Ввиду отсутствия в сборнике или еще где-либо доводов, дающих основание пренебрегать вкладом ученых музея в историческую науку, ничего не остается, как отыскивать в прошлом параллели, способные хоть что-то объяснить или приблизиться к объяснению.

Вот одна такая правомерная, на мой взгляд, параллель. Или гипотеза, как угодно. Накануне отмены крепостного права ненужность обучения простого народа грамоте обосновывалась тогдашними ретроgrадами таким «оригинальным» образом: перо легче сохи, а если, не дай бог, все станут грамотными, некому будет землю пахать. Дикость подобных рассуждений понятна была, разумеется, многим и в то время. Но похоже, что в нашем случае ход «мысли» примерно такой же. Должно быть, воспаленному воображению рисуется жуткая картина: все сплошь сотрудники музея изучают дни и ночи напролет музейные коллекции, забросив другие виды работы, и музею приходит конец... Ведь «перо легче сохи» и т.д. – смотри выше. Но страшен сон, да милостив бог – ничего подобного не случилось и не случается...

Нельзя не одобрить включение в сборник обзоров личных фондов, но хотелось бы знать, насколько новым для исследователей является их содержание, тем более, что фондообразователи сами могли их использовать, выступая в качестве мемуаристов. Так, Ф.Н.Самойлов⁷ известен как автор воспоминаний «По следам минувшего», они не раз переиздавались, причем между первым и последующими изданиями есть различия и весьма существенные. К сожалению, с этой обязательной точки зрения фонд Самойлова, подробно охарактеризованный, не рассматривается, мемуары Самойлова даже не упомянуты. Вообще историческая литература, в том числе последних 10–15 лет, учтена при составлении сборника недостаточно.

И хотелось бы знать, как далеко все-таки – при таком отношении к научно-исследовательской работе – ушел музей от того времени, когда, согласно записи в дневнике Н.М.Дружинина (1928), налицо было «неведение в вопросе о происхождении и ценности материала... и отсутствие [его]

⁷ Ф.Н.Самойлов (1882–1952) – большевик, в 1912–1914 гг. депутат IV Государственной думы, в 1938–1941 гг. директор Музея революции.

научного изучения»⁸ (что конкретно делалось при Дружинине для преодоления этого недостатка, кратко сообщается в его воспоминаниях, включенных в сборник). К сожалению, в динамике, в цифровом или каком ином выражении, изменения с тех пор не показаны. Названия выпущенных сборников не могут заменить характеристик авторов, тематики их работ.

Некоторые общие вопросы, заслуживающие внимания, в сборнике обойдены. К числу таких вопросов относится вопрос о названии музея, менявшемся неоднократно. Чем эти изменения вызывались? Ясного ответа нет. Раньше музей называли простоты ради Музеем революции, теперь – Музеем современной истории. Имелись и имеются также официальные, полные названия и названия сокращенные. Принадлежность к сфере культуры – по самой сути музейного феномена и по ведомственной подчиненности – предполагает влияние при выборе названия более или менее развитого эстетического чувства. Увы, нынешняя аббревиатура – ГЦМСИР – свидетельствует скорее об эстетической глухоте, так как произнести это нагромождение согласных невозможно, а окончание СИР наводит на мысль о мании величия.

Попробуем расшифровать и понять смысл каждой составляющей. Когда-то музей был Государственным, потом стал Центральным, теперь он и Государственный, и Центральный, – случай на пространстве Российской Федерации, вероятно, единственный. Эрмитаж, к примеру, только Государственный. Однако ничего реального за этой претенциозной двухэтажностью не стоит. Контакты с другими музеями не прекратились, это, несомненно, положительное явление, и оно как-то отражено на страницах сборника. Но музеи не образуют нынче солнечную систему, не вращаются вокруг центрального светила.

Точно так же никто не знает, что такое в данном случае «современная» история. Когда именно она начинается? И 1917 год – давно не современность, и 1905 год, и тем более отмена в России крепостного права, однако же все это по-прежнему освещается в музейной экспозиции, является необходимой ее частью. Наименование Музей *революции* можно было оправдать только бодрыми виршами советских времен о революции, не имеющей ни начала, ни конца. Но чем по сравнению с прежним названием точнее и обоснованнее новое загадочное наименование – Музей *современной истории*?

В завершение вопрос, вероятно, возникший у неосведомленного читателя. Сколько все-таки лет музею? «Очень трудная наука – арифметика», –

⁸ Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 135.

утверждал когда-то автор детской песенки. Но посчитаем. Если первые посетители пришли в музей в 1924 году, то до 90 лет он пока не дотянул. Значит, юбилей преждевременный? В индивидуальной жизни так поступать не принято – плохая примета. Захотелось быть постарше? Но это свойственно детям, а возраст музея в любом случае далеко не детский.

Все проще. Искусственное «удревнение» произошло, когда пала монополия на власть КПСС. Решили, что место реальных организаторов музея, большевиков, должны занять более пристойные, как казалось, исторические деятели: кадеты, меньшевики и близкие им представители интеллигенции. Они действительно выдвинули идею создания музея после февраля 1917 года, за что им честь и хвала. Но реализовать эту идею в силу известных причин они не могли. Вместо того, чтобы указать эти причины, отнюдь не секретные, в сборнике сообщается, что идею создания Музея революции поддерживало и Временное, и Советское правительство, – так, будто второе было естественным преемником первого и они одинаково представляли себе облик будущего музея. На деле время до окончания гражданской войны, развязанной в октябре 1917 года, вовсе не было периодом подготовки к открытию музея.

Итак, реальное создание музея подменяется виртуальным. Но вот недавно нашлись в высоких сферах лица, в истории не сведущие и свое невежество не только не скрывающие, но навязывающие другим, например, студентам-историкам, исходя из соображений вненаучных. Они полагают, что нет никакой разницы между Февральской революцией и Октябрьской, между кадетами, эсерами, меньшевиками и большевиками, все одинаково плохо. Как тут быть? В каком году отмечать грядущее 100-летие музея? Снова искать его начало и на сей раз уже во времена дореволюционных? Или последовать примеру гоголевского городничего, который свои именины праздновал и на Антона, и на Онуфрия?

Напоследок позволю себе заступиться за члена созданного после Февраля 1917 года Общества друзей Музея революции, народоволку (конечно, в то время уже давно бывшую, о чем не сказано) А.П.Прибыльву, ее вторая фамилия – по мужу – не Кобра, а Корба...⁹ Не повезло и Н.П.Анциферову, и Н.И.Муралову, их фамилии тоже искажены. Опечатки? Да, бывает, что в иных современных изданиях опечаток еще больше, но все равно досадно. И, безусловно, был бы полезен именной указатель.

⁹ См. ее автобиографию: *Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С.195–208.*

Наши авторы

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке, доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Смирнов Илья Викторович

историк, независимый журналист

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории

Our authors

Maximytchev Igor Fedorovich

Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.), Doctor rer. pol.,
Chief researcher of the Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor,
Chief researcher of the Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Smirnov Il'ya Victorovich

historian, independent journalist

Rosental Isaak Solomonovich

D.Sci. in history, Professor,
Head specialist of Russian Record Office of Social-Political History

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездииковский пер., д.12/27, стр.3;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ый читательский
подъезд;
книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79 E-mail: bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

**Для иностранных читателей подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:**

тел. (495) 672-70-12 e-mail: export@periodicals.ru

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

1.2008 january-february

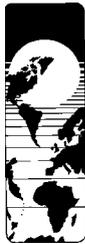
S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

SergeyKurginyan

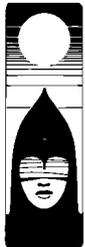
TheBubble _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

OlegGrinevsky

To Be or Not to Be ABM? _____ **18**

National Doctrine

MarkLapitsky

Fundamentals of US Business Culture _____ **66**

European Parallels

MarinaVitukhnovskaya-Kaupala

Memory about «Finnish War»
in Russia and Finland _____ **92**

MikhailLyustrov

The Hyperborean Myth in Sweden and Russia:
O. Rudbeck and V. Kapnist _____ **108**

Academic Journal

Labels and Myths

Victor Topolyanasky

Metaphysics of Boycott
in Moscow University _____ 118

Pages of History

Bela Zhelitski

Moscow-Budapest: Lines of Mutual
Relations, 1948-2008 _____ 152

Readers Letters

Isaak Rosental

Museum and Time _____ 178

РОССИЯ XX1